

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3(103)

Выходит 4 раза в год. Год издания 17-й

Июль–сентябрь 2011

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижина
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
КАВКАЗСКИЙ БАРОМЕТР-2010	8
МИРОВОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	10
ОБЩЕСТВА СЕГОДНЯ: ИНСТИТУТЫ-ПРАКТИКИ-ПАМЯТЬ	
Евгения ЛЁЗИНА. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ)	17
Любовь БОРУСЯК. Образование в России: возможность реформ и воздействие коррупции (по дискуссиям на Интернет-форумах)	38
Алексей ЛЕВИНСОН. Институциональные рамки старости	52
Володымыр КУЛЫК. Языковые практики и представления граждан Украины: социально-демографический аспект	82
Сергей НИКОЛЮК. Беларусь: между кризисом и катастрофой	93
Леонид АШКИНАЗИ, Алла КУЗНЕЦОВА. Декларация о чтении как самопрезентация (по материалам Интернета)	101
Борис ДУБИН. Архив и высказывание. К социологии музея в современной России	106
МАТЕРИАЛЫ ТЕКУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Россияне об Израиле. Подготовил Л.Гудков	110
Авторы номера	116
SUMMARY	117

Ответственный редактор
выпуска *Б.В. Дубин*

Редактор, корректор
В.Я. Мордерер

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел. : (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru, <http://www.levada.ru>

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

3(109)

Quarterly

July–September 2011

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

**The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences**
(InterCentre)

**Members of
the Editorial Council**

Tatyana Zaslavskaya
(*Chair*)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

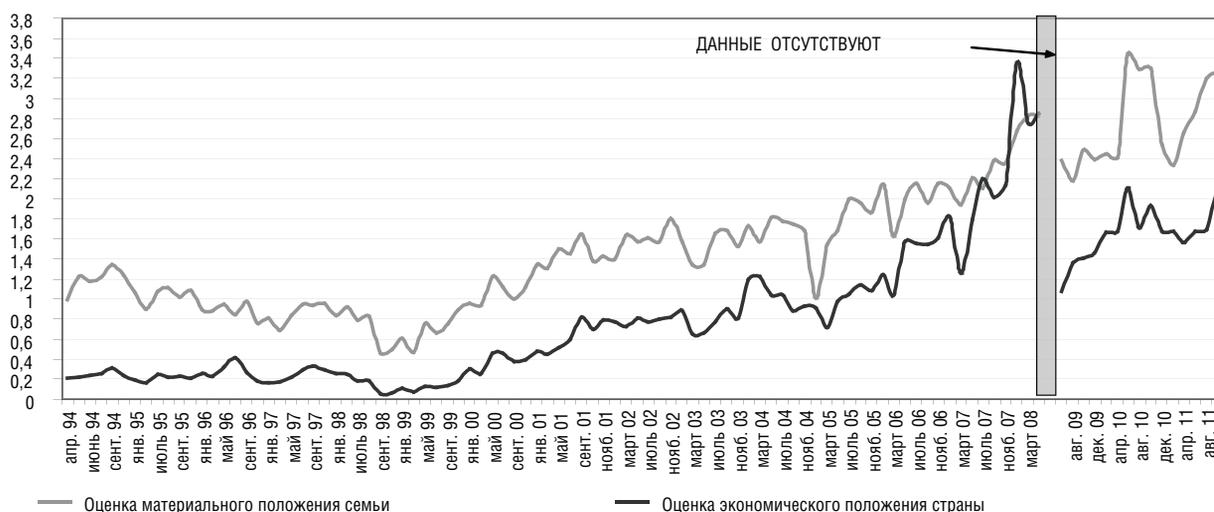
Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Boris Dubin
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
CAUCASIAN BAROMETER – 2010	8
WORLD PUBLIC OPINION AND THE UNIVERSAL DEKLARATION OF HUMAN RIGHTS	10
SOCIETIES TODAY: INSTITUTIONS – PRACTICES – MEMORY	
The Sources of Change in Official Collective Memory (Lessons from the Postwar West German Experience) (by Evgenia Lezina)	17
Education: Possibility of Reforms and Impact of Corruption (by Lubov Borusyak)	38
Institutional Frames of Aging and Old Age in Russia (by Alexei Levinson)	52
Language Practices and Attitudes of Ukrainian Citizens: the Socio-Demographic Aspect (by Volodymyr Kulyk)	82
Belarus: between Crisis and Catastrophe (by Sergey Nikolyyuk)	93
Declaration of Reading as Self Presentation (by Leonid Ashkinazi and Alla Kuznetsova)	101
Archive and Utterance: Towards the Sociology of Museum in Contemporary Russia (by Boris Dubin)	106
FINDINGS OF CURRENT RESEARCH	
The Russians about Israel (summed up by Lev Gudkov)	110
Autors of the issue	116
SUMMARY	117

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ (соотношение давших положительную — «хорошее» и «среднее» — и отрицательную — «плохое» и «очень плохое» — оценку; затруднившиеся с ответом не учитываются)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

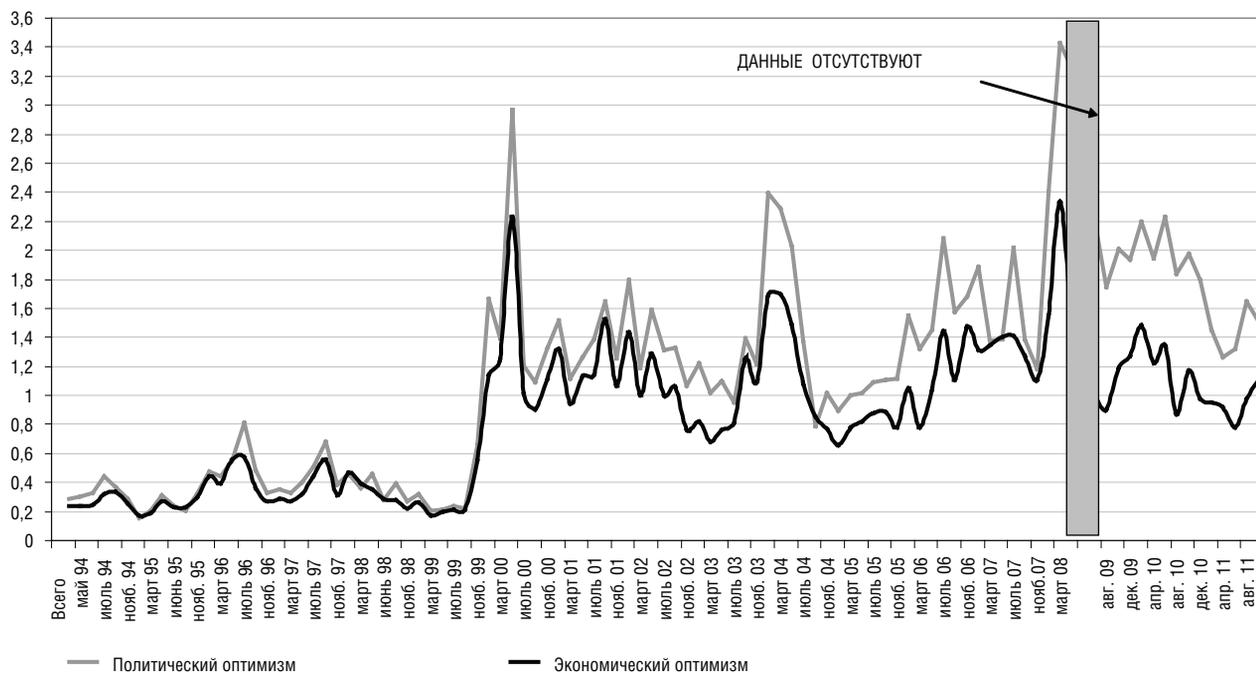
2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

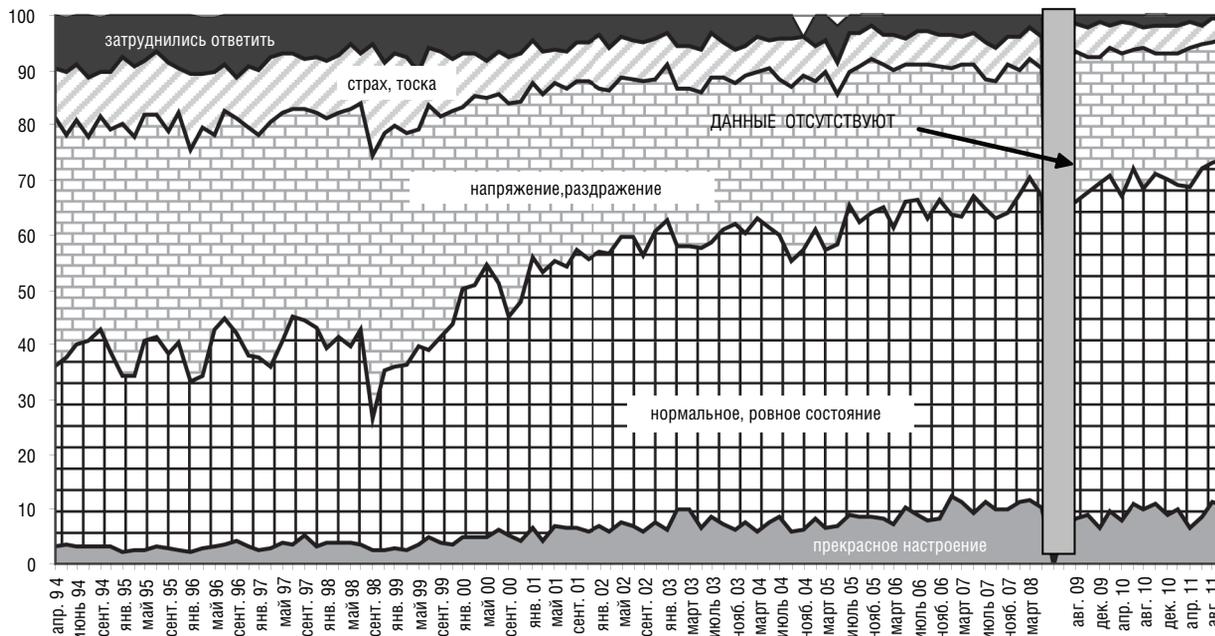
До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

3. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (соотношение позитивных и негативных ожиданий)

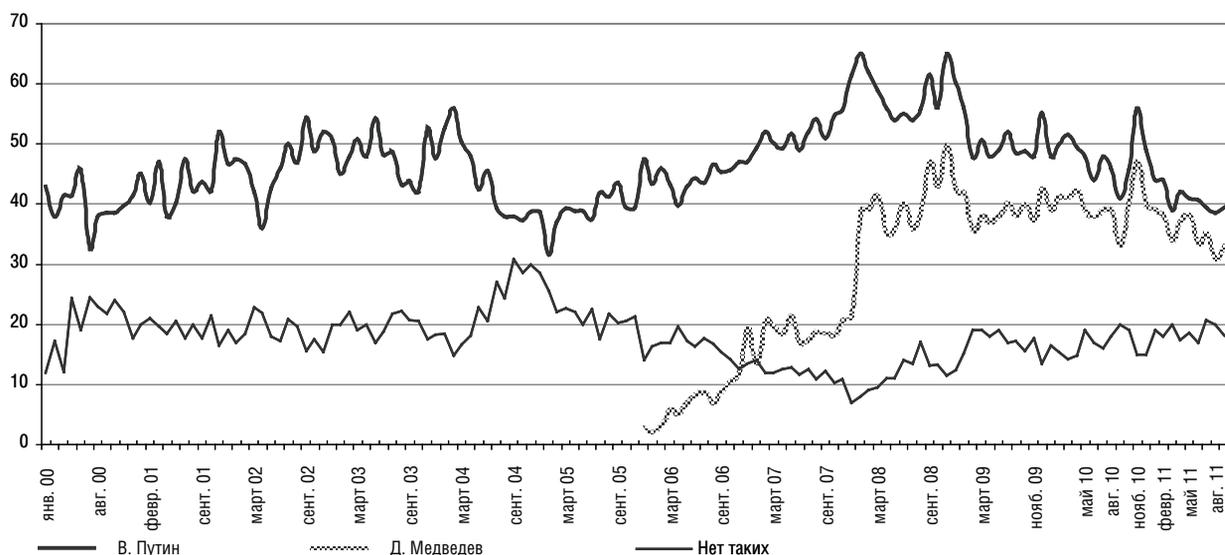
До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

4. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

4а. Доверие к Д. Медведеву и В. Путину (в % от числа опрошенных)

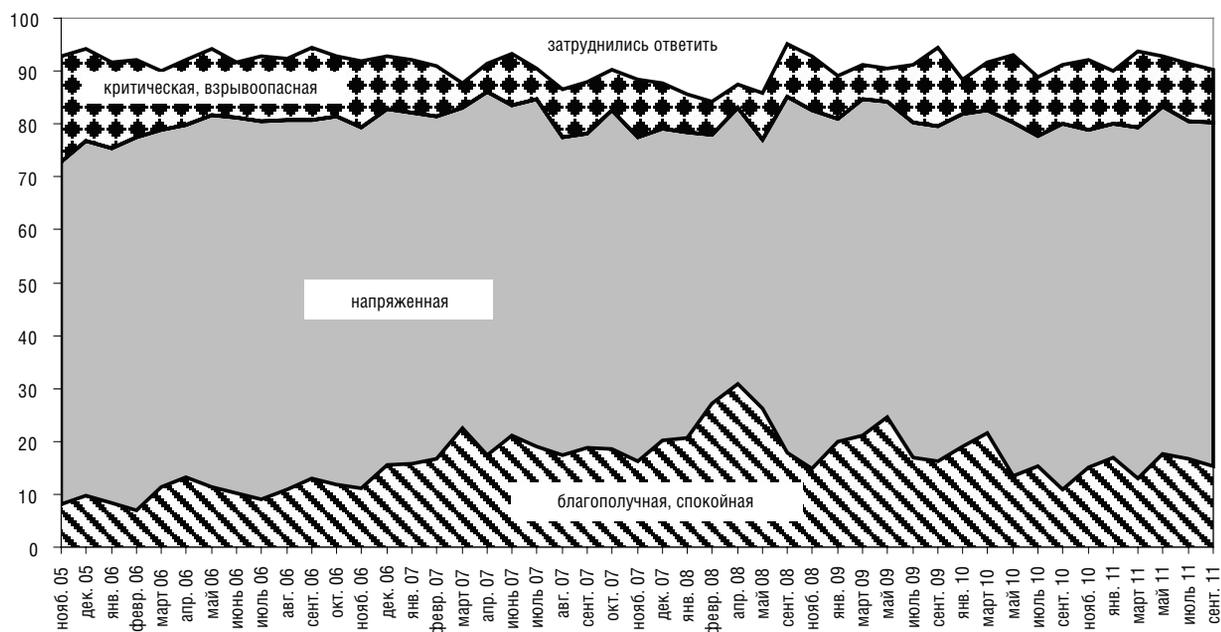

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

4б. НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политикам, собравшим хотя бы в одном замере не менее 3%)

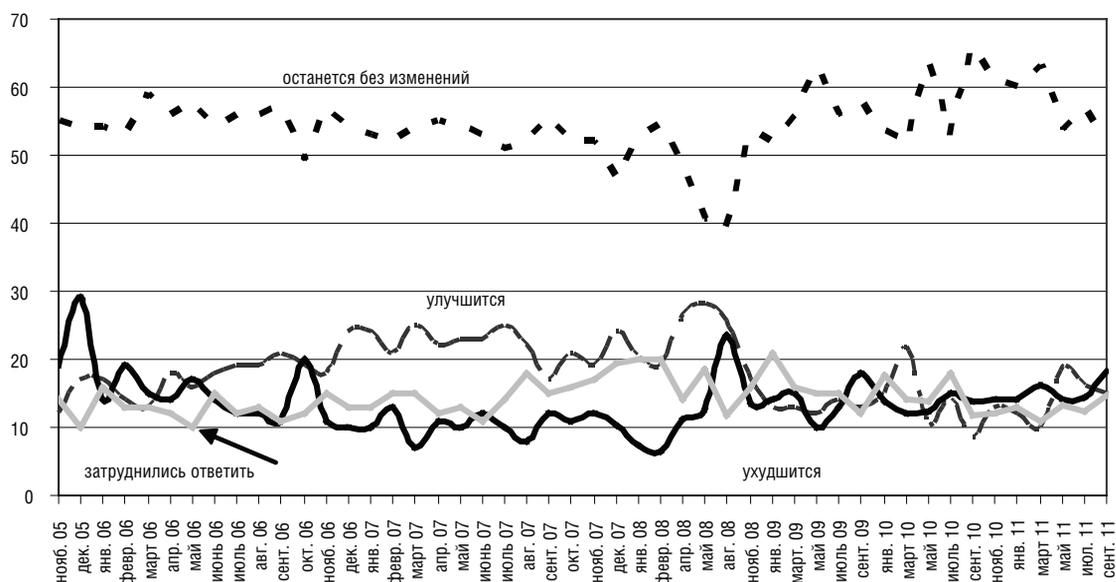
Вариант ответа	2008			2009			2010			2011								
	I	VI	XII	I	VII	XII	I	VII	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Голикова Т.	1	1	2	2	2	4	2	2	4	3	3	3	2	3	5	4	3	2
Грызлов Б.	3	3	4	4	3	4	4	4	3	4	3	4	4	4	4	3	3	3
Жириновский В.	10	7	9	10	11	11	9	10	11	10	12	12	12	14	12	14	11	12
Зубков В.	14	6	2	2	2	2	2	3	3	2	2	2	3	3	1	2	3	1
Зюганов Г.	9	9	7	9	9	10	8	9	8	9	12	12	12	12	12	11	10	10
Иванов С.	23	13	7	7	6	4	3	6	4	5	6	4	5	4	4	3	2	2
Кудрин А.	1	1	1	1	3	3	2	3	3	3	2	3	3	3	2	2	2	2
Лавров С.	2	3	4	6	6	6	4	6	4	6	6	6	6	6	5	8	4	4
Лужков Ю.	8	6	7	6	8	5	3	4	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1
Лукашенко А.	2	4	5	3	4	4	2	2	3	2	2	2	3	3	2	2	1	2
Матвиенко В.	3	4	7	4	6	7	3	3	5	3	3	2	4	3	4	8	5	9
Медведев Д.	39	40	42	42	41	43	39	39	40	39	38	34	37	38	33	35	31	33
Миронов С.	5	3	4	3	3	5	4	3	3	3	4	4	5	6	5	5	4	4
Патриарх Кирилл	–	–	–	–	–	–	–	–	10	8	9	7	9	7	7	7	7	7
Примаков Е.	4	3	3	2	3	5	4	3	4	4	4	3	4	3	3	4	3	2
Путин В.	65	55	60	56	53	55	48	48	49	44	44	39	42	41	41	40	39	40
Собянин С.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5	5	6	5	4	4	4
Тулеев А.	4	4	5	3	4	5	3	4	3	4	5	5	5	5	3	5	5	4
Хакамада И.	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1	2	2	3	1	3	4	3	2
Шойгу С.	17	16	14	13	16	17	13	15	13	15	14	14	15	14	11	21	16	13
Нет таких	8	14	12	15	15	13	17	16	15	19	18	20	17	19	17	21	20	18
Не интересуюсь политиками, политикой	10	12	9	14	13	12	14	17	15	15	15	16	16	14	15	15	16	17
Затрудняюсь ответить	5	6	6	6	6	5	6			7	6	5	6	6	8	5	6	5

5.1. КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

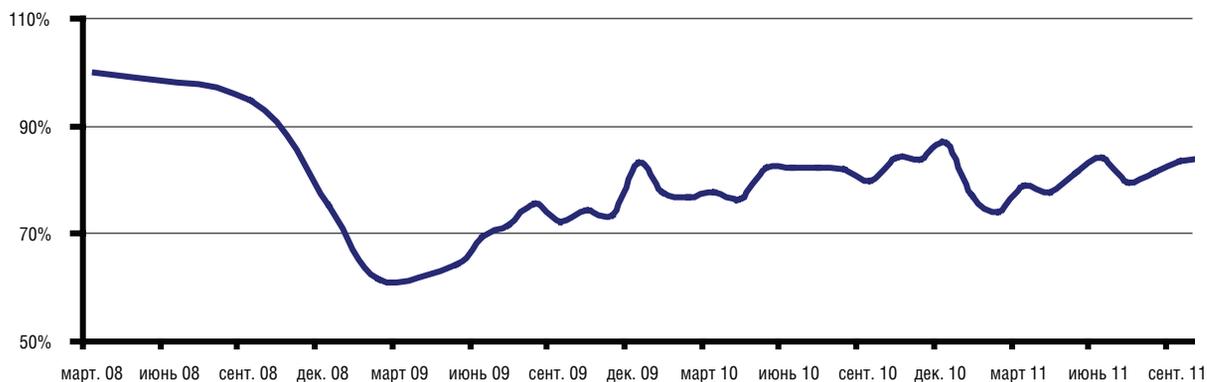
N=1600

5.2. КАК ИЗМЕНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

N=1600

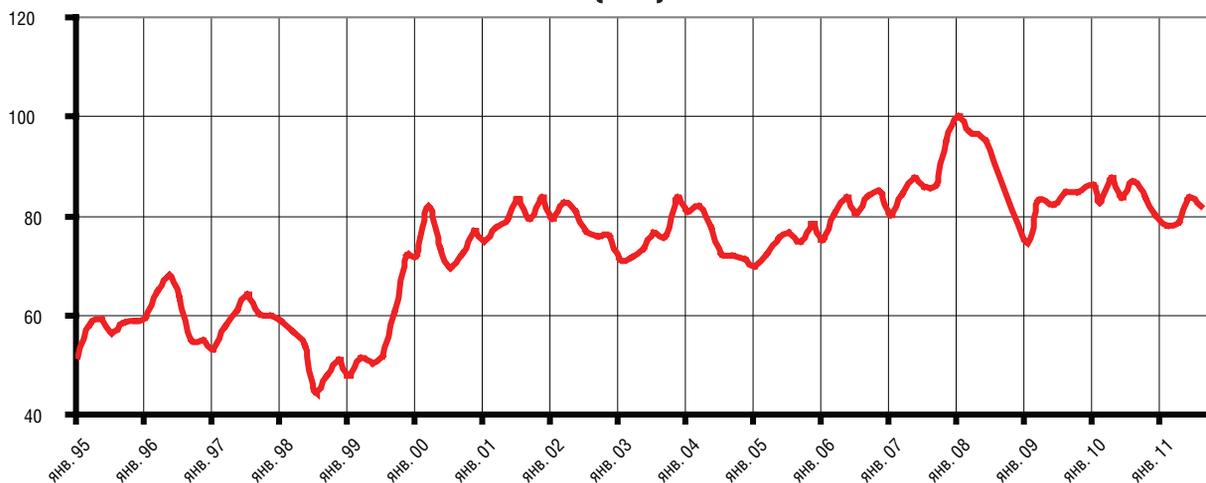
6. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

Начало осени 2011 г. не ознаменовалось существенными изменениями общественных настроений, несмотря на приближающиеся выборы. Индекс социальных настроений (ИСН) после неоправданно значительного роста в августе, в октябре опять снизился, а индекс потребительских настроений (ИПН) после более умеренного, по сравнению с ИСН, улучшения в конце лета, в сентябре – октябре зафиксировался на одном уровне.

Индекс потребительских настроений (ИПН) в октябре 2011 составил 103 пункта. По-прежнему наблюдается весьма вялый рост потребительского оптимизма, рост индекса в целом происходит за счет улучшения оценок текущего материального положения, который, тем не менее, не сопровождается аналогичными изменениями в оценках ситуации на потребительском рынке.

7. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

Индекс социальных настроений (ИСН) в октябре 2011 составил 111 пунктов, и это ниже уровня августа, когда индекс достиг 114 пунктов. Наиболее важные изменения последних месяцев связаны с одной стороны, с постепенным улучшением оценок положения семей респондентов, с другой стороны – ухудшением восприятия (снижением уровня одобрения) верховной власти в стране (президента и правительства). Впервые за историю наблюдений оценки текущего положения семей в среднем оказались выше, чем оценки действий властей страны. Ранее такая структура оценок периодически наблюдалась только в высокодоходных группах.

«Кавказский барометр 2010»¹

ОТНОШЕНИЕ К РАЗЛИЧНЫМ ЭТНИЧЕСКИМ ГРУППАМ

Скажите, пожалуйста, одобряете Вы или нет, если люди вашей национальности вступают в деловые отношения с ... (в % от числа опрошенных)

	Армения		Азербайджан		Грузия	
	Одобряю	Не одобряю	Одобряю	Не одобряю	Одобряю	Не одобряю
Греками	75	20	37	54	75	19
Евреями	62	34	32	61	69	25
Иранцами	61	37	49	46	62	31
Турками	45	54	87	11	66	29
Украинцами	80	18	53	42	79	16
Русскими	90	9	67	29	73	21
Армянами	91	8	--	96	64	30
Китайцами	73	24	38	57	57	37
Азербайджанцами	35	64	96	3	70	25
Немцами	79	19	63	32	76	19
Грузинами	65	32	49	46	95	4
Курдами	53	45	26	69	59	35
Американцами	80	17	48	47	75	20

ДОВЕРИЕ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ (данные приводятся в % от числа опрошенных)

В ЦЕЛОМ, НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ УЧИТЕЛЯМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ (в вашей стране)?

	Армения	Грузия	Азербайджан
Полностью доверяю	22	24	23
Доверяю	27	44	44
И да, и нет	27	16	18
Не доверяю	10	4	7
Совсем не доверяю	10	1	5
Затруднились ответить	4	11	3

В ЦЕЛОМ, НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ АРМИИ (в вашей стране)?

	Армения	Грузия	Азербайджан
Полностью доверяю	62	43	62
Доверяю	22	39	27
И да, и нет	10	9	7
Не доверяю	3	3	2
Совсем не доверяю	2	1	1
Затруднились ответить	1	2	1

¹ «Кавказский барометр» — ежегодное исследование Кавказского Центра Исследовательских Ресурсов (CRRC), который является одной из программ Фонда Партнерства Евразия. Опросы проводятся в Армении, Азербайджане и Грузии стран (за исключением территорий, затронутых военными конфликтами). Результаты представительны для взрослого населения этих трех стран. Опросы проведены в ноябре-декабре 2010 г.; в Армении опрошено 1922 чел., в Азербайджане — 2001 чел., в Грузии — 2089 чел.

Полная информация о проекте — на сайте <http://www.crrccenters.org/caucasusbarometer/overview/>.

В ЦЕЛОМ, НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ РАБОТНИКАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ (в вашей стране)?

	Армения	Грузия	Азербайджан
Полностью доверяю	18	20	19
Доверяю	30	37	42
И да, и нет	23	29	19
Не доверяю	12	8	11
Совсем не доверяю	16	4	9
Затруднились ответить	1	2	1

В ЦЕЛОМ, НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ РАБОТНИКАМ СУДА (в вашей стране)?

Полностью доверяю	6	10	7
Доверяю	13	20	21
И да, и нет	23	27	25
Не доверяю	18	10	16
Совсем не доверяю	27	9	14
Затруднились ответить	13	24	15

В ЦЕЛОМ, НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ЖУРНАЛИСТАМ (в Вашей стране)?

Полностью доверяю	11	12	12
Доверяю	24	30	40
И да, и нет	33	35	29
Не доверяю	16	10	10
Совсем не доверяю	12	5	5
Затруднились ответить	4	7	4

В ЦЕЛОМ, НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ДУХОВЕНСТВА (в Вашей стране)?

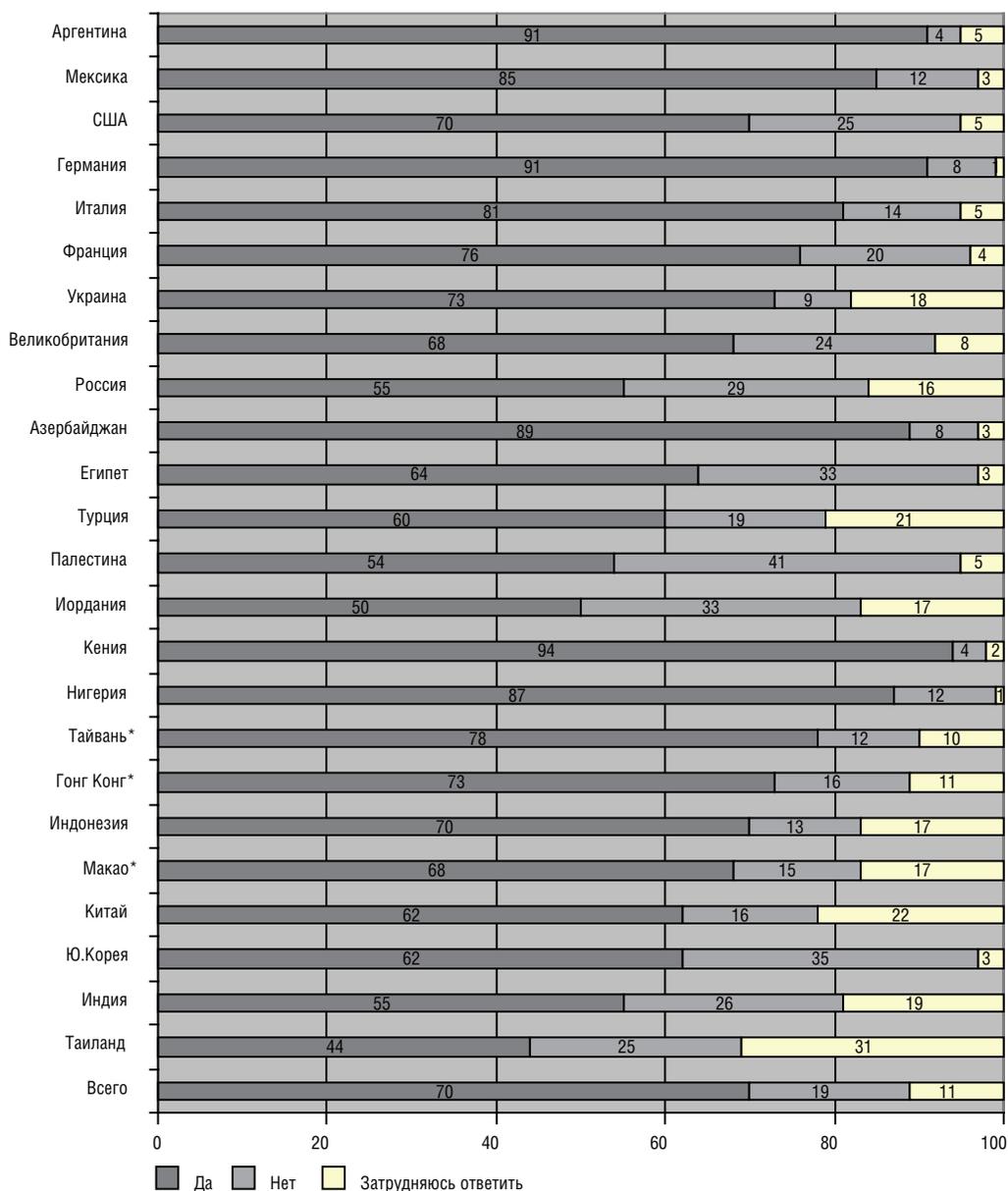
Полностью доверяю	32	56	24
Доверяю	20	28	31
И да, и нет	19	10	22
Не доверяю	9	2	9
Совсем не доверяю	15	1	6
Затруднились ответить	5	2	7

Материал подготовлен
Тамарой и Тинатин Зурабишвили

WORLD PUBLIC OPINION AND THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS

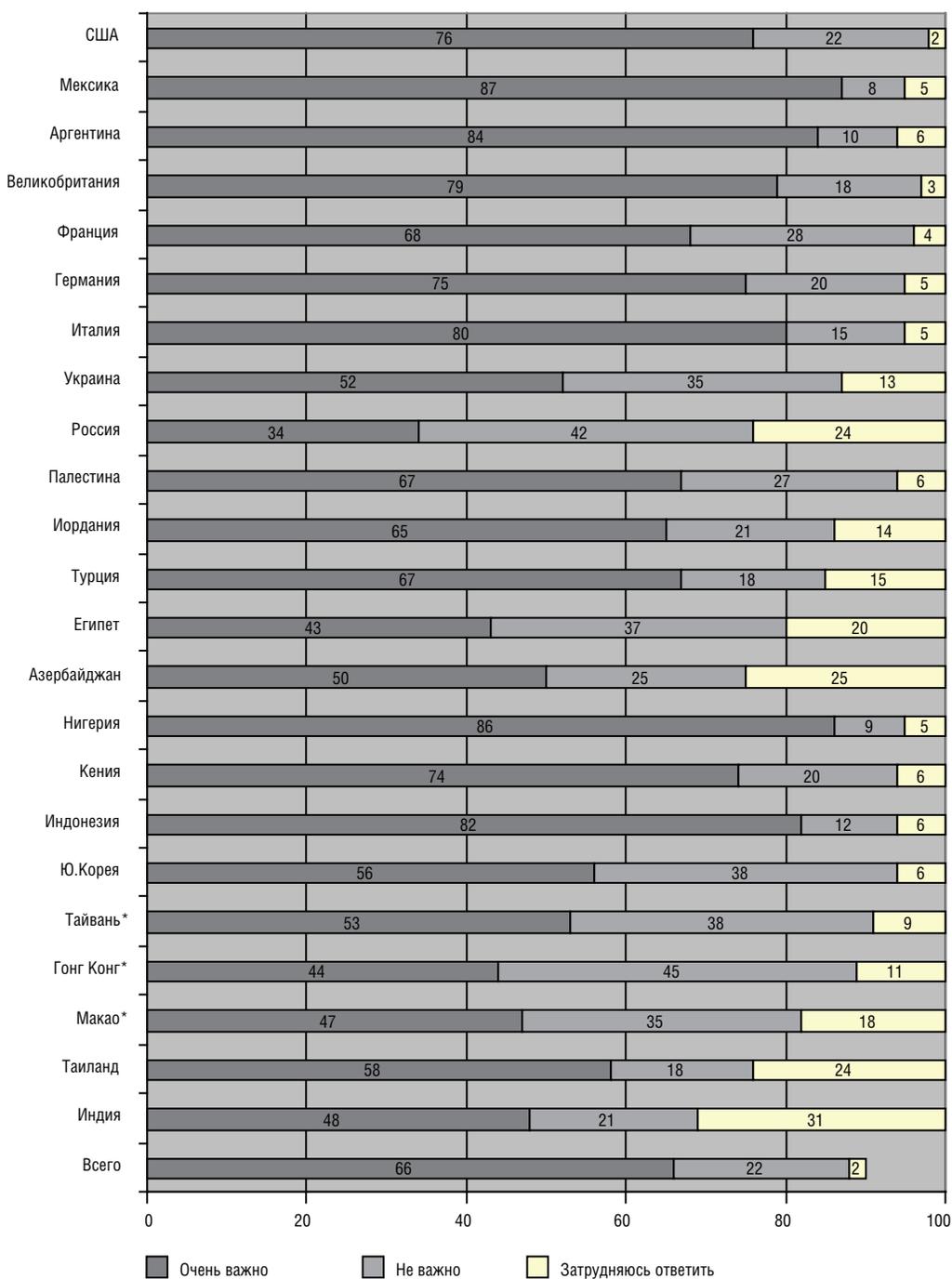
МИРОВОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА¹

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ДОЛЖНЫ ЛИ СТРАНЫ-УЧАСТНИКИ ООН ВМЕШИВАТЬСЯ ВО ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА?

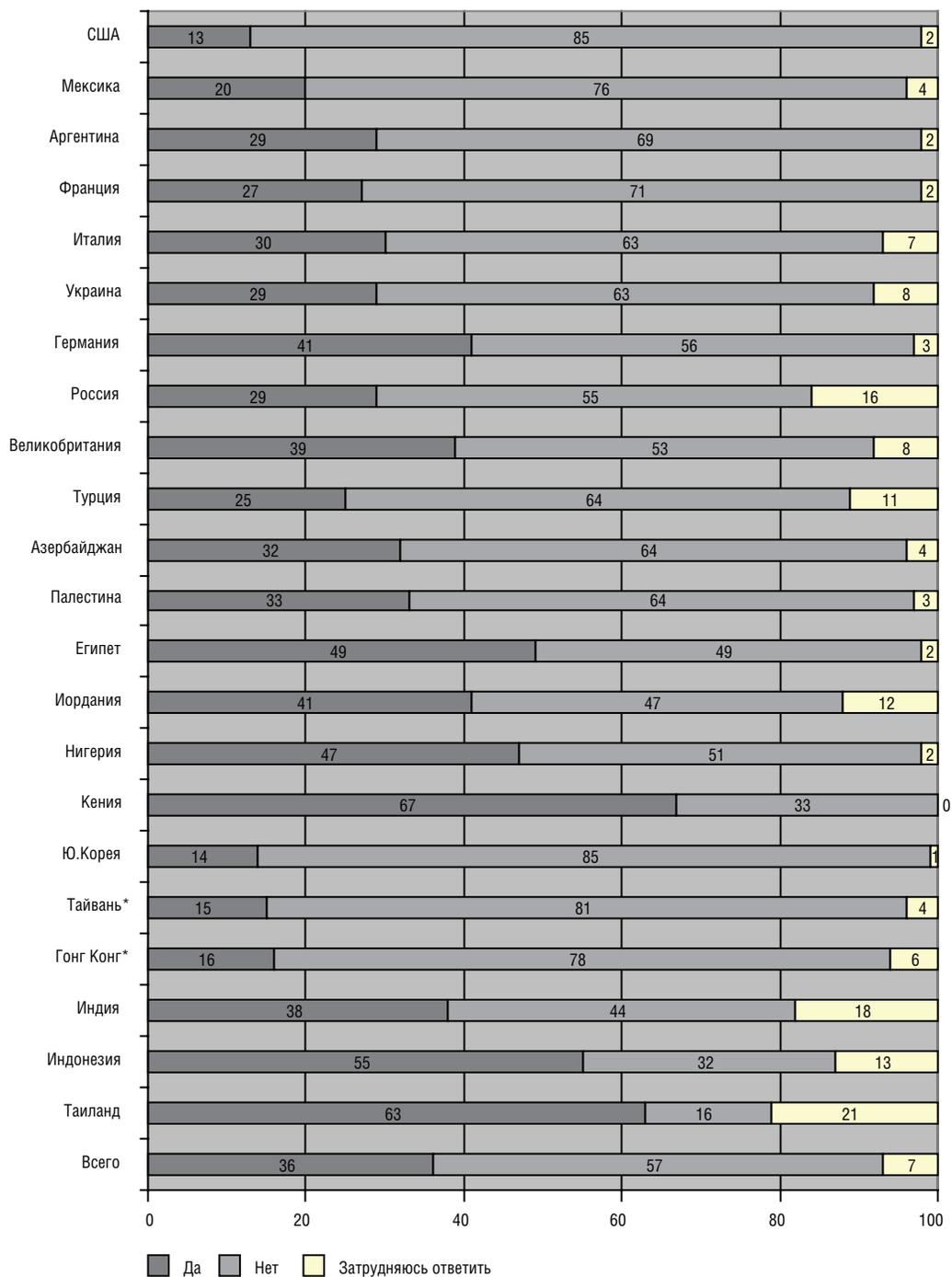

¹ Источник: WorldPublicOpinion.org; опрос проведен в декабре 2007 г. и в апреле, июле, сентября 2008 г. Общее число опрошенных – 47 тыс. человек (от 600 до 3200 по разным странам), допустимая статистическая погрешность от 1,9 до 4,1%.

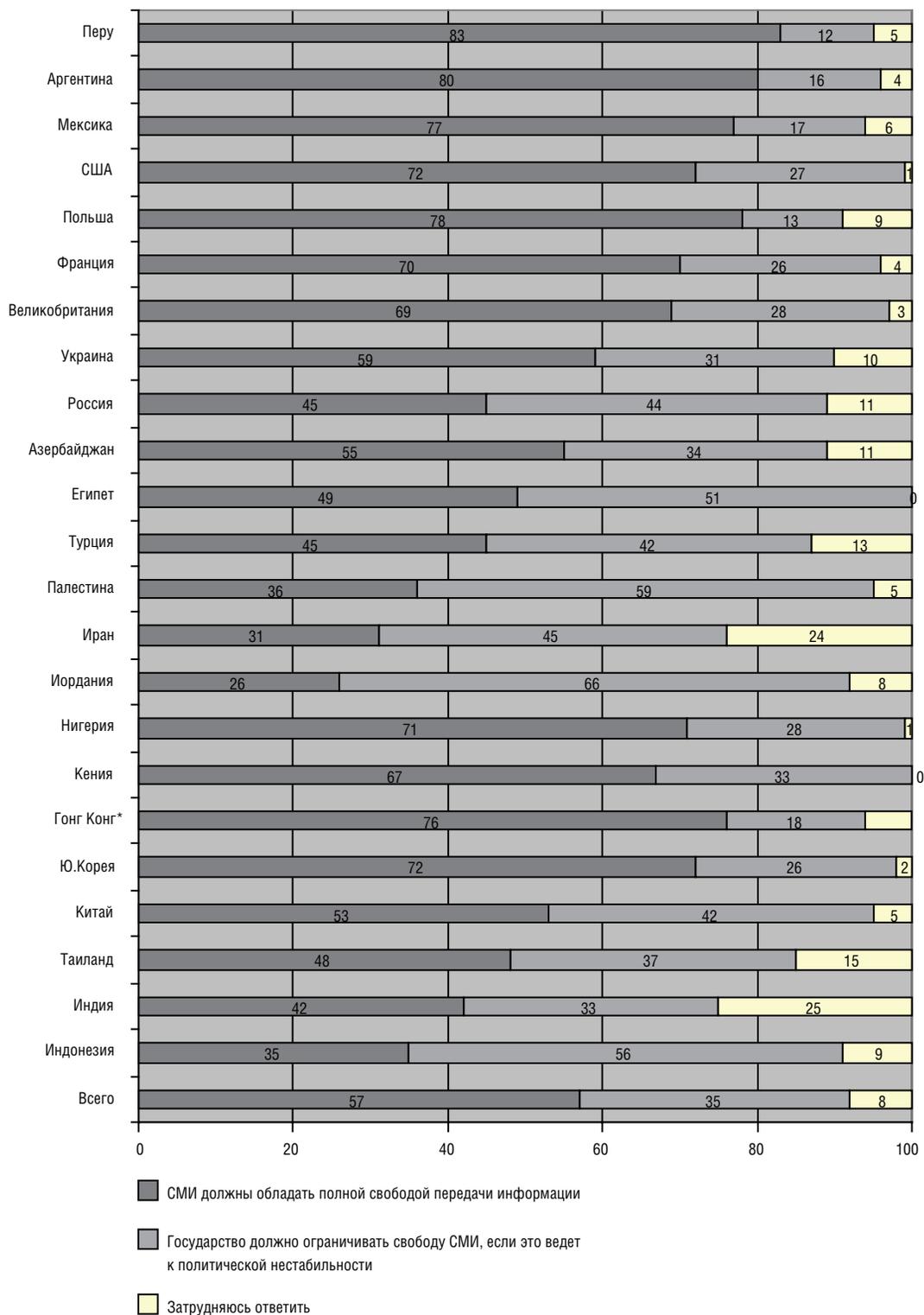
НАСКОЛЬКО ВАЖНО ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ СВОБОДНО ВЫСКАЗЫВАТЬ СВОЕ МНЕНИЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ И КРИТИКОВАТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

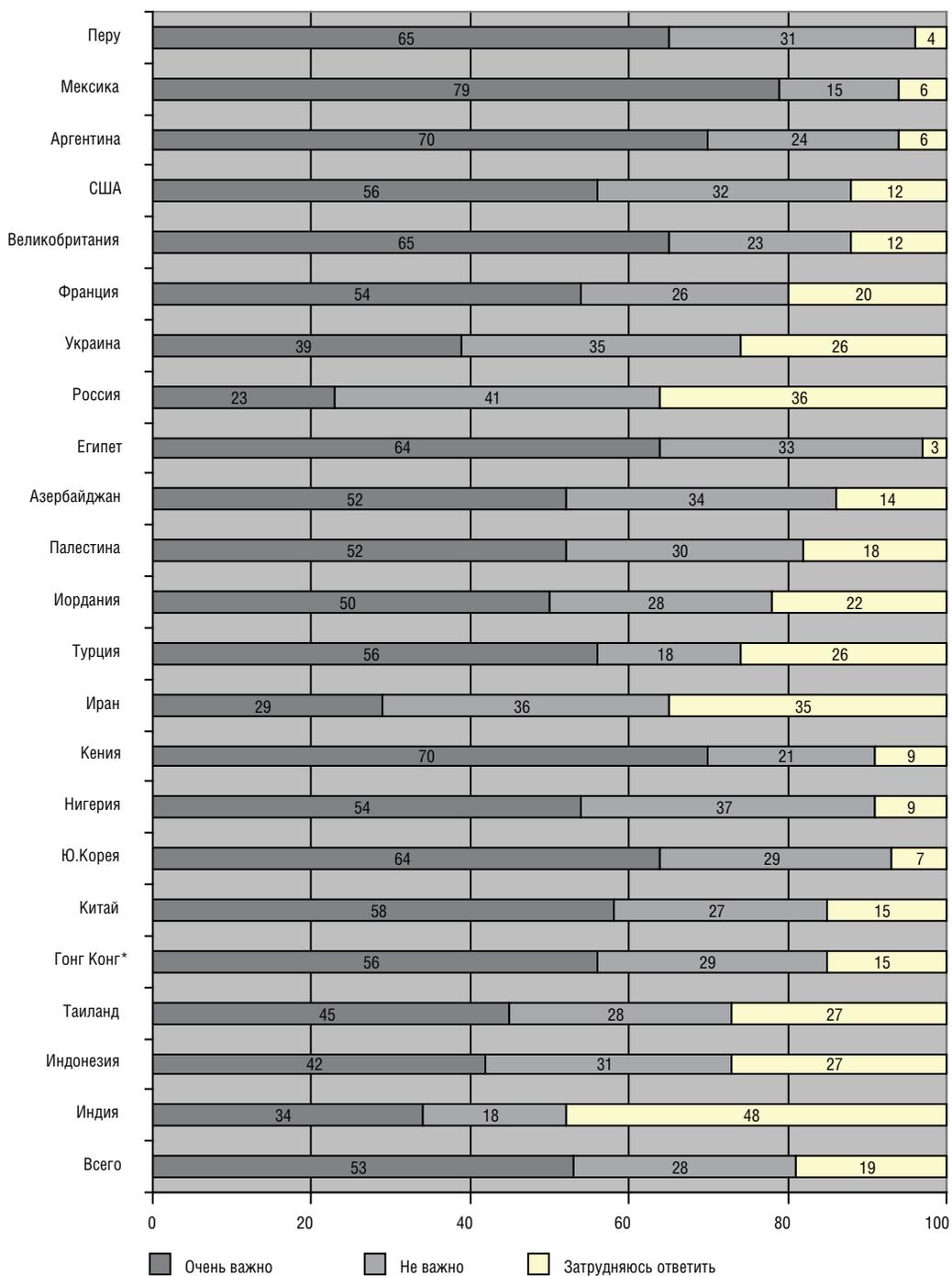
ДОЛЖНО ЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗАПРЕЩАТЬ ОТКРЫТО ДИСКУТИРОВАТЬ НА ТЕМЫ ПОЛИТИКИ И РЕЛИГИИ?

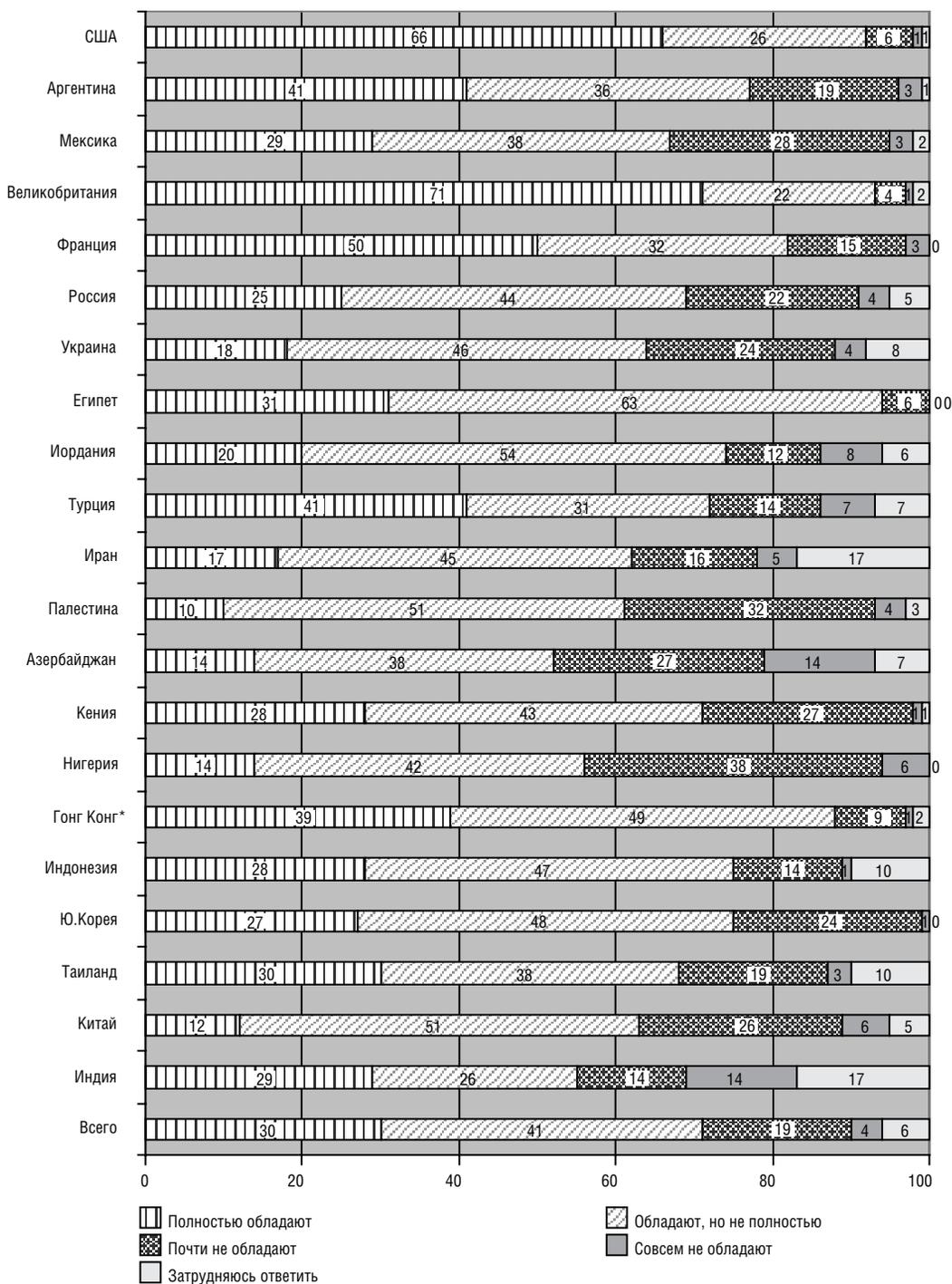
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В ОТНОШЕНИИ СМИ...?

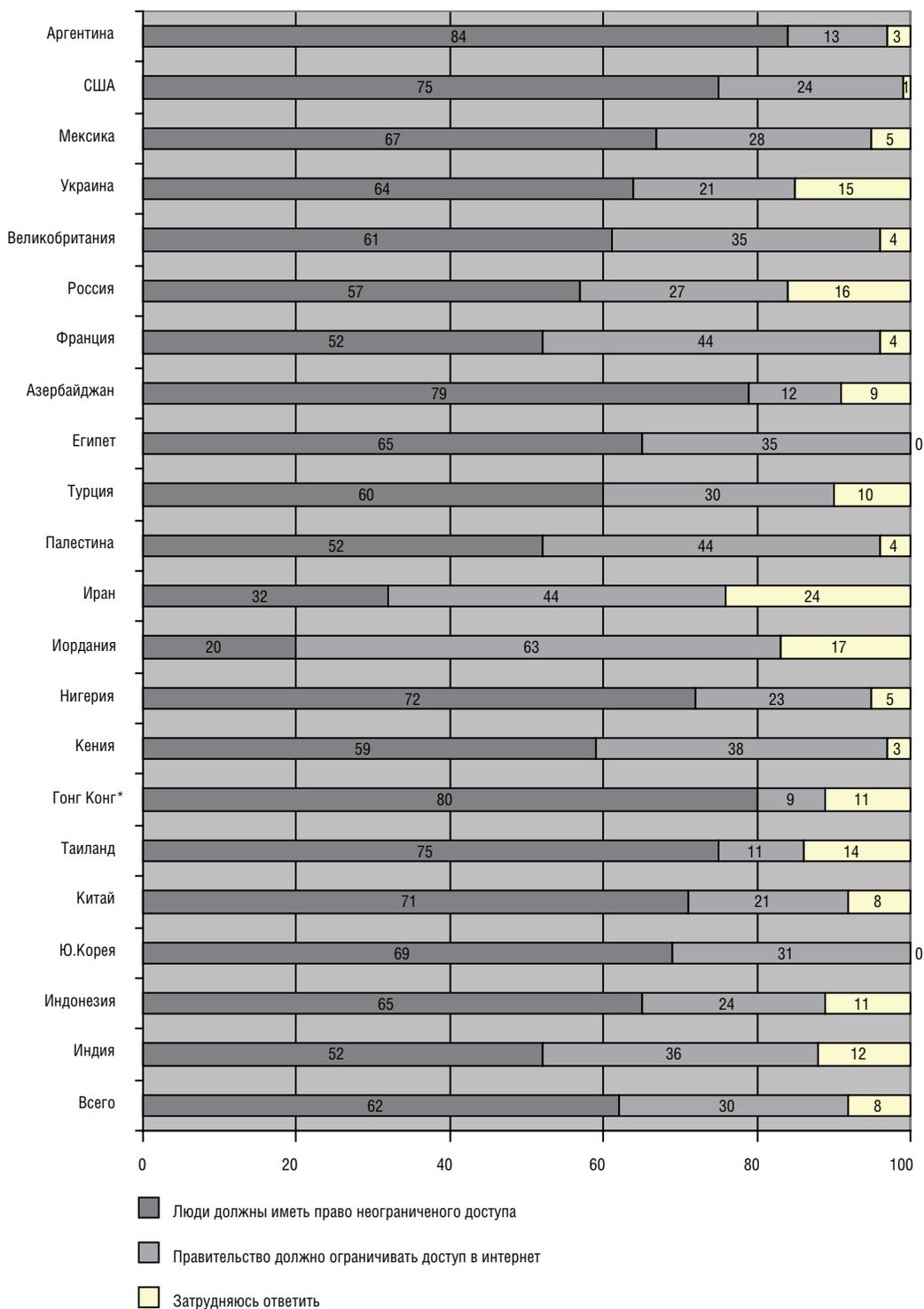
НАСКОЛЬКО ВАЖНО, ЧТОБЫ СМИ БЫЛИ НЕЗАВИСИМЫМИ ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ?

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В ВАШЕЙ СТРАНЕ СМИ ОБЛАДАЮТ ДОСТАТОЧНОЙ СВОБОДОЙ ИЛИ НЕТ?

ДОЛЖНО ЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО ИМЕТЬ ПРАВО ОГРАНИЧИВАТЬ ДОСТУП В ИНТЕРНЕТ?

ОБЩЕСТВА СЕГОДНЯ: ИНСТИТУТЫ-ПРАКТИКИ-ПАМЯТЬ

Евгения ЛЁЗИНА

Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ)

Никакое национальное чувство, даже окрашенное в самые идиллические тона, никакие уверения в благожелательности переживших «благодать позднего рождения», не могут умалить или перечеркнуть тот опыт, который мы в единой Германии пережили как преступники, а другие претерпели от нас в качестве жертв. Нам не пройти мимо Аушвица. Как бы нам не хотелось, мы не должны даже пытаться совершить подобный акт насилия, ибо Аушвиц неотделим от нас, он — несмываемое клеймо на нашей истории, он помог, во благо нам, сделать вывод, который можно сформулировать так: теперь-то, наконец, мы знаем самих себя.

Гюнтер Грасс¹

В периоды политических кризисов, отмеченных, как правило, утратой стабильности и определенности, возрастает значимость прошлого, которое в такие моменты «возвращается с удвоенной силой»². Многочисленные кризисы современных обществ, повлекшие масштабные общественно-политические трансформации второй половины XX века, послужили росту интереса к проблематике «коллективной памяти», возникновению, по выражению историка Чарльза Мейера, всеобщей «жажды памяти»³.

Особую значимость тема памяти приобретает в обществах, переживших крах репрессивных — тоталитарных или авторитарных — режимов. В подобных социальных контекстах апелляция к прошлому связана, в первую очередь, с попытками поиска новых оснований

коллективной идентификации. Запрос на память в посттоталитарных обществах — от послевоенной Германии до большинства восточноевропейских стран бывшего советского блока, включая страны бывшего СССР, — свидетельствует о тесной взаимосвязи понятий коллективной памяти и социальной идентичности, неоднократно отмечавшейся в ряде исследований⁴. Социальная идентичность, понимаемая как переживание индивидом собственной принадлежности к той или иной группе, некоему общему «мы», во многом определяется общностью памяти, а также забвения тех или иных событий прошлого. «Политика памяти», определяющая те аспекты истории, которые представляются национально значимыми и ко-

¹ Grass, Günter. Schreiben nach Auschwitz. Frankfurt: Luchterhand, 1990. S. 42.

² Müller, Jan-Werner (ed). Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past. New York: Cambridge UP, 2002. pp. 3, 21.

³ Maier, Charles S. The Unmasterable Past: History, Holocaust, and German National Identity. Cambridge, MA: Harvard UP, 1988. p. 149.

⁴ Процессы коллективной идентификации и коллективных воспоминаний отождествлялись, к примеру, в работах Яна Ассмана, Джона Джиллиса и др. Assmann, Jan. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: Deck, 1999. Gillis, John R. Memory and Identity: The History of a Relationship. In: Gillis, John R. (ed.) Commemorations: The Politics of National Identity. Princeton, NJ: Princeton UP, 1994.

торые, следовательно, предстоит сохранить в памяти или предать забвению, имеет прямое отношение к процессам коллективной идентификации, созданию того или иного образа общего «мы».

Однако острота проблемы памяти в посттоталитарных обществах обусловлена не только крахом прежней идентичности и необходимостью поиска новой. Важен еще сам факт обретения памяти обществом, выходящим из-под жесткого государственного контроля над публичной и частной сферами. Репрессивный характер тоталитарного режима проявляется не только в блокировке возможности воспроизводства индивидуальной памяти, пережитого опыта, но и в установке на уничтожение самой памяти. Неслучайно Примо Леви, прошедший несколько месяцев в нацистском Аушвице (Освенциме) и подробно описавший впоследствии этот опыт, называл всю историю Третьего рейха «войной против памяти»¹.

О лишении общества памяти неоднократно свидетельствовали и очевидцы сталинского террора. Так, по воспоминаниям Н.Я. Мандельштам, в сталинскую «программу уничтожения входило и искоренение свидетелей», а по убеждению другого значимого свидетеля тех лет А.А. Ахматовой, для осмысления, «подытоживания» этого опыта «убийства памяти» «потребуется еще столетие, не менее», поскольку «мертвые молчат, а живые молчат, как мертвые: иначе рискуют тоже превратиться в мертвых»².

Исследователь Сабина Арнольд использовала термин «оккупированная память» для описания репрессивного и манипулятивного контроля органов государственной власти над процессами формирования памяти. В результате манипулятивного подхода к истории члены сообщества вынуждены следовать определенному набору норм поведения, определяющих место каждого в сообществе. Арнольд обращала внимание на то, что в ситуации «оккупированной памяти» социальная память перестает выполнять обычные задачи по хранению и переработке информации, с одной стороны, и по формированию идентичностей и созданию смыслов, с другой³. Доступ к архивам в тотали-

тарных государствах ограничен или запрещен. В этих условиях независимая систематизация, экспонирование, обработка, интерпретация и представление памяти блокируются, и производится мифологизация исторических конструктов, служащая цели репрезентации ценностей национальной консолидации⁴.

Социальный философ Джеймс Бут, отмечавший склонность национальных государств «национализировать» коллективную память, подвергать изгнанию групповые воспоминания меньшинств, предупреждал об опасностях государственной монополии над коллективной памятью. Ибо восставшая в тот или иной момент память-идентичность меньшинств, стремящаяся либо к восстановлению подавленной при диктатуре коллективной памяти, либо к множественности сообществ памяти как оппозиции гомогенизации национального нарратива, может нарушить унитарную, всепоглощающую официальную версию прошлого⁵.

Итак, важным следствием распада тоталитарной системы является не только острый кризис идентичности, необходимость поиска новых оснований коллективной идентификации, но и высвобождение индивидуальной, а также коллективной памяти различных сообществ (этнических, религиозных, и проч.), репрессированной в условиях диктатуры. Появление свободы высказывания как следствие краха тоталитарного режима способствует выходу на поверхность индивидуальных воспоминаний. Подобное освобождение памяти, однако, еще не является гарантией обретения обществом коллективной памяти о случившемся, поскольку, по справедливому замечанию Л.Д. Гудкова, «все пережитое частным человеком, прежде всего — неререфлексивное страдание, уходит в никуда, если только оно не подверглось институциональной или специализированной проработке, если оно не пущено на другие каналы культурного воспроизводства, соответственно, если частные мнения не санкционированы какой-то инстанцией, имеющей ранг надиндивидуаль-

¹ Леви, Примо. Канувшие и спасенные. М.: Новое издательство, 2010.

² Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М.: «Согласие», 1999. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: в 3-х томах. М.: Время, 2007. Т. 2, с. 532. Т. 3, с. 54.

³ Sabine, Arnold. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis. Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. Bochum: Projekt Verlag, 1998. p. 18. Дифференциация функций памяти — хранение и функциональная память — была впервые предложена историком культуры Алейдой

Ассман. См.: Assmann, Aleida. Funktionsgedächtnis und Speichergedächtnis. Zwei Modi der Erinnerung. In: Platt, Kerstin; Dabag, Mihran (eds.) Generation und Gedächtnis. Erinnerung und kollektive Identität. Wiesbaden: Opladen Verlag, 1995. Assmann, Aleida. History, Memory, and the Genre of Testimony // Poetics Today: International Journal for Theory and Analysis of Literature and Communication, 2006, vol.27, №2, pp. 261–273.

⁴ Folk, Christian. Stalinism, Memory, and Commemoration: Russia's Dealing with the Past // The New School Psychology Bulletin, 2009, Vol. 6, № 2.

⁵ Booth, James W. Communities of Memory: On Witness, Identity, and Justice of Memory. Cambridge: Cambridge UP, 2007. p. 176.

ного образования»¹. Как отмечал исследователь исторической памяти Вульф Канстайнер, все воспоминания, включая воспоминания свидетелей, очевидцев, приобретают коллективную значимость только в том случае, если они структурированы, представлены и использованы в социальной среде. В результате средства представления, обеспечивающие данный процесс, помогают наилучшим образом проследить эволюцию коллективных воспоминаний, особенно, когда мы пытаемся восстановить, реконструировать их постфактум².

В этой связи особое значение приобретает проблема формирования механизмов удержания и воспроизводства коллективной памяти в новых общественно-политических условиях. Коллективную память при этом можно рассматривать как совокупность представлений о прошлом, структурированных той или иной социальной группой в процессе изобретения, присвоения, селекции событий прошлого и затрагивающих властные взаимоотношения внутри общества³.

Примечательно, что в социальных исследованиях коллективная память все чаще становится атрибутом определенных групп — «сообществ памяти», а не всего общества в целом. В современных условиях различные общественные группы — интеллектуальные и политические элиты, гражданские объединения (религиозные, этнические группы, ветеранские организации, организации жертв нарушений прав человека и др.), средства массовой информации, а также формальные институты (образовательные, судебные и др.) — могут выступать посредниками между индивидуальными воспоминаниями и национальной (или официальной) памятью, закрепленной в официальных речах и торжественных мероприятиях, а также в официальных версиях национальной истории⁴. «Сообщества памяти» сегодня все чаще стремятся к признанию собственной версии коллективной памяти на общенациональном уровне и предъявляют государству требования соответствующего характера.

Появление «сообществ памяти», или формирование коллективных памятей различ-

ных социальных групп, способных отстаивать свое право на память, бороться за презентацию собственной версии памяти в публичном пространстве, предполагает, однако, наличие определенного типа общественных отношений. Предпосылкой возникновения подобной дифференциации является реализация принципа плюрализма и конкуренции, а также определенной степени свободы в общественно-политической сфере.

В обществах, где существует открытый и противоречивый исторический дискурс (или, по крайней мере, возможность такого дискурса), где принципы и нормы разделяются всеми его участниками и где процесс формирования идентичности и самовосприятия происходит на основании обсуждения, переговоров в публичной сфере, есть вероятность предотвращения мифологизации прошлого⁵. Там, где содержание коллективной памяти представляет собой результат постоянных согласований (или даже борьбы) в публичной сфере, официальная память, хотя и может быть доминирующей, но не является, как правило, единственной. А значит, ни идентичность, ни память в таких обществах не монолитны; они способны меняться в соответствии с реальной общественной динамикой, вырабатываться в результате постоянного процесса публичного согласования различных позиций и интересов, выкристаллизовываться в попытке достижения той модели общезнания, которую Ханна Арендт определяла как «совместное бытие различий»⁶.

Исследовательский интерес здесь представляет изучение и описание процессов столкновения, взаимодействия различных типов и уровней коллективной памяти (связанных с реализацией целей, интересов, представлений различных социальных групп), а также их влияния на официальный дискурс и, в конечном итоге, на то, что социолог Ю.А. Левада именовал «программой культуры»⁷. Поскольку особую

⁵ *Folk, Christian. Stalinism, Memory, and Commemoration: Russia's Dealing with the Past // The New School Psychology Bulletin, 2009, Vol. 6, № 2.*

⁶ *Арендт, Ханна. Vita Activa, или о Деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. с. 228.*

⁷ Ю.А. Левада ввел понятие «программы культуры» для обозначения нормативно-ценностного «ядра» культуры, противопоставляемого инструментальной сфере «опыта». Хотя две программы, представляющие механизм функционирования и воспроизводства социокультурных систем, — «программа культуры» и «программа опыта» — взаимобусловлены («нормативные значения «программы культуры» определяют целевые функции «программы опыта», оперативная подвижность стратегий (средств) обеспечивает сохранение стабильности целей»), согласно Ю.А. Леваде, именно «нормативно-ценностные структуры занимают центральное положение в модели культуры». См.: *Левада Ю.А.*

¹ *Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас, 2005, № 40.*

² *Kansteiner, Wulf. In Pursuit of German Memory: History, Television, and Politics after Auschwitz. Athens, Ohio: Ohio UP, 2006. p. 21.*

³ *Confino, Alon. Remembering the Second World War, 1945–1965: Narratives of Victimhood and Genocide // Cultural Analysis, 2005, Vol. 4, p. 48.*

⁴ *Roussio, Henry. Le Syndrome de Vichy: De 1944 à nos jours. Paris: Seuil, 1990.*

роль в структурировании политического дискурса играют символы и символические структуры общественного мнения, задача состоит в анализе и понимании структуры и логики данного дискурса, изучении институтов, обеспечивающих его воспроизводство и связанных с ним символических практик¹.

Хотя забвение, вытеснение является частью меморизации в любом социальном контексте, особый интерес представляют процессы обретения памяти в результате выхода на авансцену публичной жизни различных сообществ памяти, презентация ими соответствующих версий прошлого, влияние этих дискурсов на официальный, и, наконец, структуризация и институционализация коллективной памяти.

Помимо умножения «сообществ памяти», другой значимой тенденцией последних лет является обозначившийся сдвиг в логике формирования воспоминаний о прошлом. Теперь в памяти многих народов находится место не только для воспоминаний о героических моментах национальной истории, но и о страданиях и преступлениях — о том, на чем ранее было не принято акцентировать внимание, о том, что зачастую скрывалось. Можно утверждать, что последние десятилетия были отмечены появлением новой «культуры легитимации», которая выражается в отказе от традиционных положительных форм политической легитимации — как правило, отмеченной триумфальным утверждением национальной истории — и включением проблематики национального покаяния и воспоминаний о коллективной несправедливости, имевшей место в тот или иной период прошлого. Так, страны Европы признавали и продолжают признавать свою ответственность за сотрудничество с нацистским режимом в годы Второй мировой войны. Руководство Австралии и Канады официально признали ответственность и принесли извинения коренным народам их стран за ранее проводи-

мую жестокую политику отделения и ассимиляции детей. Президент США принес извинения Африке за работорговлю, а президент Аргентины извинился перед британцами за войну вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов. Схожие процессы имели место в ЮАР, где был опубликован доклад Комиссии по справедливости и примирению (*The Truth and Reconciliation Commission*), а также во многих других странах. Процесс покаяния и примирения, развернувшийся в мире на рубеже XX–XXI веков, дал основания некоторым экспертам определить его как «настоящую лавину извинений»².

В этой связи возникает вопрос: как и почему меняются политические установки и общественный дискурс о памяти? Почему на смену героической истории приходят воспоминания о неблагоприятном, зачастую преступном прошлом? Какие факторы влияют на изменение общественно-политического климата в стране?

В значительной степени отмеченный подход в мире сформировался благодаря политике памяти, которую постепенно осваивала и проводила послевоенная Западная Германия, ставшая неким эталоном нации, способной к переосмыслению собственных преступлений, к смене оснований национальной идентичности. Однако, несмотря на уже ставшую общим местом эталонность немецкого опыта «преодоления прошлого», процесс в самой Германии был очень сложным, неоднозначным и медленным. До сих пор немецкое общество остается расколотым в интерпретациях и оценках национального прошлого, дебаты о прошлом и острая критика в отношении политики памяти — прошлого и настоящего — продолжают звучать внутри страны. Тем не менее, мне бы хотелось именно на примере послевоенной ФРГ попытаться разобраться в источниках изменений официальной коллективной памяти, обозначить хотя бы в самых общих чертах факторы, оказавшие наибольшее влияние на формирование исторического дискурса о Холокосте и Второй мировой войне, на изменение общественно-политической обстановки, и шире — всей западногерманской «программы культуры».

I. Постепенное расширение публичной сферы и появление альтернативных версий памяти

В период после окончания Второй мировой войны и вплоть до середины 1960-х годов

О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата) [1980] // *Левада Ю.А.* Статьи по социологии. М., 1993. с. 51–53.

¹ Говоря о важности символических структур в процессах коллективной идентификации, Ю.А. Левада писал: «Обращение к символическим конструкциям упрощает отношение человека к социальной реальности, избавляет его от самостоятельных усилий понимания, оценки и пр., используется как доказательство лояльности по отношению к какой-то традиции, идеологии, социальной группе или институту». См.: *Левада Ю.А.* Люди и символы. Символические структуры в общественном мнении. Заметки для размышления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (56), 2001. с. 11. См. также: Olick, Jeffrey K. *Collective Memory: The Two Cultures* // *Sociological Theory*, 1999, Vol. 17, № 3. November.

² См. подробнее: *Хендерсон, Майкл.* Прощение: Разрывая оковы ненависти. М.: ББИ, 2007. с. 46–48; *Giesen, Bernhard.* *Triumph and Trauma.* Boulder: Paradigm Publishers. 2004.

вытеснение памяти о преступлениях и жертвах Третьего рейха, с одной стороны, и самосожаление, виктимизация, культивирование собственных страданий, с другой, стали для немцев массовыми защитными механизмами избегания моральной и исторической ответственности за роль в Холокосте в качестве исполнителей преступлений, коллаборационистов или же безучастных наблюдателей.

Программа денацификации, несмотря на всю её важность (ибо впервые в истории в отношении политики геноцида и агрессивной войны была вынесена не только нравственно-этическая оценка, но и сформулирована четкая юридическая позиция, ставшая основой международного права), не оказала того воздействия на общественно-политическую сферу, которого ожидали союзники. Так, с 1945 по 1948 год с 47% до 55% выросло число немцев, считавших нацизм хорошей, но дурно реализованной идеей; в тот же период с 41% до 30% снизилось число тех, кто считал нацизм исключительно плохой идеей. Кроме того, 18% жителей Германии были убеждены в том, что нация может стать сильной только в случае нахождения у власти диктатора; 29% высказывались за цензуру публикаций, критикующих правительство; 33% были уверены в том, что евреи не могут иметь те же права, что и остальные граждане. Имперские амбиции немцев также отнюдь не исчезли. Так, 52% опрошенных в 1946 году считали, что территории Данцига, Зудетенланда и Австрии должны принадлежать Германии, 39% придерживались откровенно антисемитских взглядов, и 48% были убеждены в том, что одни расы более склонны к господству, чем другие¹.

В апреле 1947 года публицист Ойген Когон в статье «О ситуации» так описывал доминирующее общественное состояние:

«Миллионы и миллионы в этой стране руин и невыносимого для многих душевного и физического страдания, пытаются понять смысл происходящего. Но большая часть нации ничего не хочет знать об истинной взаимосвязи и глубоко смысле событий. Многие немцы делают свои обычные дела, сердитые на всё и вся или отчаявшиеся, громко жалуясь и ворча, сваливают вину за случившееся частично на «ошибки, допущенные национал-социализмом», а в основном на союзников, которые победили и держат теперь страну в оккупации. Все их аргументы поверхностны, черпаются лишь из

очевидных фактов: жертвы войны с воздуха (конечно, против Германии, позабыв при этом немецкие террористические налеты на Польшу, на Роттердам, на Белград, на Ковентри и все другие города с мирными жителями, которые надлежало «стереть с лица земли», все это было давно и не важно ...но Дрезден, и Гамбург, и...!). Жертвы воздушных налетов отождествляются со всеми ужасами концлагерей; истязание и частичное уничтожение других народов немцами — «если это действительно правда!» — противопоставляется насильственному выселению 12 миллионов немцев с Востока; выкачанные национал-социализмом ресурсы Европы приравниваются к демонтажу экономики Германии оккупационными властями; если другие годами голодали, то это было жестокой необходимостью военного времени, а нас заставляют умирать от голода в мирное время. [...] Эта часть нации почти ничего не желает признавать. И на деле это выглядит так, будто это есть большая часть немецкого народа. И день ото дня она все растёт»².

Подобные общественные настроения нашли отражение в соответствующем официальном политическом дискурсе, а также политике памяти, нацеленной на примирение с нацистским прошлым и на его забвение. Акцент в публичных выступлениях западногерманских политиков в послевоенные годы неизменно делался на страданиях немцев, ставших жертвами Гитлера и его клики, бомбежек, вынужденного переселения и т.п. Среди распространенных риторических приемов, к которым прибегали первые лица созданной в 1949 году Федеративной Республики Германия, было активное употребление в официальных речах неагентивных конструкций — страдательного залога («преступления, которые были совершены»), безличных предложений и конструкций («несчастья, постигшие нас»), а также метафор, подчеркивающих внесубъектный, фаталистический характер прошлого как находящегося за пределами человеческого контроля («катастрофа», «разрушительные силы» и т.п.)³.

Одним из наиболее значимых индикаторов примирения с прошлым стала широкомасштабная амнистия нацистских преступников в 1950-е годы, а также намерение правительства

¹ Merritt, Anna J.; Merritt, Richard L. (eds.) *Public Opinion in Occupied Germany*. Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 1970. pp. 31–32, 38–40, 171.

² Kogon, Eugen. *Über die Situation* // *Frankfurter Hefte*, 1947, 2, No. 1, Januar. S. 17–37.

³ См. подробный анализ западногерманского послевоенного официального исторического дискурса: Olick, Jeffrey K. *The Sins of the Fathers: The Third Reich and West German Legitimation, 1949–1989*. Ph.D. Diss., Yale University, 1993. pp. 80–81.

применить в отношении данной категории преступлений срок давности. Происходил постепенный возврат прошедших денацификацию в различные сферы общественной жизни после выхода популярного закона 1949 года об амнистии военных преступников, в том числе, командиров «эскадронов смерти» (*Einsatzgruppen*), и, в особенности, после так называемого 131 закона 1951 года, позволявшего возвращать рабочие места бывшим государственным служащим Третьего рейха.

Трагическим примером нежелания актуализировать общественную память о преступлениях нацизма стал отказ берлинского Сената поддержать в 1965 году проект по созданию музея Холокоста и документального центра в здании, где 20 января 1942 года был оглашен план «окончательного решения еврейского вопроса». В отчаянии от бесплодных усилий, направленных на реализацию собственного замысла и на изменение общественной атмосферы в послевоенной ФРГ, автор проекта, бывший узник Аушвица, историк Джозеф Вульф, написавший к тому моменту около двух десятков работ о Третьем рейхе, покончил жизнь самоубийством. Лишь спустя три десятилетия проект Вульфа был реализован, и в Берлине появился Дом-музей Ванзейской конференции.

Пример Вульфа, тем не менее, свидетельствует о том, что, хотя стратегия памяти, нацеленная на забвение, вытеснение из сознания «неудобного» прошлого и была преобладающей в послевоенный период, призывы к критическому переосмыслению национальной истории звучали уже с момента окончания войны. Если сторонники первого подхода, — в основном, находящиеся у власти первые два послевоенные десятилетия немецкие консервативные элиты, политически представленные, в первую очередь, блоком Христианско-демократического союза/Христианско-социалистического союза (ХДС/ХСС), — стремились защитить и сохранить целостность национального идеала, настаивая на нормализации, дестигматизации немецкой идентичности, выступая с призывами стать наконец «нормальной нацией» и преодолеть «проклятое» прошлое, то носители альтернативных идей (прежде всего, леволиберальные интеллектуалы и активисты близкие Социал-демократической партии Германии (СДПГ), а также Свободной демократической партии (СвДП)) считали немецкую национальную идентичность непоправимо испорченной, призывали к очищению от национальных идеалов и ценностей, предлагали взамен концепцию «постнациональной» иден-

тичности, основанной на уважении универсальных ценностей и норм.

Если консерваторы считали ответственными за Третий рейх лишь фюрера и его приспешников, узурпировавших власть и прервавших тем самым «нормальный» ход немецкой истории (так репрессии в СССР зачастую сводят лишь к фигуре Сталина), то их оппоненты видели национал-социализм плодом всей предшествующей политики немецкого государства. В отличие от консервативных сторонников нормализации, леволиберальные интеллектуалы и политики старались привлечь внимание не к страданиям немцев, а к непосредственным жертвам нацистского режима, осуждали массовое возвращение в публичную жизнь бывших нацистов, выступали с призывами не забывать о прошлом, дабы избежать его повторения.

Подобных взглядов, в частности, придерживались многие члены объединения немецкоязычных литераторов «Группа 47» (*Gruppe 47*), созданного в 1947 году писателем Хансом Вернером Рихтером и его коллегами с целью осмысления опыта нацизма, Холокоста и Второй мировой войны. Члены объединения выступали с жесткой критикой складывающегося в послевоенной ФРГ социального уклада, бескомпромиссно диагностируя общественное состояние. Так, один из основателей «Группы 47», писатель и драматург Зигфрид Ленц с горечью отмечал в 1961 году, что западногерманская действительность того периода «как нельзя лучше отражена в судьях, нарушивших закон; врачах, когда-то работавших над программой эвтаназии, а ныне занимающихся частной практикой; безнаказанных функционерах жестокого государства, снова находящихся на государственной службе»¹. Ленцу вторил писатель Вольфдитрих Шнурре, констатирующий, что «нацисты, никогда, по сути, не отстраненные от власти и объявленные законом невиновными, унаследовали демократию и, под маской дружелюбия и приветливости, проникли в государственные учреждения, экономику, политику, систему правосудия, журналистику, медицину, искусство и научные круги»². Социальные высказывания и произведения таких авторов, как Генрих Бёлль, Гюнтер Грасс, Уве Йонсон, Зигфрид Ленц, Альфред Андерш, Вольфганг Кёппен, Рольф Хоххут, Петер Вайс и др., постоянно

¹ Lenz, Siegfried. Die Politik der Entmündigung. In: Walser, Martin (Hg.) Die Alternative oder brauchen wir eine neue Regierung? Reinbeck, 1961. S. 134.

² Schnurre, Wolfdietrich. Das falsche Gleis. In: Walser, Martin (Hg.) Die Alternative oder brauchen wir eine neue Regierung? Reinbeck, 1961. S. 69.

ставили перед немецким читателем вопросы ответственности за прошлое (в 1990-е годы критик Фрэнк Ширрмахер назовет послевоенную немецкую литературу «производственным центром западногерманской совести»)¹.

Важно, что помимо острой критики, немецкие интеллектуалы выдвигали альтернативные идеи и программы, заложившие основание последующим социальным, культурным и политическим преобразованиям. Достаточно вспомнить в этой связи лекционный курс и одноименную книгу Карла Ясперса «Вопрос виновности» (*Die Schuldfrage*, 1946), его более поздний труд «Куда движется ФРГ?» (*Wohin treibt die Bundesrepublik?*, 1966), «Немецкую катастрофу» Фридриха Майнеке (*Deutsche Katastrophe*, 1946), многочисленные публикации Юргена Хабермаса, а также фундаментальную работу психоаналитиков Александра и Маргарете Митчерлих «Неспособность к скорби. Основы коллективного поведения» (*Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens*, 1967).

Многие исследователи сходятся во мнении, что перелом в общественно-политической ситуации наметился благодаря опубликованной (а ранее озвученной в форме радио-лекции) статье известного философа и социолога Франкфуртской школы Теодора Адорно «Что значит проработка прошлого?» (*Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit*). В своей лекции-статье 1959 года, ставшей определенным ориентиром и вызовом для интеллектуальной элиты и для молодого поколения, Адорно утверждал, что разговоры о «преодолении прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*) в послевоенной Германии на самом деле вуалировали желание людей «подвести черту под прошлым и по возможности стереть его из памяти», отмечал «тенденцию бессознательной, а также не такой уж бессознательной защиты от чувства вины», констатируя, что «под проработкой прошлого вовсе не имеется в виду, что прошедшее перерабатывается всерьез и его чары рассеиваются под воздействием ясного сознания». Адорно же призывал соотечественников именно к такой осознанной «переработке» или «проработке» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*) национального прошлого в процессе критического осмысления его причин и последствий. Этот процесс сродни процессу психоанализа, который «заключается как раз в критической рефлексии»².

Концепция «проработки прошлого», предложенная Адорно и впоследствии развитая Митчерлихами, действительно во многом опиралась на психоаналитическую теорию Зигмунда Фрейда, согласно которой молчание является формой сопротивления, противодействия превращению бессознательных процессов в сознательные, возникающего во время психоаналитического лечения. В то же время важнейшим средством лечения по Фрейду является вербализация, проговаривание всех чувств (постулат Фрейда: «Опишите чувства в словах»), которое помогает сделать бессознательные содержания сознательными. Адорно перенес эту схему на социальный уровень, противопоставляя критическую рефлексию общераспространенной защите от чувства вины и общему желанию подвести черту под неудобным прошлым.

По мнению Адорно, нежелание немцев критически осмыслить собственное прошлое — как на личном, так и на официальном уровнях — свидетельствовало не о продолжении фашистских тенденций, направленных *против* демократии (таких как возрождение неонацистского активизма), но о жизни нацизма *внутри* демократии, о просачивании национал-социализма в саму демократическую систему, в чем философ видел еще большую угрозу³.

В более поздней статье 1966 года Адорно развил концепцию «проработки прошлого», определив приоритеты данной работы, прежде всего, в контексте образования и просвещения. В статье под названием «Образование после Аушвица» (*Erziehung nach Auschwitz*) автор утверждал, что недопущение повторения Аушвица — есть основная задача образования (он выразил эту задачу в формуле: «Аушвиц: никогда снова!»). Адорно вновь настаивал на необходимости «проработки прошлого», имея в виду важность критического осмысления отрицательных событий прошлого и их последствий, выработки понимания того, чего нельзя делать, чтобы общество не утратило духа человечности. «Надо работать против этого недостатка рефлексии, разубедить людей вести внешнюю борьбу без критического осмысления», — писал он. «Единственное образование, которое имеет какой-то смысл, — это образование, направленное на критическую рефлексию»⁴. Философ делал акцент на создании определенной общественной атмосферы как основном сред-

¹ Schirrmacher, Frank. Abschied von der Literatur der Bundesrepublik // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 1990, 2 October. S. 1–2.

² Адорно, Т. Что значит «проработка прошлого»? // *Неприкосновенный запас*, 2005, №2–3 (40–41)

³ Там же.

⁴ Adorno, Theodor W. Education after Auschwitz. In: *Critical Models: Interventions and Catchwords*. Translated and with a preface by Henry W. Pickford. New York: Columbia UP, 1998. pp. 196–97.

стве предотвращения повторения катастрофы: «Когда я говорю об образовании после Аушвица, я имею в виду две области: во-первых, детское образование, особенно в раннем возрасте, а, во-вторых, общее просвещение, способное обеспечить интеллектуальный, культурный и социальный климат, в котором повторение преступлений прошлого окажется невозможным, обстановку, в которой мотивации, приведшие к ужасу прошлого, будут относительно осознаны»¹.

Важным фактором изменения общественной атмосферы Адорно считал преодоление равнодушия и холодности, неспособности отождествлять себя с другими: «Если бы холодность не была основной антропологической чертой, если бы люди не были глубоко безразличны к тому, что происходит со всеми остальными, за исключением наиболее близких, с кем они связаны близкими связями или ощутимыми интересами, тогда Аушвиц был бы невозможен, люди бы не приняли его. Общество в его нынешнем состоянии [...] основано, прежде всего, на преследовании собственных интересов в ущерб интересам других людей. [...] Стадное движение так называемой одинокой толпы [*einsame Menge*], — объединение совершенно холодных, равнодушных людей, которые не могут переносить свою холодность и одновременно не могут ничего изменить, — является реакцией на этот процесс»².

По мнению автора, *неспособность идентифицироваться с другими* стала наиболее важной психологической предпосылкой того, чтобы что-то наподобие Аушвица стало возможным в среде более или менее цивилизованных и невинных людей. Согласно Адорно, феномен «попутчика» (*fellow-traveler*) представлял собой, в первую очередь, «реализацию бизнес-интереса: стремиться, прежде всего, к собственной выгоде и не говорить слишком много, чтобы не подвергать себя опасности. Это главный закон статус-кво. Молчание в системе террора было лишь его последствием». В качестве примера подобного поведения в современных условиях Адорно приводил бесчисленное количество ситуаций на дорогах, «когда водители готовы переехать кого угодно, если только им самим светит зеленый свет»³.

Адорно также подчеркивал важность приверженности принципам смелости и открытости в обращении к наиболее важным обще-

ственным проблемам, без оглядки на власть, без страха поднимать острые вопросы: «Все политическое образование должно быть сосредоточено на том, чтобы Аушвиц никогда повторился. Это будет возможно только тогда, когда оно посвятит себя открыто, не боясь задеть никакую власть, наиболее важным общественным проблемам». Для того, чтобы указанная цель была достигнута, образование, по мнению автора, «должно превратиться в социологию, то есть должно фокусироваться на игре социальных сил, действующих под поверхностью политических форм»⁴.

И, наконец, Адорно делал акцент на изучении психологии людей, совершавших преступления, — психологии исполнителей преступлений: «Необходимо изучать механизмы, которые делают людей способными на такие поступки, ознакомить людей с этими механизмами, и стремиться через достижение общего понимания не допустить развития подобных личностных качеств»⁵. Философ, таким образом, поднимал проблему «банальности зла», и сопряженные с ней проблемы: преступного характера режима, в котором преступление, палачество превращается в норму; проблему исполнения преступных приказов и добровольного соучастия рядовых граждан в терроре и массовых преступлениях; проблему совести, морального выбора и личной ответственности каждого за то, чтобы остаться человеком в предлагаемых обстоятельствах.

Статьи Адорно представляют лишь один из многочисленных примеров того, как в интеллектуальной среде постепенно вырабатывались подходы, представляющие альтернативу официальному историческому дискурсу: немецкие интеллектуалы — писатели, философы, педагоги, журналисты, юристы, историки — бросали вызов официальной версии исторической памяти. Одним из ключевых источников изменений общественно-политической ситуации и политической культуры в послевоенной Германии стало, таким образом, появление и последующее расширение критической публичной сферы (*Öffentlichkeit*), в которой представители политической, академической, артистической, образовательной элит, а также активисты гражданского общества постоянно рационализировали национальное прошлое и настоящее, артикулировали и обсуждали различные позиции, программы, реагировали на происходящие события. Постепенная смена значений в про-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

цессах общественной меморизации в послевоенной ФРГ стала, прежде всего, результатом активной борьбы и взаимодействия различных «сообществ памяти», плодом сложной и динамичной структуры социальной памяти, сформировавшейся в послевоенный период.

Во-первых, коллективная память о нацизме в ФРГ формировалась в контексте уже отмеченного противостояния двух основных, идеологически обусловленных версий памяти, которые в обобщенном виде могут быть обозначены как *консервативная* и *леволиберальная*. При этом важно, что за бинарным противостоянием основных идеологических позиций скрывалась сложная и многоплановая структура элитных групп-носителей указанных версий памяти. В первую очередь, это были политические элиты, выкристаллизовавшиеся вокруг основных западногерманских партий – блока ХДС/ХСС, СДПГ и СвДП. А во-вторых, это были связанные с партиями органы печати и средства массовой информации, а также многочисленные интеллектуальные группы «левого» и «правого» толков: литераторы, социологи, философы, историки и другие представители культурной элиты.

Кроме того, все интерпретации прошлого в послевоенной ФРГ являлись продуктами конфликта поколений; столкновениями и взаимодействиями трех, по меньшей мере, основных возрастных групп – *военного поколения*, так называемого «*поколения гитлерюгенда*» и *послевоенного поколения*. По мнению историка памяти Вульфа Канстейнера, в результате этого кливажа в ФРГ были сформированы три различных, поколенчески обусловленных парадигмы политики памяти: во-первых, прагматичная и апологетическая память военного поколения; во-вторых, противоречивая, объективирующая и идеалистическая память «поколения гитлерюгенда»; в-третьих, инструментальная и критическая память послевоенного поколения¹.

Если первоначальные шаги по строительству послевоенного западногерманского государства стали делом старшего поколения немцев, прошедших войну, то социо-структурные изменения второй половины 1960-х годов были во многом связаны с взрослением нового поколения граждан, рожденных во время или уже после окончания войны. Именно эти молодые люди, прежде всего, представители немецкого студенческого движения конца 1960-х годов, выступали с требованиями радикальной демократизации и кардинальной образовательной реформы, основательной переоценки государ-

ственной идентичности, а также принятия ответственности за прошлое.

В то же время наибольшее влияние на развитие инфраструктуры культурной памяти в ФРГ оказало, по мнению многих исследователей, так называемое «поколение гитлерюгенда» (в других дефинициях – «поколение 1945-го года» (Moses 2007), «поколение 1948-го года» (Marcuse 2000), «скептическое поколение» (Schelsky 1957), «преданное», «ищущее» поколение, а также «поколение восстановления»), не несшее непосредственной ответственности за практики нацистского режима, но прошедшее социализацию в молодежных структурах Третьего рейха². Для представителей этого ключевого для послевоенной интеллектуальной истории поколения немцев, рожденных приблизительно в 1920-е – начале 1930-х годов, крах нацистского режима и начало либеральных свобод стали поворотным жизненным моментом, началом личной интеллектуальной и эмоциональной переориентации, важным стимулом для дальнейшего участия в строительстве нового немецкого государства. Несмотря на разнородность взглядов, представители этого поколения в большинстве своем были приверженцами демократической модели и были ориентированы на реформирование немецкой системы (даже если они расходились в своем видении реформ). Именно благодаря усилиям этих граждан, занявших ключевые посты в академической, образовательной, судебной, а позднее политической сферах и была проведена реструктуризация основных национальных институтов³.

Даже поверхностный анализ (см. таблицу 1) дат рождения ведущих западногерманских интеллектуалов послевоенного периода – как леволиберального, так и консервативного толка – подтверждает тезис о доминировании среди них представителей «поколения 1945-го года». Из 42-х приведенных в таблице имен 25 (или около 60 процентов) принадлежат представителям «поколения гитлерюгенда», 10 – представителям военного поколения и 6 – послевоенного.

Наконец, коллективные воспоминания о Третьем рейхе и его преступлениях были сконструированы в самых разных профессиональных и социальных средах, сильно варьирующихся по размеру и социальному статусу. Вульф

¹ Kansteiner, Wulf. Указ. соч., с. 319-320.

² Schelsky, Helmut. Die skeptische Generation: Eine Soziologie der deutschen Jugend. Düsseldorf – Köln, 1957. Marcuse, Harold. Legacies of Dachau: The Uses and Abuses of a Concentration Camp, 1933–2001. Cambridge UP, 2001.

³ См.: Moses, Dirk A. German Intellectuals and the Nazi Past. New York: Cambridge UP, 2007.

Таблица 1

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ПОКОЛЕНИЯ ГИТЛЕРЮГЕНДА» СРЕДИ ВЕДУЩИХ ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Леволлиберальные интеллектуалы	Г.Р.	Консервативные интеллектуалы	Г.Р.
Публицисты:		Историки:	
Рудольф Аугштайн (Rudolf Augstein)	1923	Эрнст Нольте (Ernst Nolte)	1923
Ойген Когон (Eugen Kogon),	1903	Андреас Хильгрубер (Andreas Hillgruber)	1925
Вальтер Диркс (Walter Dirks)	1901	Карл Дитрих Брахер (Karl Dietrich Bracher)	1922
Писатели:		Хельмут Дивальд (Hellmut Diwald)	1924
Зигфрид Ленц (Siegfried Lenz)	1926	Клаус Хильдебранд (Klaus Hildebrand)	1941
Гюнтер Грасс (Günter Grass)	1927	Райнер Цительман (Rainer Zitelmann)	1957
Вольфдигер Шнурре (Wolfdieter Schnürre)	1920	Хаген Шульце (Hagen Schulze)	1943
Ханс Вернер Рихтер (Hans Werner Richter)	1908	Михаэль Штюрмер (Michael Stürmer)	1939
Альфред Андерш (Alfred Andersch)	1914	Политологи	
Генрих Бёлль (Heinrich Böll)	1917	Вильгельм Хеннис (Wilhelm Hennis)	1923
Социологи:		Писатели	
Людвиг фон Фридебург (Ludwig von Friedeburg)	1923	Мартин Вальзер (Martin Walser)	1927
Ральф Дарендорф (Ralf Dahrendorf)	1929	Философы	
Политологи:		Герман Люббе (Hermann Lübbe)	1926
Петер фон Эрцен (Peter von Oertzen)	1924	Журналисты	
Вернер Хоффманн (Werner Hoffmann)	1922	Йоахим Фест (Joachim Fest)	1926
Курт Ленк (Kurt Lenk)	1929		
Юрген Заёферт (Jürgen Seifert)	1928		
Философы:			
Карл Ясперс (Karl Jaspers)	1883		
Теодор Адорно (Theodor Adorno)	1903		
Юрген Хабермас (Jürgen Habermas)	1929		
Психоаналитики:			
Александр Митчерлих (Aleksander Mitscherlich)	1908		
Маргарете Митчерлих (Margarete Mitscherlich)	1917		
Специалист в области образования:			
Ханс Титгенс (Hans Tietgens)	1922		
Историки:			
Ханс-Ульрих Велер (Hans-Ulrich Wehler)	1931		
Фритц Фишер (Fritz Fischer)	1908		
Юрген Кокка (Jürgen Kocka)	1941		
Ханс Моммзен (Hans Mommsen)	1930		
Мартин Брошат (Martin Broszat)	1926		
Генрих А. Винклер (Heinrich A. Winkler)	1938		
Эберхард Йеккель (Eberhard Jäckel)	1929		
Вольганг Шеффлер (Wolfgang Scheffler)	1929		
Вольфанг Моммзен (Wolfgang Mommsen)	1930		

Канстайнер наглядно представил западногерманскую социальную географию памяти в виде пирамиды со сложной внутренней структурой. Ее верхний уровень занимают *дискурсы элит*, интеллектуальных групп (к примеру, профессиональные историки и историографы), члены которых, хотя и стремятся к достижению широких слоев общественности, однако, на практике либо общаются между собой, производя подробные, детализированные, «профессиональные» воспоминания, либо же, в лучшем случае, достигают аудитории, которую можно обозначить как *заинтересованную общественность*. Она-то и занимает, соответственно, второй, более широкий уровень воображаемой пирамиды. К отмеченной группе заинтересованных граждан, составляющих от 15% до 25%

населения, могут быть причислены читатели национальной прессы и зрители интеллектуальных телевизионных программ, проявляющие активный интерес к культурной продукции элит, выборочно знакомящиеся (чаще всего на страницах национальной прессы) с мнениями историков, писателей, режиссеров авторского кино и музейных кураторов, производящих и представляющих достаточно сложные аналитические тексты. В ежедневном воспроизводстве немецкой публичной сферы эта политически и культурно заинтересованная публика может быть относительно чётко отделена от большинства граждан, *широкой общественности*, включающей в себя читателей таких изданий, как *Bild-Zeitung* и *Hörzu*, зрителей массово-ориентированных телевизионных постановок

Гвидо Кноппа, членов известной немецкой паб-культуры (*Stammtischkultur*) и т.п.¹

К этой социальной картине культурной памяти важно добавить те группы, которые традиционно принято относить к сфере гражданского общества. Среди групп, сыгравших существенную роль в социокультурной трансформации послевоенной ФРГ, — организации жертв нацистского режима (прежде всего, еврейские — внутри страны и за её пределами), различные ветеранские и гражданские организации, инициативные группы, входившие в состав социальных движений 1970-х годов, а также неформальные исторические группы или «исторические мастерские» (*Geschichtswerkstatt*), возникшие в конце 1970-х — начале 1980-х годов во многих немецких городах и сфокусировавшиеся в основном на изучении локальной истории, «истории повседневности» (*Alltagsgeschichte*).

К примеру, благодаря активной деятельности организаций жертв Холокоста, их усиливающейся критике и давлению на местные и государственные органы власти в середине 1960-х годов, некоторые бывшие концентрационные лагеря были превращены в «места памяти». Спустя десятилетие, благодаря усилиям различных гражданских организаций, прежде всего, молодежных секций профсоюзов, эти места приобрели также образовательные, обучающие функции, — превратились еще и в «места обучения», на базе которых разрабатывалась, кроме всего прочего, проблематика исполнителей преступлений нацистского режима. Такой концепции работы с историческим материалом, в свою очередь, способствовали многочисленные неформальные «исторические мастерские», ранее включившие указанную проблематику в собственные исследования².

В конце 1958 года усилиями юристов и историков был создан Центр по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге (*Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung nationalsozialistischer Verbrechen*). На первом этапе центр занимался лишь сбором материалов о преступлениях, совершенных за пределами Германии против мирного населения. Позднее задачи центра расширились: расследоваться стали также преступления, совершенные на немецкой территории и преступления против военнопленных. Информация,

собранная центром, впоследствии активно использовалась в судебных процессах над нацистскими преступниками.

В 1959 году генеральный прокурор земли Гессен Фриц Бауэр, стремясь пролить свет на преступления Третьего рейха и призвать к ответственности лиц, совершавших преступления, добился решения Верховного федерального суда ФРГ (*Bundesgerichtshof*) в Карлсруэ, согласно которому все дела, имеющие отношение к концентрационному лагерю Аушвиц, отныне подлежали юрисдикции земельного суда (*Landgericht*) во Франкфурте-на-Майне. Таким образом, Бауэр, ставший в 1961 году организатором общественного «Гуманистического союза», подготовил один из основных процессов над нацистскими преступниками в истории послевоенной ФРГ — Франкфуртский процесс 1963–65 годов. По мнению Бауэра, этот процесс был призван стать для немцев «уроком и предупреждением», показать, что «новая Германия — это оплот демократии, и она решительно настроена отстаивать права каждого человека»³.

Важно, что рост значимости таких ценностей как уважение прав человека, солидарность и гражданское участие в общественной жизни совпал с ростом памяти о нацистском прошлом в общественном сознании. Борьба различных организаций гражданского общества за свои права и за такие постиндустриальные ценности как качество жизни, экологические права, гендерное равноправие и т.п. шла одновременно с борьбой за восстановление исторической справедливости, включение памяти о трагических, позорных моментах истории в общенациональную память о прошлом. За это боролись, прежде всего, различные гражданские организации — сообщества жертв Холокоста, религиозные группы, а также активисты гражданского общества, педагоги, писатели, юристы, историки, журналисты, художники и другие представители творческих профессий. Появление этих индивидов и групп свидетельствовало о постепенной модернизации социальных отношений, изживании тоталитарного наследия.

Отличительной чертой тоталитарных и посттоталитарных обществ является массовая убежденность граждан в неспособности влиять на социально-политическую обстановку (так, в постсоветской России на вопрос социологов Левада-Центра, «Могут ли такие люди, как Вы, влиять на принятие государственных решений, участвуя в выборах, общественных акциях и де-

¹ Kansteiner, Wulf. Указ. соч., с. 319–320.

² Lüdtke, Alf. 'Coming to Terms with the Past': Illusions of Remembering, *Ways of Forgetting Nazism in West Germany* // *Journal of Modern History*, 1993, 65, September. P. 556.

³ Из выступления Фрица Бауэра на пресс-конференции накануне открытия Франкфуртского процесса 20 декабря, 1965 года.

монстрациях, дискуссиях и т.п., в своем городе и в своей стране?», традиционно отрицательно отвечают около 85–90% респондентов)¹. В то же время послевоенный немецкий опыт показывает важность как индивидуальных, частных, так и совместных гражданских действий и инициатив в процессах социокультурной трансформации. Вместе с ростом гражданской активности росла и уверенность граждан в собственных силах: с 1959 по 1972 год число респондентов, не согласных с утверждением, что такие люди, как они, не могут оказывать влияние на действия правительства, возросло с 25% до 40%².

В результате разноплановых усилий альтернативная версия памяти постепенно начинала доминировать в таких сферах исторической культуры ФРГ, как литература, театр, образование, юридическая система и электронные средства массовой информации. Представители этих профессиональных групп все больше фокусировались на преступлениях режима, поднимали вопрос о личной уголовной и моральной ответственности, а политическим элитам приходилось реагировать на эти изменения в публичной сфере, менять собственную повестку, приводить её в соответствие с другими каналами коллективной памяти.

II. Появление новых символических структур общественного сознания

Постепенно такие символы как *нацистский концлагерь* и символическая *фигура свидетеля*, пережившего ужасы лагерной жизни, превращались в ключевые символические структуры западногерманской идентичности.

Концлагерь можно рассматривать как квинтэссенцию тоталитарного режима, что определяет его значимость в качестве культурного символа. Варлам Шаламов писал, что «лагерная тема в широком её толковании, в её принципиальном понимании — это основной, главный вопрос наших дней». «Разве уничтожение человека с помощью государства — не главный вопрос нашего времени, нашей морали, вошедший в психологию каждой семьи?», — ставил вопрос один из ключевых свидетелей советского концлагеря³. По мнению Шаламова,

лагерная тема в литературе способна вместить «сто таких писателей, как Солженицын, пять таких писателей, как Лев Толстой. И никому не будет тесно». Универсальную значимость лагерной темы Шаламов обосновывал тезисом о том, что «лагерь — мироподобен» и, следовательно, лагерная тема, как никакая другая, помогает «поставить и решить какие-то важные нравственные вопросы времени», такие как «вопрос встречи человека и мира, борьба человека с государственной машиной, правда этой борьбы, борьбы за себя, внутри себя — и вне себя. Возможно ли активное влияние на свою судьбу, перемалываемую зубьями государственной машины, зубьями зла»⁴. «Мои рассказы, — резюмировал свою писательскую задачу Шаламов, — в сущности, советы человеку, как держать себя в толпе»⁵.

Послевоенная ФРГ, по сути, постепенно реализовывала шаламовскую «программу памяти»: лагерная тема, как и тема свидетеля, пережившего концлагерь, становилась доминирующей в литературе и научных исследованиях.

Довольно рано в печати стали появляться воспоминания бывших узников концентрационных лагерей. Так, уже в ходе Нюрнбергского процесса распространялся очерк Василия Гроссмана «Треблинский ад» (1944), созданный на основе свидетельств заключенных нацистского «трудового лагеря» Треблинка-1, а также свидетельств очевидцев (в основном, обсуживающего персонала) лагеря смерти Треблинка-2. В 1940-е — 1950-е годы увидели свет такие воспоминания жертв Холокоста, как «Дневник Анны Франк» (1950), а также автобиографическая проза бывшего узника Аушвица и Бухенвальда, писателя Эли Визеля (прежде всего, роман Визеля 1956 года «И мир молчал», и его более известная, сокращённая версия 1958 года «Ночь»). В 1949 году в Германии вышел перевод автобиографического романа о концлагере «Род человеческий» (*L'Espèce humaine*, 1947) французского писателя Робера Антельма, прошедшего через нацистские концентрационные лагеря Бухенвальд, Гандерсхайм и Дахау. В 1958 году в ФРГ был опубликован перевод автобиографических записок о концлагере бывшего заключенного Аушвица Примо Леви «Человек ли это?» (*Se questo è un uomo*, 1947).

¹ Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд либеральная миссия, 2007. С. 136.

² Institut für Demoskopie, 1981. Baker, Keith M. *Inventing the French Revolution: Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century*. Cambridge, UK: Cambridge UP, 1990. P. 28.

³ Шаламов, Варлам. О прозе, в: Собрание сочинений в шести томах, т. 5: Всё или ничего. Эссе и заметки. Записные книжки. Москва, 2005, с. 156–157.

⁴ Там же.

⁵ Шаламовский сборник, выпуск 2, Вологда, 1997, с. 31. См. также: Sapper, Manfred; Weichsel, Volker; Huterer, Andrea (Hg.): *Das Lager schreiben. Varlam Salamov und die Aufarbeitung des Gulag // Osteuropa*, 2007, 6.

Особенности переживания личностью экстремальных ситуаций пребывания в концлагере были также довольно рано описаны в работах прошедших через концлагеря психологов, прежде всего, в статье австрийского психоаналитика, бывшего узника Дахау и Бухенвальда Бруно Беттельхайма «Индивидуальное и массовое поведение в экстремальных ситуациях» (*Individual and Mass Behavior in Extreme Situations, 1943*), а также в книге австрийского психиатра, психолога и невролога, пережившего заключение в нескольких нацистских концлагерях, Виктора Франкла «Сказать жизни «Да». Психолог в концлагере» (*Ein Psycholog erlebt das Konzentrationslager, 1946*).

Уже в 1946 году появилось авторитетное исследование социального устройства нацистских концентрационных лагерей немецкого социолога и публициста, бывшего узника Бухенвальда Ойгена Когона «Эсэсовское государство: система немецких концлагерей» (*Der SS-Staat, das System der deutschen Konzentrationslager*). К тому же году относится работа другого бывшего узника Бухенвальда, французского писателя Давида Руссе «Концентрационный мир» (*L'Univers Concentrationnaire*). В 1955 году в Германии была опубликована книга Леона Полякова и Джозефа Вульфа «Третий рейх и евреи: документы и статьи» (*Das Dritte Reich und die Juden: Dokumente und Aufsätze*). В том же 1955 году западногерманская общественность получила возможность познакомиться с немецким переводом первого систематического исследования тоталитарных режимов «Истоки тоталитаризма» (*The Origins of Totalitarianism, 1951*) немецкого философа еврейского происхождения Ханны Арендт, вынужденной покинуть Германию в начале 1940-х годов. Несколько лет спустя, после суда над бывшим офицером Гестапо Адольфом Эйхманном, вышла другая книга Арендт, присутствовавшей на суде в качестве корреспондента журнала *The New Yorker*, «Банальность зла: Эйхманн в Иерусалиме» (*Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil, 1963*). Немецкое издание исследования Холокоста «Окончательное решение» (*The Final Solution, 1953*) британского историка Джеральда Рейтлингера увидело свет в ФРГ в 1956 году.

Как уже отмечалось, с середины 1960-х годов многие места бывших концентрационных лагерей были превращены в места памяти и обучения, на их территориях создавались мемориальные комплексы и документальные центры (*Dokumentenhaus*). Так, в 1965 году постоянная экспозиция была создана на месте

концлагеря Дахау (*KZ-Gedenkstätte Dachau*); в том же 1965 году был расширен мемориальный комплекс, открытый в 1953 году на месте бывшего концентрационного лагеря в Нойенгамме (*KZ-Gedenkstätte Neuengamme*). В 1966 году документальный центр был открыт в мемориальном комплексе Берген-Бельзен (*KZ-Gedenkstätte Bergen-Belsen*), частью которого стала выставка, напоминающая о прошлом этого лагеря смерти.

Возрастающий интерес к «истории повседневности» и растущее вместе с ним понимание того, что, как отмечал Саул Фридлендер, «история повседневности» немецкого общества имеет свою необходимую тень — «историю повседневности своих жертв», приводило к более тщательному изучению повседневной жизни людей, подвергавшихся преследованиям в Третьем рейхе¹. В 1970-е и 1980-е годы вышли в свет несколько сборников воспоминаний свидетелей, а также несколько важных работ, анализирующих ранее опубликованные свидетельства (таких как монография Моники Рихарц «Жизнь евреев в Германии» (1982) и опубликованные под редакцией Рауля Хильберга дневники Адама Чернякова, возглавлявшего в 1939–1942 годах юденрат Варшавского гетто)².

С конца 1970-х годов на немецком телевидении стали регулярно появляться документальные фильмы, содержащие интервью со свидетелями, пережившими Холокост, а также художественные фильмы и сериалы, отражающие проблематику страданий жертв Третьего рейха. Однако, несмотря на значительное присутствие свидетельств потерпевших на телеэкранах в 1970-е и 1980-е годы, Холокост, по мнению некоторых экспертов, оставался преступлением без преступников, соучастников и сторонних наблюдателей, по крайней мере, до начала 1990-х годов. Хотя в этот период немецкое телевидение приложило значительные усилия, чтобы предоставить эфирное время оставшимся в живых свидетелям, оно редко показывало лица людей, совершивших преступления или наблюдавших катастрофу со стороны. Исключением стал, пожалуй, только показ по центральному телевидению в марте 1986 года (в прайм-тайм, за исключением Баварии) девятичасового фильма Клода Ланцмана «Шоа»

¹ Friedländer, Saul. *Memory, History and the Extermination of the Jews of Europe*. Bloomington: Indiana UP, 1993.

² Richarz, Monika. *Jüdisches Leben in Deutschland: Zeugnisse zur Sozialgeschichte 1918–1945*, Vol. 3. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1982. Hilberg, Raul (Hg.) *Im Warschauer Ghetto. Das Tagebuch des Adam Czerniaków 1939–1942*, Beck, München 1986.

(1985), содержащего интервью как с выжившими в лагерях смерти свидетелями, так и с нацистами, приводившими в исполнение преступные приказы, а также с теми, кто оказывал им поддержку¹.

Начиная с 1980-х годов, немецкие школы открыли свои двери для свидетелей нацистской эпохи, которые могли лично рассказывать школьникам о борьбе за выживание и о пережитых ими преследованиях в Третьем рейхе. Устная история, то есть сохранение личных переживаний и воспоминаний современников о событиях прошлого, стала общепринятым методом изучения современной истории. Постепенно фигура свидетеля, пережившего Холокост, становилась не только важным объектом исследований, но одной из ключевых символических фигур в публичной сфере.

Другая символическая фигура — *фигура исполнителя преступлений, палача* — также медленно, но верно приобретала общественную значимость. Большое влияние на развитие этого дискурса оказали судебные разбирательства над нацистскими преступниками, особенно такие громкие процессы, как иерусалимский суд 1961 года над Оберштурмбаннфюрером СС Адольфом Эйхманном, руководившим организацией транспортировки евреев в концлагеря, и Франкфуртский процесс середины 1960-х годов.

Как уже отмечалось, до 1960-х годов (и соответственно, до начала процесса над Эйхманном в Иерусалиме) немецкое общество мало интересовалось проблемами нацистского прошлого. В книге «Эйхманн в Иерусалиме» Ханна Арендт отмечала, что «прошлое не очень-то заботит народ, который не имеет ничего против присутствия в стране убийц, поскольку все эти убийцы совершали преступления не по своей собственной воле»². Нацистские преступники, действительно, находили в Германии большое «понимание», либо вовсе не попадая в руки правосудия, либо получая в немецких судах ничтожно малые сроки. Однако, в начале 1960-х годов под влиянием мирового общественного мнения, активизировавшегося в ходе процесса над Эйхманном, немецким политикам пришлось продемонстрировать, словами Арендт, «беспрецедентное рвение в розыске и наказании

живущих в стране нацистских преступников»³. Было подсчитано, например, что из 11 500 судей Федеративной Республики 5 000 носили судейские мантии и при гитлеровском режиме. Администрация Аденауэра была вынуждена провести хотя бы частичную чистку юридического аппарата, уволив из судебной системы более 140 наиболее запятанных судей, полицейских чинов и прокуроров (включая главного прокурора Верховного федерального суда Вольфганга Иммервара Франкеля)⁴.

В своей книге-репортаже «Эйхманн в Иерусалиме» Ханна Арендт так описывала эти процессы:

«Спустя семь месяцев после доставки Эйхманна в Иерусалим — и за четыре месяца до начала процесса — наконец-то был арестован Рихард Баер, сменивший Рудольфа Хёсса на посту коменданта Освенцима. Вскоре после этого были арестованы члены так называемой команды Эйхманна: Франц Новак, теперь он жил в Австрии и работал печатником; доктор Отто Хунше — практикующий адвокат, проживал в Западной Германии; Герман Крумей — ныне скромный аптекарь; Густав Рихтер — бывший «советник по делам евреев» в Румынии; доктор Гюнтер Цопф, занимавший аналогичный пост в Амстердаме. Несмотря на то, что данные об их преступлениях и показания жертв задолго до этого были опубликованы в изданных в Германии книгах и журналах, они не побеспокоились даже о смене имени.

Впервые после окончания войны в немецких газетах публиковались отчеты о судах над нацистскими преступниками, обвиненными в массовых убийствах (после мая 1960 года, когда захватили Эйхманна, рассматривались только дела об убийствах первой степени, по всем остальным преступлениям срок давности истек, а срок давности по убийствам составляет двадцать лет). Однако нежелание местных судов заниматься этими вопросами выразилось в фантастически мягких приговорах.

Так, например, доктор Отто Брандфиз из айнзацгруппы — эсэсовского мобильного подразделения смерти, действовавшего на Востоке, — за убийство пятнадцати тысяч евреев был приговорен к десяти годам исправительных работ; доктор Отто Хунте, юридический советник Эйхманна, лично ответственный за депортацию тысячи двухсот венгерских евреев, из которых

¹ Kansteiner, Wulf. Entertaining Catastrophe: History of the Screen and the Book: The Reinvention of the Holocaust in the Television and Historiography of the Federal Republic of Germany // New German Critique, 2003, 90, Autumn.

² См.: Арендт, Ханна. Банальность зла. Эйхманн в Иерусалиме. Пер. с англ. М.: Издательство «Европа», 2008. С. 32-34.

³ Там же.

⁴ Там же.

шестьсот человек были уничтожены, получил пять лет исправительных работ; Иозеф Лехтлер, который ликвидировал евреев в Слуцке и Смолевичах в России, получил три с половиной года.

Были выданы ордера на арест крупных нацистских чинов, многих из которых немецкие суды уже денацифицировали. Одним из них стал генерал СС Карл Вольф, бывший шеф личного штата Гимmlера, который, согласно представленным в 1946 году в Нюрнберге документам, «с особой радостью» встретил сообщение о том, «что вот уже в течение двух недель поезд каждый день доставляет по пять тысяч представителей народа-избранника» из Варшавы в Трешлинку, лагерь смерти на Востоке. Арестовали Вильгельма Коппе, который первым применил в Хелмно газовые камеры, а потом сменил в Польше Фридриха Вильгельма Крюгера. Коппе, один из крупнейших чинов СС, в чью задачу входило сделать Польшу *judenrein* — свободной от евреев, — стал в послевоенной Германии директором шоколадной фабрики»¹.

Другим значимым событием, получившим широкий общественный резонанс, стал Франкфуртский процесс над двадцатью двумя бывшими офицерами СС, сотрудниками администрации и охраны концлагеря Аушвиц. Как уже отмечалось, данный процесс состоялся благодаря усилиям и настойчивости генерального прокурора земли Гессен Фрица Бауэра (ранее также содействовавшего израильским спецслужбам в установлении местонахождения Адольфа Эйхманна), который не только подготовил процесс, но и выступил на нём в качестве государственного обвинителя. К участию в процессе, проходившему во Франкфурте-на-Майне с 20 декабря 1963 по 10 августа 1965 года, были привлечены около 360 свидетелей из 19 стран (из них 210 являлись бывшими узниками Аушвица). В ходе процесса историки Гельмут Краусник, Ганс-Адольф Якобсен, Ханс Буххайм и Мартин Брошат, сотрудничавшие с основанным в 1949 году Мюнхенским Институтом современной истории и Центром по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге, готовили экспертные заключения для судов, выступая в качестве свидетелей-экспертов для стороны обвинения. На базе собранной в рамках этой работы информации в 1965 году было опубликовано одно из наиболее тщательных исследований Третьего рейха «Анатомия госу-

дарства СС» (*Anatomie des SS-Staates*)². Открытые судебные разбирательства Франкфуртского процесса также вдохновили немецкого драматурга Петера Вайса на создание пьесы «Дознание» (*Die Ermittlung*, 1965), в основу которой легли свидетельские показания, представленные в ходе судебных заседаний.

Не будет преувеличением утверждать, что судебные процессы первой половины 1960-х годов существенно изменили ситуацию в западногерманских судах. Так, до конца 1950-х годов, большинство антинацистских судебных процессов в ФРГ (43%) имели дело с преступлениями, совершенными в Германии против немецких граждан в последние месяцы войны (так называемые «преступления финального этапа», *Endphaseverbrechen*), а также с преступлениями, не касавшимися нацистской программы уничтожения (за исключением преступлений, совершенных в рамках программы «эвтаназии»). Однако со второй половины 1960-х годов 60% всех уголовных преследований нацистов стали составлять преступления, имеющие отношения к массовому уничтожению людей. В тот же период изменился этнический состав жертв нацистских преступлений: если до 1966 года 62% пострадавших составляли немцы, то в последующий период число представителей других этнических групп возросло до 86% (в частности, с 29% до 76% возросло количество судебных преследований по преступлениям, совершенным против евреев). Аналогичный сдвиг произошёл в территориальном фокусе судебных разбирательств: если до 1966 года 72% составляли преступления, совершенные в Германии, то после 1966 года география рассматриваемых в суде преступлений расширилась. Теперь 83% судебных преследований имели отношение к местам, находившимся за пределами страны (в основном в Польше — 41%, и в Советском Союзе — 31%). Претерпели изменения и категории обвиняемых преступников: с 2% до почти 11% возросло количество судебных разбирательств над членами «эскадронов смерти», с 20% до 31% — над охранниками трудовых лагерей и лагерей смерти, с 27% до 44% — над членами полиции³.

² Buchheim, Hans; Broszat, Martin; Jacobsen, Hans-Adolf; Krausnick, Helmut (Hg.) *Anatomie des SS-Staates*, 2 vols. Walter-Verlag, Olten, Freiburg, 1965. Экспертные заключения историков для немецких судов были опубликованы в двух томах в 1958 и 1966 году: Institut für Zeitgeschichte (Hg.) *Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte*, 2 vols. München, Deutschland: Institut für Zeitgeschichte, 1958, 1966.

³ Всего в период между 1945 и 1997 годами в западногерманских судах прошли 912 судебных процессов над нацистскими преступниками с участием 1875 обвиняемых в совершении убийств на служ-

¹ Там же. сс. 30–31.

В контексте развития дискурса о преступлениях нацистов необходимо также упомянуть о широких общественных дебатах, продолжавшихся с 1965 по 1979 год вокруг проблемы истечения срока давности по нацистским преступлениям (*Verjährungsdebatten*). Согласно немецким законам, срок исковой давности в отношении преследования нацистских преступников должен был вступить в силу спустя двадцать лет после окончания войны — 8 мая 1965 года. В результате ожесточенных дискуссий в Бундестаге, применение срока давности к нацистским преступлениям было отложено на 4 года и 8 месяцев до конца 1969 года, что вызвало бурное недовольство как немецкой, так и зарубежной общественности (особенно сильную негативную реакцию решение вызвало в СССР, Польше, Франции, Нидерландах и других странах, подвергшихся фашистской агрессии). Под давлением общественного мнения, настаивавшего на полной отмене ограничений, 4 августа 1969 года Девятый Закон об изменении уголовного права ФРГ установил отмену срока давности для уголовного преследования и осуждения за преступления согласно § 220a («геноцид»), а также продлил срок давности за убийство с 20 до 30 лет, соответственно, до 31 декабря 1979 года. Однако в июле 1979 года после 11-часовых дебатов Бундестаг 255 голосами против 222 принял, наконец, окончательное решение об отмене срока давности в отношении преднамеренных убийств¹.

Западногерманская историческая наука также не оставалась в стороне от осмысления массовых преступлений нацистов. Количество исторических исследований нацистской массовой системы уничтожения существенно возросло в 1970-е годы, когда в период расцвета общего интереса к «истории повседневности», наряду с публикациями о судьбах жертв нацизма, стали появляться работы об эскадронах и лагерях смерти, о войне на уничтожение на Восточном фронте, значительно обогатившие историографию Третьего рейха. В 1980-е, 1990-е и 2000-е годы эти исследования получили значительное развитие. Новая волна публикаций включала биографические исследования (к примеру, в 1996 году вышли биографии обергруппенфюрера СС и рейхскомиссара оккупи-

рованной территории Дании в 1942–1945 годы Рудольфа Вернера Беста и шефа гестапо Генриха Мюллера), исследования нацистской системы концентрационных лагерей Вольфганга Софски, Ульриха Херберта, Карин Орт, Кристофа Дикманна, а также просопографические исследования основных институтов (например, исследование службы безопасности (СД) Михаэля Вильдта, вышедшее в 2003 году)². Такие авторы, как Уолтер Маносек, Дитер Поль, Томас Зандкюлер, Кристиан Герлах стремились понять, какие конкретные местные факторы внесли свой вклад в развитие политики геноцида в оккупированной Восточной Европе и как эти факторы взаимодействовали с политическими директивами из Берлина³.

В то же время авторы художественных и научных текстов все чаще обращались к психологическим аспектам преступлений. Многие немецкие и зарубежные исследователи этой проблематики, такие как Вольфганг Софски, Кристофер Браунинг, Иона Гольдхаген, Эли Гётц, Йехошуа Бюхлер, Михал Унгер, Майкл Альберти, Богдан Музиал, а также эксперты Гамбургского института социальных исследований (*Das Hamburger Institut für Sozialforschung*), сходились в мнении, что участие в массовых убийствах было довольно широко распространенным, осознанным и добровольным и что сами палачи были по большей части «нормальными» людьми. Скрытая угроза «банальности зла» постепенно сделала фигуру палача одной из ключевых фигур в научных исследованиях и в общественном дискурсе.

С 1987 года в полуразрушенных подвалах гестапо была размещена экспозиция из фотографий и других документов о престу-

бе национал-социализма. См.: The Prosecution of National Socialist Homicidal Crimes before Courts in West Germany and the Federal Republic, 1945–1997. A short Introduction on Statistics and Priorities. <<http://www1.jur.uva.nl/junsv/JUNSVEng/WGermpros.htm>>

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 645–48.

² *Herbert, Ulrich*. Best: Biographische Studien über Radikalismus, Weltanschauung und Vernunft, 1903–1989. Bonn: Dietz, 1996. *Seeger, Andreas*. Gestapo-Müller: Die Karriere eines Schreibtischtäters. Metropol Verlag, Berlin 1996. *Sofsky, Wolfgang*. Die Ordnung des Terrors: Das Konzentrationslager. S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main, 1993. *Herbert, Ulrich, Orth, Karin, Dieckmann, Christoph*. Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur. Göttingen: Wallstein, 1998. *Wildt, Michael*. Generation des Unbedingten: Das Führungskorps des Reichssicherheitshauptamtes, Hamburger Edition HIS, 2003.

³ *Manoschek, Walter*. "Serbien ist judenfrei:" Militärische Besatzungspolitik und Judenvernichtung in Serbien 1941/42. München: Oldenbourg, 1993. *Pohl, Dieter*. Von der "Judenpolitik" zum Massenmord: Der Distrikt Lublin des Generalgouvernements 1939–1944. Frankfurt: Lang, 1993. *Sandkühler, Thomas*. "Endlösung in Galizien: Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. Bonn: Dietz, 1996. *Gerlach, Christian, Krieg, Ernährung*. Völkermord: Forschungen zur deutschen Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. Hamburg: Hamburger Edition, 1998. *Gerlach, Christian*. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg, Hamburger Edition, 1999.

плениях нацистов, положившая начало широкомасштабному проекту «Топография террора». В 2010 году на этом месте был создан информационно-выставочный центр, призванный «сделать наглядной и доступной информацию о становлении и преступных действиях режима национал-социалистов»¹. В 1992 году в Берлине наконец был открыт Дом-музей Ванзейской конференции.

Наиболее основательно тема исполнителей преступлений прорабатывалась в контексте выставки, посвященной преступлениям немецкой армии, – «Война на уничтожение. Преступления Вермахта в 1941–1944 годах» (1995) – и её обновленной версии 2001–2004 годов – «Преступления Вермахта. Масштабы войны на уничтожение». Материалы, представленные на выставке, убедительно доказывали, что массовое преступление было связующим элементом в Третьем рейхе, объединяющим политику, бюрократию, СС, армию, а также простых немецких солдат и резервистов. Вместе с другими важными общественными усилиями такого рода выставка способствовала развитию исследований механизмов и психологии преступлений (*Täterforschung*) в Германии и за рубежом, а также общественной дискуссии по данной проблематике.

III. Структуризация и институционализация памяти о нацистском прошлом (закрепление новых ценностей в системе культурных и общественно-политических институтов)

Постепенный рост влияния альтернативных ценностей привел к реформированию западногерманских культурных и общественно-политических институтов в соответствии с приоритетной задачей критического осмысления прошлого. Этот процесс, в свою очередь, послужил основой для поколенческой дифференциации.

Философ и социолог Карл Маннгейм, занимавшийся разработкой проблематики поколений, подчеркивал, что формирование поколений связано с общей реакцией на некоторые исторические события, воспринимающиеся как вызов существующему социально-политическому порядку. Однако системные кризисы и другие потенциально значимые события могут и не сформировать поколение, если в новых условиях эти события не будут

восприниматься как противоречащие структурным элементам политической культуры, ассоциирующейся с предшествующим порядком. Иными словами, если уроки, извлеченные из переживания общего исторического опыта, не будут отражены в новых политических практиках и если новые ценности и нормы не будут передаваться через культурные институты, самого опыта может оказаться недостаточно для обеспечения смены поколений. Если не меняются способы социализации, новые когорты не могут интериоризировать новые ценности и нормы в рамках обновленных институтов, и смена политической культуры маловероятна. В то же время любой системный кризис, как и разрушение традиционных ценностей и норм, может открыть окно возможностей для формирования поколений².

Хотя принято подчёркивать роль послевоенного поколения в обеспечении социально-культурных перемен в Западной Германии, важно помнить, что активизация молодежи в конце 1960-х годов стала скорее следствием, а не причиной реформистской культурной парадигмы, изначально сформулированной «поколением 1945-го года». Как уже отмечалось, формирование послевоенного поколения в ФРГ стало возможным благодаря усилиям старшего поколения немцев, занявших ключевые посты в науке, образовании, судебной системе, и, наконец, в политике в 1960-е и 1970-е годы, и видевших свою миссию в обеспечении того, чтобы Федеративная Республика состоялась как проект демократической консолидации и реформ. Именно благодаря целенаправленной реформистской деятельности представителей «поколения гитлерюгенда», более молодые граждане, рожденные уже после войны, получили возможность проходить социализацию в обновленных и модернизированных образовательных, культурных, научных, и политических институтах³. Получившие доступ к этим новым возможностям, воспитывавшиеся в атмосфере материальной и личной безопасности послевоенных лет, представители послевоенного поколения немцев выработали ценности и приоритеты, отличные от старших возрастных групп. В начале 1980-х годов, когда члены первой возрастной когорты, прошедшей социализацию

¹ Информационно-выставочный центр «Топография террора», Берлин (Topographie des Terrors) <<http://www.topographie.de/en/topography-of-terror/nc/1/>>

² См.: Mannheim, Karl. Das Problem der Generationen. In: Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie 7, 1928/29. Wissenssoziologie. Auswahl aus dem Werk. Hrsg. von Kurt H. Wolff, Luchterhand, Neuwied/Berlin 1964.

³ См.: Moses, Dirk. Указ. соч., с. 64. Gassert, Philipp; Steinweis, Alan E. (eds.) Coping with the Nazi Past: West German Debates on Nazism and Generational Conflict, 1955–1975. New York: Berghahn, 2006. P. 21.

в политической системе Федеративной Республики, достигли возраста 45–54 лет, многие наблюдатели отмечали успех их социализации с точки зрения изменений политической культуры. Так, по сравнению с 1950-ми годами, существенно снизился общий уровень скептицизма и невежества, заметно возросла готовность участвовать в общественных делах¹.

Кроме того, именно на начало 1980-х годов приходится действительный рост интереса к нацистскому прошлому. По мнению некоторых экспертов, тема Холокоста приобрела общественную значимость в Германии, лишь начиная с 1980-х годов, и, поэтому, любая ретроспективная оценка развития послевоенной Германии в терминах «шестидесяти лет проработки прошлого» ошибочна и неадекватна². Практически все наблюдатели сходятся в мнении, что триггером для актуализации памяти о Холокосте в национальном масштабе стал показ по центральному телевидению в 1979 году американского телесериала «Холокост» и последовавшие за показом публичные дебаты. До этого момента, несмотря на судебные разбирательства – сначала над Адольфом Эйхманном в Иерусалиме в 1961 году, затем над руководителями и охранниками лагеря смерти Аушвиц в ходе Франкфуртского процесса в 1963–65 годах, – несмотря на протесты студентов против «преступного поколения» в конце 1960-х, тема нацизма оставалась уделом интеллектуальных и отдельных гражданских групп, все еще не была социально значимой.

На самом же деле, рост интереса к прошлому, достигнувший апогея в 1980-е годы и уже не утихавший до наших дней, был постепенным. Изначально «проработка прошлого» (используя терминологию Теодора Адорно) действительно была уделом преимущественно немецких интеллектуалов, ставших первооткрывателями самокритичной, рефлексивной идентичности. К концу 1960-х эта траектория памяти существенно расширилась благодаря студенческому движению, а в 1970-е база её поддержки разрослась в связи с появлением массовых социальных движений. В последующий период 1970-х – 1980-х годов, отмеченный массовой популярностью «истории повседневности», уже не только интеллектуалы и близкие к ним груп-

пы, но и более широкие слои населения, стали вовлекаться в процесс осмысления и переосмысления национального прошлого.

Высокий интерес к повседневной истории как внутри, так и за пределами академических кругов, произвел волну публикаций, открывающих правду о жизни в Третьем рейхе поколениям немцев, не имевших личных воспоминаний об этом историческом периоде. Таким образом, «история повседневности» значительно расширила социальную вовлеченность в процесс критического осмысления нацистского прошлого, убедила многих граждан и, прежде всего, молодых людей в необходимости помнить о жертвах нацизма. С тех пор немецкая молодежь активно участвует в ежегодных исторических школьных конкурсах, проводимых в ФРГ с 1973 года, а также в образовательных проектах, организованных мемориальными центрами на территориях бывших концлагерей³.

Особое символическое значение тема ответственности за случившееся приобрела после того, как в декабре 1970 года на первых полосах немецких и мировых газет появилась фотография первого социал-демократического канцлера Вилли Брандта, склонившего колени перед памятником героям Варшавского гетто. Образ коленопреклоненного канцлера стал в ФРГ (и за её пределами) символом признания коллективной ответственности за совершенные преступления, а также политики примирения, основанной на моральных принципах.

Постепенный рост интереса к нацистскому прошлому отразился и на структуре западно-германского телевидения. Так, в период с 1963 по 1993 год на втором канале немецкого телевидения ZDF (*Zweites Deutsches Fernsehen*) вышло 1217 программ общей сложностью 87 000 минут, посвященных нацистскому прошлому и его послевоенному наследию. Решению образовательных задач, информированию телезрителей о проблемах национального прошлого на канале систематически уделялось около 1,5% эфирного времени. Ежегодно ZDF производил 30–50 тематических программ со средней продолжительностью 71 минута (статистически телезрители могли смотреть одну программу каждые девять дней). Так как администрация телеканала никогда не формулировала какие-либо руководящие принципы относительно количества исторических программ в целом и программ,

¹ Zinnecker, Jürgen. Political Culture of West German Youth, 1954–1984. Universität-Gesamthochschule-Siegen, Forschungsschwerpunkt Historische Mobilität und Normenwandel in Siegen, 1987. P. 101.

² Holocaust Education in Germany: An Interview with Lars Rensmann. 19 May, 2005. <<http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/germans/germans/education.html>>

³ Об этом см.: Борозняк А.И. Как немецкие школьники участвуют в постижении нацистского прошлого // Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург, 2004. С. 174–191.

посвященных теме нацизма, в частности, цифры свидетельствуют о постоянной приверженности редакции телеканала к проекту «проработки прошлого»¹.

Особенно сильное влияние на структуру и содержание исторических телевизионных программ оказал рост интереса к повседневной истории. Хотя немецкое общественное телевидение всегда так или иначе обращалось к теме нацизма, обычно эта тема презентовалась в отстраненной, «объективной» и несколько тяжеловесной манере. Начиная же с конца 1970-х годов, новое поколение телевизионных продюсеров и менеджеров стало покупать и производить большое количество программ, представляющих историю Третьего рейха с точки зрения рядового гражданина. Визуально привлекательные и облеченные в популярные медиаформаты, такие как документальные драмы и телефильмы, эти программы пользовались зрительским успехом².

Показ в 1979 году американского телесериала «Холокост» и последовавшие за ним исторические общественные дискуссии 1980-х и 1990-х годов, такие как споры вокруг посещения в 1985 году президентом Рональдом Рейганом военного битбургского кладбища, содержащего могилы членов Ваффен СС; так называемый «спор историков» середины 1980-х; скандал вокруг отставки в 1988 году президента Бундестага Филиппа Дженнингера из-за ложно истолкованной речи в 50-летнюю годовщину «Хрустальной ночи»; споры вокруг выставки о преступлениях Вермахта середины 1990-х, а также дискуссии вокруг многочисленных мемориальных, выставочных, кино- и телепроектов о нацистском прошлом, имели большой общественный резонанс. Пожалуй, наиболее значимым символическим событием этого периода стала речь федерального президента Рихарда фон Вайцеккера, произнесенная им в день 40-летия окончания войны 8 мая 1985 года. Вобравшая в себя в публицистически-философской форме многолетний опыт историографии ФРГ, речь Вайцеккера была попыткой изложить программу антифашистского, антитоталитарного консенсуса для западногерманского общества («Мужество постижения правды», — писала о содержании выступления президента газета *Süddeutsche Zeitung*)³.

¹ Kansteiner, Wulf. In Pursuit of German Memory: History, Television, and Politics after Auschwitz. Athens, Ohio: Ohio UP, 2006. p. 136.

² Там же, p. 65–67.

³ Weizsäcker, Richard von. Speech in the Bundestag during the Ceremony Commemorating the 40th Anniversary of the End of the War in Europe and of National Socialist Tyranny, 8 May, 1985. <<http://www.mediaculture->

В период после 1980-х годов были созданы основные культурные институты и мемориалы, репрезентирующие память о преступлениях Третьего рейха. Именно в эти годы появились десятки «мест памяти» в Берлине и его окрестностях: Мемориал памяти убитых евреев Европы (*Denkmal für die ermordeten Juden Europas*), информационно-выставочный документационный центр «Топография террора» на Нидеркирхнер-штрассе (*Topographie des Terrors*), Еврейский музей на Линденштрассе (*Jüdisches Museum Berlin*), «Мемориал сожженным книгам» на Бебельплац (*Denkmal zur Erinnerung an die Bücherverbrennung*)⁴, главный мемориал Федеративной Республики Германия памяти жертв войны и тирании Нойе-Вахе (*Neue Wache - Zentrale Gedenkstätte der Bundesrepublik Deutschland für die Opfer von Krieg und Gewaltherrschaft*), Дом-музей Ванзейской конференции (*Haus der Wannsee-Konferenz*), таблички с гитлеровскими антиеврейскими законами и распоряжениями в Баварском квартале. В те же годы подобные центры, экспозиции, мемориалы стали появляться по всей стране.

Высокую степень рефлексии со временем стали отражать и национальные праздники и памятные даты: 27 января в день освобождения Аушвица в Германии отмечают День памяти жертв Холокоста; в начале марта проходит неделя братства немецкого и еврейского народов; 8 мая — традиционный день осмысления причин и последствий Второй мировой войны; в ноябре отмечается годовщина «Хрустальной ночи» (*Kristallnacht*) — крупного еврейского погрома, происшедшего в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года.

В контексте немецкого опыта важнее всего, пожалуй, то, что установка на «проработку прошлого» была постепенно интегрирована в систему школьного и университетского образования — в учебные планы и учебники, — то есть в основные институты культурной трансмиссии. Обсуждение проблем Холокоста и его

online.de/fileadmin/bibliothek/weizsaecker_speech_may85/weizsaecker_speech_may85.pdf

⁴ Созданный по проекту израильского архитектора Михи Ульманна (Micha Ullmann) и открытый 20 марта 1995 года Мемориал сожженным книгам (*Denkmal zur Erinnerung an die Bücherverbrennung*) напоминает о событиях 10 мая 1933 года, когда студенты сжигали книги еврейских, коммунистических, либеральных и социально-критических авторов. Под стеклом вниз уходят пустые белые стеллажи, предназначенные для 20 000 книг. На табличке рядом с памятником надпись: «На этой площади 10 мая 1933 года студенты-нацисты жгли книги», и там же приведена цитата из трагедии Генриха Гейне «Альманзор» (1820): «Это была лишь прелюдия, там, где сжигают книги, впоследствии сжигают и людей».

последствий вплетено в школьное расписание, является важным содержательным аспектом не только уроков истории, но и уроков литературы, граждановедения, этики и других предметов. Немецкие учебники подробно описывают преступления Третьего рейха, представляя негативную оценку нацистской истории как периода систематического насилия и разрушения. Школьники и учителя составляют самую многочисленную группу посетителей бывших концентрационных лагерей¹.

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что основными факторами изменений общественно-политической обстановки в ФРГ стало постепенное расширение публичной сферы и появление альтернативных версий памяти, интеллектуальный вызов официальной версии памяти, выдвигание новых ценностей силами интеллектуалов и гражданского общества. В результате этих процессов изменилась вся западногерманская «программа культуры», на первый план вышли новые общественно-значимые символы и ценности, которые впоследствии были интегрированы и оказались отраженными в культурных институтах: памятниках, музеях, памятных датах, литературе и театре, структуре и содержании теле- и радиовещания, и главное – в образовательных институтах.

В послевоенной Западной Германии в течение нескольких десятилетий имел место сложный, многоплановый процесс формирования общественного консенсуса относительно основных институтов и стратегий общественно-политического развития в результате длительных и зачастую ожесточенных публичных дискуссий о значении немецкого прошлого для настоящего и будущего Федеративной Республики. В результате этой работы память о на-

цистском тоталитарном режиме, о Холокосте оказалась не просто включенной, она постепенно перемещалась в центр западногерманской идентификации, став в конечном итоге доминирующим звеном всей конструкции коллективной исторической памяти². Как сформулировал один из наблюдателей, «парадокс в том, что нацистские преступления, редко присутствовавшие в широком публичном дискурсе в ранний послевоенный период, с течением времени становились все более значимыми, видимыми и настолько актуальными, что не будет преувеличением сказать: осмысление нацистского прошлого составило основной интеллектуальный и духовный вклад Федеративной Республики Германия в мировую культуру, стало источником её идентичности»³.

Как показывает западногерманский послевоенный опыт, наличие действенной, функциональной публичной сферы позволяет официальной памяти при всей присущей ей устойчивости реагировать на меняющиеся общественные оценки и запросы. В подобных условиях коллективная память оказывается способной к изменениям и трансформации. Источниками же изменений служат альтернативные версии памяти о прошлом, бросающие вызов официальной версии памяти в публичной сфере.

Хотя послевоенный западногерманский дискурс об исторической памяти был (и во многом до сих пор остается) крайне поляризованным, именно эта поляризация и вызванная ею борьба за память стала, как представляется, продуктивной основой для изменения политической культуры в послевоенной ФРГ. Борьба представителей различных поколений и разных групп интеллектуальных элит за обновление национальной культуры, с одной стороны, и борьба за её сохранение, защиту, нормализацию и дестигматизацию, с другой, оказались весьма продуктивной базой как для трансформации национальной политической культуры, так и для формирования стабильной политической системы демократии. Это формирование стало, по точному определению интеллектуального историка Дирка Моузеса, именно «дискурсивным достижением»⁴. В то же время, очевидно,

¹ В качестве иллюстрации подобного подхода стоит процитировать выдержку из директивы Министерства образования земли Северная Рейн-Вестфалия под названием «От антигуманных идей к истреблению человеческой жизни». В директиве отмечается, что «обучение, во-первых, должно стремиться предотвратить забвение прошлого и критически оценивать тенденции к «нормализации» немецкого исторического сознания. Во-вторых, обучение должно быть спланировано так, чтобы школьники осознавали важность памяти о прошлом в настоящем и будущем. Поэтому преподавание этих тем должно затрагивать вопросы, связанные с ответственностью будущих поколений и современные проявления неонацистских и неонантисемитских настроений. И, в-третьих, обучение должно передавать точку зрения жертв нацизма и давать школьникам возможность изучения повседневной истории периода национал-социализма ярким, наглядным образом». Цит. по: Wehrmann, Gunter. Holocaust Education in Germany. The German Information Center. Trans. by Laren Dentone, Kelly Grace, Devan Peel, 1998.

² Confino, Alon. Remembering the Second World War, 1945–1965: Narratives of Victimhood and Genocide // Cultural Analysis, 2005, Vol. 4. P. 50, 58.

³ Brockmann, Stephen. German Culture at the 'Zero Hour.' In: Trommler, Frank; Brockmann, Stephen (eds.) Revisiting Zero Hour 1945: The Emergence of Postwar German Culture. Humanities Program Report 1. Washington, D.C.: American Institute for Contemporary German Studies, 1996. P. 24–25.

⁴ Moses, Dirk A. Указ. соч., с. 10, 50.

что в ситуации отсутствия пространств публичности, позволяющих вырабатывать и транслировать общественные смыслы, а также групп, способных эти смыслы создавать и поддерживать, блокируется возможность закрепления индивидуальной и коллективной памяти, отличной от официальной. Так, монопольным держателем и конструктором памяти в России на протяжении многих лет (в силу различных культурно-исторических причин, а, прежде всего, в силу слабости, неразвитости общества) выступало и продолжает выступать государство. Наиболее ярко официальная память о прошлом в постсоветской России выражается в поддержании памяти о «Великой Отечественной войне» как главном опорном символе исторического национального прошлого¹.

Постоянное присутствие нацистского прошлого в общественной сфере современной ФРГ

свидетельствует о превращении «проработки прошлого» в непреходящую общественную норму, а регулярное публичное признание национальной вины руководством страны говорит о высоком уровне и силе антифашистского консенсуса в стране. Нередко звучащая в современной Германии общественная критика в отношении того, что теме нацистского прошлого уделяется чрезмерное внимание, также свидетельствует о том, что эта травматическая страница немецкой истории отнюдь не закрыта. Хотя вопрос о будущем исторического дискурса о периоде национал-социализма остается открытым, нет сомнений в том, что немецкое общество и впредь будет активно вовлечено в критическую работу по осмыслению национального прошлого и, следовательно, в выработку социальной идентичности на перспективу.

¹ См. об этом подробно в серии работ социологов Левада-Центра: Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // *Неприкосновенный запас*, 2005, № 40; Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // *Отечественные записки*, 2008, № 4 (43); «Кровавая» война и «великая» победа. О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000-х годов // *Отечественные записки*, 2004, № 5; Неразменный образ. Что отражают представления о войне в массовом сознании россиян // *Политический журнал*, 2005, № 16 (67); Бремя победы. О политическом употреблении символов // *Критическая масса*, 2005, № 2; Война: свидетельство и ответственность // *Цена победы: Российские школьники о войне*. М.: Мемориал, Новое издательство, 2005.

Любовь БОРУСЯК

Образование в России: возможность реформ и воздействие коррупции

По дискуссиям на Интернет-форумах

Любой социальный институт — своеобразное зеркало, в котором отражаются проблемы общества. Понятно, что одним из важнейших институтов, с которым на протяжении значительной части своей жизни связаны люди, является система образования. Хотя образование, причем не только среднее, но для основной части населения теперь и высшее, за последние годы превратилось в практически обязательную норму, рефлексия над ситуацией в этой сфере, возможностями ее реформирования наиболее типична все же для людей, которых можно с некоторой долей условности отнести к среднему классу. Именно они хотят дать детям не просто образование, но образование качественное, обеспечивающее максимальные стартовые возможности. Это должны быть не соседняя школа, а школа, которую принято считать сильной, нередко их называют престижными или брендовыми, и не просто вуз, а вуз, занимающий высокую позицию в российских рейтингах.

Основная часть этих людей имеет высшее образование, причем нередко они окончили достаточно престижные вузы, обладают неплохим уровнем достатка, что позволяет им при необходимости и при желании вкладывать какие-то средства в образование детей. При этом большинство из них проживает в Москве или других крупных городах, где есть разнообразие предложений, то есть возможность выбрать для ребенка не просто школу или вуз, но те, которые представляются им хорошими. По данным Левада-Центра, доля населения, ориентированного на получение именно качественного образования в России, невелика — около 6%¹. Понятно, что в Москве, Санкт-Петербурге и других крупнейших городах, где уровень жизни и уровень образования жителей существенно превышает среднероссийский, таких людей существенно больше. А среди людей, имеющих высшее образование и неплохие доходы, такая

ориентация, по-видимому, максимальна². Это своего рода авангардная, «продвинутая» группа, с повышенными запросами и высоким потенциалом для их реализации.

При этом возможность достижения поставленной цели — дать детям качественное образование, практически всегда воспринимается как проблема той или иной степени остроты. Ее решение воспринимается как требующее специальных заключений (выбор школы), действий (как в эту школу попасть), а иногда и вложения определенных финансовых средств. В сознании большинства людей, относящихся к данной группе, качественное образование в России не обеспечивается само собой, оно всегда требует особых усилий, преодоления немалых, а иногда огромных трудностей, достижения. Эта важная цель сегодня, в отличие от советского времени, когда, как полагают люди, все школы были примерно равного и высокого уровня, никогда не достигается легко, на ее пути человека встречают очень существенные преграды и препятствия. Главное из этих препятствий — чтобы дать детям хорошее образование, обязательно приходится вступать во взаимодействие с тем, что воспринимается как государство, власти. А это значит — входить в ту сферу, которая **priori расценивается как глубоко коррумпированная, несправедливая, мешающая достичь желаемой цели.** Это взаимодействие воспринимается наиболее болезненно и проблематично в переломные моменты: поступление ребенка в школу и ее окончание, поступление в вуз, но нередко проблематичными бывают не только относительно короткие периоды времени, но и гораздо более длительные, связанные с проблемами, возникающими в процессе обучения. В частности, интерес к данной проблематике резко возрастает, как только в СМИ и на уровне слухов появляются сообщения о готовящихся

¹ Подробнее об этом см.: Дубин Б., Зоркая Н. Система российского образования в оценках населения: проблема уровня и качества // Вестник общественного мнения, 2009, №3 (101), с.44-70.

² Если не считать совсем уж малочисленные группы действительно богатых людей, многие из которых предпочитают для своих детей образование за границей. Представителями среднего класса школьное образование вне пределов России практически не рассматривается.

реформах в сфере образования. Иными словами, наиболее проблематичны именно моменты институционального перехода, пересечения «границ» социализирующих институтов (превращение ребенка из дошкольника в школьника, а потом школьника в студента) или же перелома в самой системе образования — ее перехода из одного состояния в некое другое. В первом случае человек сталкивается с конкретной школой или вузом, конкретными учителями, но возникающие за этим проблемы представители среднего класса связывают с образованием в целом как социальным институтом. Во втором случае происходит коммуникация собственно с государством, которое, пытаясь реформировать образование, посылает населению некие сообщения, требующие расшифровки.

Отметим сразу, что в подавляющем большинстве случаев данная проблематика является в России преимущественно женской, материнской, как и воспитание детей в целом. Это относится и к наиболее «продвинутым» группам населения. В этом смысле общество у нас пока еще достаточно консервативно. Судя по дискуссиям в Интернете, отцы, даже достаточно образованные и успешные, пока принимают слабое участие в выборе и осуществлении стратегий по выбору учебных заведений для своих детей, несмотря на то, что, как принято считать в данной среде, этот выбор жизненно важен для будущего детей.¹

В данной статье мы, опираясь на дискуссии на Интернет-форумах по родительско-детской и образовательной проблематике, попытаемся показать, какие сегодня сложились формы взаимодействия представителей среднего класса с другими субъектами образовательного процесса — государством и школой. Выяснить, что при этом преобладает: адаптация к заданным правилам игры (и кем заданным?) либо попытки бороться с системой, оцениваемой, как несправедливая и коррумпированная.

Реформы, конечно, нужны, но хорошего от них ждать не приходится. Население испытывает неудовлетворенность качеством образования в России. 41% взрослых жителей страны полагает, что сейчас в школе учат хуже, чем во времена их детства, против 33% в 2000 году.²

¹ Как правило, отцов отправляют в школу договариваться об условиях, в соответствии с которыми ребенка все-таки примут в выбранную школу. Многие женщины уверены, что решение деловых вопросов, включая взятки при поступлении, мужчинам удастся лучше. Во многом потому, что в школе им чаще приходится разговаривать с женщинами, которые с ними становятся более сговорчивыми.

² Общественное мнение — 2010. Ежегодник. М., 2010, с. 25.

18% россиян ставит проблемы образования на два первых места среди самых главных проблем страны. Для представителей авангардной группы, мнения которых здесь анализируются, эта проблема еще более важна. Хотя бы потому, что для них менее остры другие социальные проблемы, в частности, бедность, которую отметил 41% взрослых россиян³. Казалось бы, в такой ситуации люди, стремящиеся во что бы то ни стало дать своим детям хорошее образование, должны проявлять заинтересованность в реформах в области образования.

О своей заинтересованности в таких реформах заявляют все связанные с этим институтом субъекты. Декларируют свою неудовлетворенность уровнем школьного образования представители государства, заявляя, что современная средняя и высшая школа далеко не в полной мере обеспечивают стране возможности для экономической модернизации. Ситуацией в школе не довольны учителя, зарплаты которых зачастую позволяют не столько жить, сколько выживать. Не слишком довольны школой и родители, особенно представители «продвинутых» групп. Среди представителей этих групп общим местом является представление о том, что качество образования в большинстве школ, за исключением тех, которые считаются престижными, брендовыми и очень немногим доступными, неуклонно снижается.

И эти представления имеют под собой реальные основания: результаты многолетних исследований 15-летних подростков в рамках программы PISA показывают, что российская массовая школа не дает ее выпускникам хорошей подготовки и конкурентных преимуществ. Так, по данным исследования PISA-2009 средний балл российских подростков по читательской грамотности составил 459 по 1000-балльной шкале (41-43 место среди 65 стран-участниц); по математической грамотности — 468 баллов (38-40 место); по естественнонаучной грамотности — 478 баллов (37-40 место)⁴. По всем этим показателям Россия оказалась в нижней части таблицы, а результаты российских школьников слабее среднего уровня по всем странам, участницам исследования. Неблагополучие в российском среднем образовании фиксируется каждым из таких исследований, которые проводятся один раз в четыре года, и никаких сдвигов к лучшему не намечается.

³ Там же, с. 98.

⁴ http://www.centeroko.ru/pisa09/pisa09_pub.htm

Образование плохое, найти хорошую школу очень трудно, нужно что-то менять. Казалось бы, известия о реформах школы должны вызывать у людей позитивные ожидания — наконец-то что-то сдвинется с мертвой точки. Но получается строго наоборот: как только люди узнают из СМИ, Интернета или друг от друга о том, что государство собирается как-то реформировать образование, это всегда вызывает резко негативную реакцию. Моментально появляются многочисленные резко критические публикации в СМИ, а Интернет-форумы буквально взрываются дискуссиями, где люди демонстрируют не надежды, а панику и отчаяние. Не было еще ни одного случая, чтобы реакция была какой-то другой. При этом содержание предстоящих реформ не имеет никакого значения — возмущение, страх, негодование возникают сразу после известия, что начнутся изменения, и утихают только после того, как становится ясно, что реформ не будет или они начнутся в отдаленном будущем. При этом представители Интернет-аудитории, которые очень рационально подходят к выбору профиля школы, программы обучения, конкретных учителей для своих детей, проявляют удивительную нерациональность, как только речь заходит о реформах образования. Нерациональность в том смысле, что не пытаются разобраться, какие меры предполагается предпринять. Практически никто из них не знакомится с официальными документами, главным источником «информации» всегда становятся слухи или газетные публикации. Люди общаются друг с другом в Интернете, высказывают свои предположения, но не о том, что написано в официальных документах или выступлениях чиновников сферы образования, а о том, что и для чего будут менять «на самом деле». То есть идет обсуждение собственных представлений о том, чего **может** добиваться государство, собираясь что-то изменить в школьном образовании. Идея о том, что декларируемые и «настоящие» цели реформ могут совпадать, даже не проблематизируется, не предполагается. В массовом сознании, особенно у образованных представителей среднего класса, это «на самом деле» означает, что открытые декларации обязательно противоречат неким скрытым и опасным целям. А поскольку всем очевидно, что скрывается что-то совершенно противоположное написанному, то читать документы нет никакого смысла — там будет «верхний уровень», но только не суть. Существует консенсус о том, что ничего хорошего наше образование (как и любой другой ин-

ститут) не ждет, а любые изменения приведут только к его ухудшению. Люди мечтают о стабильности: сейчас плохо, но привычно, а станет только хуже. Не случайно, что «хитом сезона» 2011 года в Интернет-дискуссиях стало выражение «сидеть на попе ровно»¹, не двигаться, пережидать. Именно «сидения ровно» ждут и от института образования в целом. Если есть стабильность, устойчивость, значительно проще приспособиться к ситуации, найти приемлемые выходы. Если что-то начинает меняться, то адаптация значительно усложняется: привычные схемы перестают работать, а на выработку новых требуется время. А если это касается образования, то времени всегда не хватает: нельзя ждать в ситуации, когда ребенку надо поступать в школу, готовиться или поступать в вуз, ресурса времени просто нет.

Понятно, что любые социально-экономические или политические реформы могут быть реализованы только в том случае, если существует массовое доверие к тем государственным институтам, которые их проводят, иначе у населения не возникает ощущения, что они могут принести пользу им лично и их семье. Если же уровень недоверия очень высок, то любые реформы вызывают изначальное сопротивление, и это сразу проявляется на уровне общественного дискурса, выразительно проявляется в Интернет-дискуссиях.

Формы сопротивления могут быть разными, причем как активными, так и пассивными, адаптивными. Если речь идет о «общем зле», то есть декларациях о начале реформ образования, то активисты могут подписывать письма протеста против «антинародных реформ в области образования», писать первым лицам государства, в Общественную палату. Я думаю, что в особых случаях, если государство будет настаивать на проведении особо непопулярных реформ, это может быть и участие в митингах. Но чаще всего люди снижают свои страхи, убирают излишнее напряжение с помощью дискуссий в Интернете. Когда люди участвуют в том, что называют «трындежем» или «флудом», многократно высказывают свое возмущение в среде единомышленников, это позволяет им выпустить пар, совместными усилиями начать выработку

¹ Одна из наиболее известных защитниц Химкинского леса до начала своей общественной деятельности долгое время была участницей одного из Интернет-форумов в качестве жены и мамы. Ее там часто вспоминают, как только в СМИ появляются сообщения об очередной акции. К этой ее деятельности относятся негативно, и очень часто появляются высказывания такого рода: «И что ей не сидится на попе ровно, своих дел, что ли, мало».

способов адаптации к реформе (какой они ее себе представляют), противодействовать ей. Например, когда стало известно, что поступать в вузы можно не только по результатам ЕГЭ, но и олимпиад, начали искать пути с высокой вероятностью выигрывать эти олимпиады: где найти репетиторов, какие олимпиады попроще, где можно заплатить за победу, а где нельзя. Если вне конкурса зачисляются льготники: как добиться этих льгот, к каким врачам пойти и проч. Как только объявили, что при поступлении будет учитываться портфолио ребенка, выразив свое возмущение, начали искать пути, как «добыть» это портфолио. То есть на первом этапе люди декларируют свое «гражданское» возмущение, затем, как правило, ставят и общими усилиями начинают решать тактические задачи по адаптации к ухудшающейся ситуации.

Формой пассивного сопротивления является также то, что люди ищут, а потому находят самые ужасные тайные мотивы, скрывающиеся за декларируемыми реформами, рассматривают их с разных сторон, находя при этом все новые «доказательства» своей правоты. А уверившись в своей правоте, они потом рассматривают в качестве реально предстоящих реформ реализацию тех мотивов государства, которые они сами и сконструировали. При этом рефлексия по осям «возможно — невозможно», «правдоподобно — неправдоподобно» принципиально не проводится. Общепринятой является позиция: «В нашей стране возможно все! Они на все способны».

Обобщенные «они» постоянно фигурируют в такого рода дискуссиях. Эти «они» хотят окончательно разрушить (дорушить) образование для достижения своих тайных замыслов. Поскольку эти «они» практически не персонализированы, за исключением имени министра образования, то и бороться с «ними» открыто практически невозможно. Значит, надо стараться переиграть «их», причем играть по «их» же правилам. Если им можно быть коррупционерами, обманывать, воровать, то это снимает всякую персональную ответственность с «нас», противостоящих «им» субъектам этой игры. Как работает этот механизм, покажем на двух примерах: дискуссий о новом стандарте образования, проект которого очень активно обсуждался в Интернете, и о том, что вся школа скоро станет платной.

Если проблемы носят более локальный характер, то есть связаны со взаимодействием «семья — конкретная школа», то и здесь приняты два пути их решения, тоже активный и пас-

сивный. В первом случае люди обращаются к законам (имеет ли право школа, учитель совершать такие действия) и идут на открытый конфликт, обеспечивая свои «законные права»: пишут письма в вышестоящие инстанции, вплоть до президента; с законодательством в руках идут к директору школы, в райотделы образования, зная, что добиться «правды» можно. Но при этом они понимают, что может пострадать ребенок, которого начнут «гнобить», но не так открыто. Поэтому обычно ищут способы договориться полюбовно, то есть не предпринимать каких-то активных действий: часто это делается с помощью взяток и подарков. Пусть справедливость не восторжествует, зато цель будет достигнута: ребенка примут в школу, перестанут ставить двойки, ругать за плохое поведение.

Школьная реформа: родители против государства. Весной-летом 2010 года, еще до того как новый стандарт для старших классов оказался в центре общественных дискуссий, появились слухи о том, что в ближайшие годы средняя школа станет платной. На Интернет-форумах появились сотни и тысячи панических сообщений, и хотя не назывались конкретные источники информации, эти слухи сразу вызвали полное доверие. Сами грядущие перемены представлялись по-разному: то ли вся школа станет платной (называлась ежемесячная сумма от 6000 рублей), то ли платить придется за отдельные, «необязательные» предметы, вроде иностранных языков и мировой художественной культуры, то ли четыре (три, два) урока в день бесплатные, а остальные уже за деньги. Сразу после каждого такого сообщения в прессе начинались жаркие обсуждения в Интернете, причем практически никогда не ставилась под сомнения сама возможность того, что государство пойдет на такие реформы. Практически никто не вспоминал о законе, гарантирующем бесплатное среднее образование, как о нерелевантной теме. Ниже будет показано, что по мнению участников дискуссий, в стране, которой руководят юристы, противозаконность тем более не имеет никакого значения. Юристы на то и существуют, чтобы уметь обходить законы. Отмене бесплатного среднего образования люди верили сразу, с полной готовностью, и эта готовность четко свидетельствовала о том, что они уверены — от государства ждать хорошего нельзя, оно стремится что-то отнять, чего-то лишит людей. Всё, что делает это обобщенное государство, оно делает для себя, из каких-то корыстных соображений и во вред людям.

Причем не всем людям в равной мере, а обобщенным «нам», то есть образованным и успешным, которые хотят, чтобы их дети стали еще более образованными и успешными¹. Такого рода стереотипные реакции на все реформы, идущие от государства, сложились достаточно давно, и они все время усиливаются. Во время дискуссий на форумах представительницы среднего класса не считают необходимым как-то мотивировать свои негативные ожидания, поскольку они очевидны для всех остальных. Обсуждается лишь то, как именно они будут обмануты на этот раз, а это предоставляет широкое поле для предположений, хотя в большинстве случаев эти реакции вполне стереотипны.

В ситуации тотального недоверия практически любые реформы, даже содержащие в себе здоровое зерно, будут непопулярными². Именно так происходит и со школьной реформой. Сначала появились панические слухи, что школьное образование полностью или почти полностью станет платным. Эти слухи с готовностью начали поддерживать и в школах. Десятки родителей с возмущением рассказывали о собраниях в школах, где им объявляли, что переход на платность произойдет в самое ближайшее время и что родители должны готовиться платить за обучение в государственных школах. Моментально в Интернете начинаются жаркие дискуссии: что делать, если у тебя нет денег, чтобы платить за учебу. Дети не будут учиться вообще? А если финансироваться будут только четыре урока, то куда после них денутся дети? Уйдут домой и по дороге попадут под машину? Будут слоняться по школе, где их найдут наркочилеры, а потом эти наркотики придут и к остальным? Единственная тема, которая не нашла отражения, — это что школьное образование по закону является бесплатным, и такое реформирование невозможно.

Во многом эти споры носили теоретический характер, не затрагивая их собственной семьи. Оплатить школьное образование детей в размере шести тысяч рублей в месяц (такая цифра называлась в СМИ) большинство из участниц обсуждения, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге, в состоянии. Тем не менее, накал,

¹ К тому же, многие родители и так постоянно сталкивались с тем, что называлось школьными поборами, и потому решили, что раньше деньги шли школе, учителям, а теперь их решило узаконить и забрать себе государство.

² Даже если бы была сделана декларация о полном возврате к хорошей и справедливой, идеальной для массового сознания советской школе, позитивной реакции не наступило бы — этому бы тоже не поверили.

степень возмущения были необычайно высоки — государственная школа, хотя бы номинально, должна быть бесплатной. Если законность, а потому принципиальная возможность такой меры не обсуждались, («в этой стране все возможно»), то дискуссии сосредоточивались в трех основных направлениях. 1) Раз так, то зачем мы платим налоги, имеем ли право уйти в тень и перестать их платить? 2) Страна бедная, большинство семей не сможет оплатить учебу, потому огромное число детей останется без образования вообще, станут беспризорниками, а потом преступниками. Жить станет еще опаснее, надо бежать из этой страны. 3) Усиливается социальная несправедливость — и так бедные, но талантливые, дети не могут поступить в вузы, теперь они лишатся последней надежды. Как это всегда бывает, одной из главных тем становится именно социальная (не)справедливость: богатые получают еще больше возможностей давать детям хорошее образование, а основная часть населения этой возможности окончательно лишится.

А затем, вполне логично возникал следующий вопрос: зачем это нужно государству? Ответ понятен буквально всем, и потому он констатировался, а не проблематизировался: чтобы из народа окончательно сделать быдло. Именно в этом видят основные устремления государства, а поскольку образование — это главный способ социализации, то здесь эту интенцию властей люди считывают (не важно, справедливо или нет), ищут и находят особенно четко. Люди пишут о том, что этот вектор дебилизации был задан ЕГЭ, а теперь он коснется всей школы. А нужно это властям для того, чтобы дети из не самых богатых семей после школы прямиком шли в армию, что школьная реформа делается по заказу Министерства обороны и проч. Вот типичные высказывания о школьной реформе из дискуссии на форуме: «Придурки вроде Фурсенко только такое и могут сделать. Им все равно. Ведь их дети не учатся в России и в простых школах»; «Все логично: своих деток в Гарвард за образованием, а здесь для них будут растить быдло, рабочую силу»³. Разных домыслов очень много, но все они базируются на одной, очень простой, но устойчивой мысли: любая школьная реформа нужна, чтобы сделать народ окончательно безграмотным, а потому политически пассивным. Образованный человек — субъект, необразованный — объект манипуляций.

Очень скоро появилось опровержение:

³ http://volcod.ru/forum/topic_6464 Здесь и далее высказывания участников дискуссии даются курсивом.

на Всероссийском педагогическом собрании В.В. Путин заявил, что среднее образование остается бесплатным. Реакция на это заявление — сомнения или недоверие: «Значит, точно введут платное :) Они всегда накануне введения непопулярного закона опровергают его введение :) А потом объясняют, что ах, ввели как-то скоро - даже сами не ожидали!»; «Это было бы очень неплохо... Но почему-то в хорошее в нашей стране верится хуже чем в плохое»; «Там не написано, В КАКОМ ОБЪЕМЕ предоставляется бесплатное образование. А когда у власти стоят юристы, сами понимаете...»; «Я не верю! И чем сильнее министр будет меня разубеждать, тем больше я буду искать подвох». Тем не менее, острота обсуждений на форумах стихла, но только на время.

Следующей темой для активнейших обсуждений становится появление информации о том, что готовится к принятию стандарт образования для старших классов. О том, что этот стандарт будет вскоре принят, узнают благодаря скандалу, о котором очень активно сообщали СМИ, ленты Интернет-новостей и т.д. Московский учитель литературы Сергей Волков знакомится с проектом стандарта и пишет высшим лицам государства открытое письмо, которое за пару дней подписывают десятки тысяч людей¹. В этом письме сообщается, что согласно новому стандарту в старшей школе остается четыре обязательных предмета (Россия в мире, ОБЖ, физкультура, индивидуальный проект), а остальные предметы становятся предметами по выбору, включая родной язык, литературу, математику и проч. Собственно, индивидуальный проект — это и есть предметы по выбору. И хотя согласно стандарту общее количество часов обучения остается прежним, не сокращается, именно к этим четырем предметам, два из которых не дают никаких знаний, а остальные непонятно, что собой представляют, и оказывается прикованным общественное мнение. Особое возмущение вызвало наличие в базовом стандарте такого предмета, как физкультура, который воспринимается как противовес знаниям. Если математика или русский язык нужны ребенку для успешной сдачи ЕГЭ и получения высшего образования, то физкультура готовит только к армии: «Плюс одна физ-ра, это минус другой предмет, ведь часы добавлять нельзя. Как Вы думаете какого предмета станет

¹ Такая активность «подписантов» никогда не проявлялась, если письмо касалось каких-то политических проблем. Но социальная проблематика, во-первых, безопаснее политической, а во-вторых, гораздо важнее, насущнее, касается конкретных людей.

меньше в неделю? Правильно думаете: математики или русского. Т.е физ-ра за счет грамотности. А теперь умножьте 4-5 часов русского в месяц, которого не будет на 9 мес учебы (sic!- Л.Б.). Правильно, примерно минимум 36 часов за год русского или математики наши дети не дополучат, зато вместо этого побегают и попрыгают. А потом куда? В армию»².

Не доверяя государству, люди не пытаются разобраться, что предлагает новый стандарт, у большинства складывается мнение, что эти четыре предмета остаются единственными, которые будет предлагать старшеклассникам российская школа. Естественно, что это вызывает возмущение и негодование. Идет массовое обсуждение статей в газетах, на которые даются ссылки на многочисленных форумах. Так, сотни людей ссылаются на статью под названием «Азбука для Буратино»: «Можно ли представить, что этот сказочный персонаж внедряет инновации и создает нанотехнологии? Ну, разве, все в той же сказке. Однако новый образовательный стандарт будет в реальности «выстреливать буратин», которые едва смогут читать и писать. Россия с такими «стандартами» опять станет «лапотной». Да она уже такой становится. Дальше будет только «веселее»³. Или статья «Образовательный стандарт: когда реальность страшнее мифов»⁴. «Об одичании»: «В классах, начиная с девятого, от нынешнего учебного дня уцелеет половина. Что будет во второй половине, толком неясно; «поисковые работы на полях боевой славы» и прочее «формирование ответственного патриота» значат только одно — что нормальных уроков не будет. Школьных дисциплин станет вдвое меньше, а обязательных вообще останется всего три: физкультура, основы безопасности жизнедеятельности (не ешьте мухоморов и проверяйте годность огнетушителей)⁵.

«Индивидуальный проект», то есть необходимость добрать предметы по выбору до такого же, как прежде, числа часов обучения, сразу же забывается, общественное мнение обращает

² Обращает на себя внимание, что представительницы среднего класса, ратующие за хорошее образование для своих детей и сами считающие себя образованными людьми, окончившими лучшую в мире советскую школу, делают очень большое количество грамматических и пунктуационных ошибок. Здесь и далее правка в текст цитат не вносила.

³ <http://gazeta.tver.ru/articles.php?id=7532>

⁴ <http://blogs.privet.ru/community/cenzura/101350842>

⁵ <http://expert.ru/expert/2010/50/ob-odichanii/> Отмечу, что особенно много перепечаток и обсуждений вызвала статья в «Комсомольской правде» под выразительным названием «Новые стандарты образования привели в ужас родителей и учителей».

внимание только на то, чего и ожидало: отупление, дебилизация, неграмотность. Разумеется, проект принят не был, стандарт спешно отодвигают до 2020 года. В стране нет политических сил, которые были бы готовы идти на столь непопулярные реформы.

Левада-Центр задает вопрос, в точности соответствующий массовым представлениям о новой стандарте, и получает ожидаемый ответ: «Как вы в целом относитесь к введению нового образовательного стандарта, по которому обязательными остаются только три предмета: физкультура, основы безопасности жизни, «Россия в мире», а все остальные будет изучаться по желанию», разумеется, показал непопулярность этого стандарта. Целиком или скорее положительно о нем отозвались 14% взрослых жителей России, а отрицательно — 77%¹. Чуть менее негативные результаты получил ВЦИОМ, в своем вопросе перенесший акцент с трех предметов на возможность выбора и сокращение общего количества предметов. Здесь вопрос звучал так: «Согласно проекту нового образовательного стандарта помимо обязательных для всех предметов старшеклассники и их родители смогут самостоятельно выбрать дисциплины, которые они хотели бы изучать, а общее количество предметов сократится практически вдвое. А как вы в целом относитесь к этой идее?»². Доля безусловно или в основном положительно отнесшихся к этой идее поднялась до 22%, а безусловно или скорее отрицательно — снизилась до 51%, хотя и здесь превысила половину. Разница в результатах обусловлена тем, что в первом случае акцент был сделан на пресловутых трех обязательных предметах, а во втором на снижении школьной нагрузки, на которую массово ссылаются родители³, и возможности выбора. Тем не менее, и во втором случае положительных ответов очень мало — менее четверти. Исследование «Левада-центра» дает представление о негативных ожиданиях населения, исследование ВЦИОМа о согласии или несогласии россиян предоставить старшеклассникам право выбора нужных предметов, то есть собственно отношение к идее нового стандарта. Как мы видим, и эта идея имеет мало сторонников. И это уже связано не с недовери-

ем к государству, а с представлениями о том, какой видится идеальная школа. В частности, это школа равная, одинаковая, без выбора, то есть советская школа, какой ее представляет массовое сознание.

Советское образование — лучшее в мире. Для массового сознания, в том числе и для людей, имеющих высшее образование, стремящихся дать наилучшее образование своим детям, характерно четкое представление о том, что в последние два десятилетия все школьные реформы делают наше образование хуже, все более удаляя его от тех принципов, на которых была построена советская школа — лучшая в мире. Как только кончился Советский Союз, исчезла и такая школа. Перестройка нанесла непоправимый вред образованию, а сегодняшнее государство продолжает начатый тогда процесс. Справедливость таких представлений практически не вызывает сомнений среди представителей всех групп, включая наиболее образованных и высокодоходных. Это подтверждают и обсуждения на различных Интернет-форумах, где представители среднего класса с ностальгией вспоминают советские времена, когда без всяких репетиторов любой выпускник школы якобы легко поступал в МГУ или другой престижный вуз⁴. Многие из них сами учились в постсоветское время, но и им это тоже кажется совершенно очевидным. Ностальгия по советской школе имеет самые разные проявления. Здесь и практически всеобщее представление, что тогда все школы давали примерно одинаковые и очень хорошие знания. Действительно, все постсоветское время идет усиление дифференциации уровня школ по качеству образования и по уровню подготовки детей, которые туда поступают. Вопрос о качестве знаний сложнее, хотя бы потому, что сейчас практически все дети оканчивают среднюю школу, а не уходят после 9 класса в профтехучилища. Программы же составлены так, что не все дети способны их усвоить.

Советская школа идеологически часто противопоставляется российской, как школа с другими целями. Вместо образования и воспитания, как это было раньше, теперь обычная, «простая», «дворовая» школа ориентирует детей на бездуховность, наживу, ослабление великой прежде страны. Вместо высокой по значимости цели — воспитание полноценного человека, она

¹ <http://www.levada.ru/press/2011022404.html>

² <http://www.levada.ru/press/2011022404.html>

³ Впрочем, на перегрузки школьников представители среднего класса ссылаются реже других групп, поскольку именно они ищут для своих детей сильные школы с более сложной программой обучения. Если они и сетуют на перегрузки, то за счет ненужных с их точки зрения, неосновных предметов — вроде ОБЖ, музыки и т.д.

⁴ При этом они не знают или не хотят думать о том, что в то время в вузы шла небольшая доля выпускников школ, а теперь практически все, не говоря уже о МГУ и других вузах такого уровня..

переходит в сферу низкого — становится частью рыночной системы, сферы услуг. «А цель у них очень даже понятна. Эту идею еще в 2007 году внятно транслировал нынешний министр образования Андрей Фурсенко: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя». А вот кому это надо, мне уже давно понятно. Очень много в России умных было. А в мире Россия нужна как сырьевой придаток с «обществом примитивных потребителей». И не подумайте, что я живу по принципу кругом враги»¹ или «Во всем виновата гос. политика, в которой главный приоритет — развитию малого бизнеса (с кого бизнес деньги собирает — с покупателя). Культуре, образованию вообще внимания не уделялось с начала «Перестройки». Если раньше ЛЮБАЯ школа была хорошая, ну да были СПЕЦ, туда-сюда, но любой районной можно было гордиться. А сейчас реально 80% школ — школы для дураков, поэтому родители из страха готовы на все, что бы туда не попасть. Хотя, возможно, оставшиеся 20% не лучше тех 80% — но у «страха глаза велики». Тем более, государство всячески поддерживает пробивные способности, дух предпринимательства — вот родители и пытаются его применить».

Ностальгия по советской школе проявляется и в том, что большинство представительниц среднего класса позитивно относится к возвращению формы в значительную часть школ. Одинаковая форма (желательно, конечно, красивая и удобная) является свидетельством социальной справедливости, равенства всех школьников, независимо от их материального положения. Как раз борьба против унификации, за свободу личности ребенка привела к отмене школьной формы. Теперь тренд прямо противоположный, школьная форма постепенно становится нормой, причем одобряемой большинством родителей. Одна из участниц форума, учительница и мама школьницы рассказывает, как в ее школе «проходили какие-то съемки», для чего детей нарядили в советскую школьную форму: «Вот стоят эти девочки, в этих платьицах, в этих фартучках нарядных, с бантами. Такие милые, такие отличницы. Мы все собрались, смотрим на них, и слезы сами собой льются. Все плакали, и учителя, и родители, все. Ведь тогда это правда была школа, а сейчас не знаем что». В советской школе все учились по

¹ Естественно, что министр этих слов не говорил, но цитата кочует из одного форума на другой, многочисленные ссылки на эту фразу я находила на разных Интернет-форумах.

одной программе, что тоже вызывает ностальгическое чувство: «У кого Петерсон, у кого Эльконин, у кого черти что. А потом в другую школу перейти нельзя, программы разные. У меня бабушка по Перышкину училась, и мама училась, и они то физику знали. А сейчас все выпендриваются, а таких учебников-то нету», «Я дочь военного, семь школ сменила. Приезжала и училась. А сын перешел в другую школу, и плачет. Неужели это кому-то надо? Ладно, если школа математическая, лицей, но у нас хорошая, обычная школа и такая фигня». Как мы помним, в начале 90-х как раз возможность выбора программ воспринималась образованной частью населения как преимущество, сейчас мнение кардинально изменилось. Во многом потому, что по мнению родителей разнообразие программ не ведет к повышению качества образования, если это не первая десятка наиболее престижных школ, а к появлению дополнительных проблем. В частности, проблематичной становится смена школы. Кроме того, возможность добавлять «лишние» предметы, приводит к тому, что дети перегружены, не усваивают не только усиленную программу, но и базовую, по «главным» предметам.

Интересно, что, с одной стороны, более половины взрослых россиян считают, что современные школьники перегружены, причем такое мнение становится все более распространенным, с другой, негативно воспринимается идея сокращения количества изучаемых в 10-11 классах предметов, возможность выбирать наиболее нужные для поступления в вуз, на любые предметы. На первый взгляд, здесь явное логическое противоречие (если дети перегружены, готовятся в вуз, то не все предметы им нужны в равной мере), но оно обычно не осознается. Да, ребенок устает, «лишние» предметы мешают ему сконцентрироваться на тех предметах, которые ему нужны для ЕГЭ. С другой стороны, еще со времен советской школы сохраняется установка, что человек должен разбираться во всех предметах, быть «всесторонне образованным», а потому социально полноценным. Одновременно многие родители жалуются, что девочка готовится в гуманитарный вуз, а ее «задолбали» химией, физикой и математикой. Казалось бы, набирай больше часов иностранного языка и истории за счет сокращения химии и физики. Но за признанием излишних нагрузок скрываются очень важные, неприкосновенные ценности, ценности культуры, чего не учитывает проект стандарта образования, где в обязательный список не включили ни одного «главного» предмета.

Поскольку обязательного выпускного ЕГЭ по русскому языку и алгебре отменять не предполагается, то отсутствие их в стандарте воспринимается как ожидаемая изначально попытка обмана: старшеклассники не выберут эти предметы для изучения, провалятся на ЕГЭ, и никуда не поступят. И тогда мальчикам прямая дорога в армию, что было с самого начала «ясно» участникам Интернет-форумов. В советской школе возможности выбора предметов не было, и все были в равных условиях. Возможность делать выбор самому несет в себе несомненную опасность, все дальше уводит школу от советского стандарта. И в этом тоже видели опасность реформы, которая, вызвала настолько резкую негативную реакцию, что даже ее разумные идеи уже не придут в российскую школу.

Коррупция: с волками жить... Большинство участниц Интернет-дискуссий хотели бы жить честно, не вступая в коррупционные отношения. Им бы хотелось выбрать для ребенка хорошую школу, а в ней профессиональную учительницу, записать его в эту школу без очередей, взятки и подготовительных курсов, и спокойно начать школьную жизнь. При этом они прекрасно понимают, что такой возможности, скорее всего, не представится и придется находить какие-то способы, чтобы этой цели добиться. В каждом районе есть несколько наиболее популярных у среднего класса школ (гимназий, центров образования), число мест в которых ограничено. Есть районы, в которых таких школ больше, в других их совсем мало. Но в любом случае желающих попасть в такие школы значительно больше, чем мест в них, а потому поступление становится конкурентным процессом. А раз есть конкуренция за места в школах, неизбежно есть выигравшие и есть проигравшие, не готовые мириться с проигрышем¹. Хорошая школа — достойное будущее для ребенка, каждый ребенок имеет право учиться в хорошей школе. В этом убеждены, в первую очередь, представители среднего класса. И они несомненно правы, как несомненно и то, что несоответствие запросов и возможностей их реализации неизбежно рождает корруптивную

¹ Очень часто во время обсуждений их участники забывают, что не хватает не школ вообще, а школ хороших, достойных, куда бы они хотели отдать своего ребенка. И тогда дискурс сводится к тому, что в советское время ребенка можно было «без головной боли» отдать в школу и детский сад, а сейчас поступление в школу не проще, а то и сложнее поступления в вуз: «Ведь известно же, сколько надо школ, а не строят. А деньги идут на распил».

ситуацию² как для родителей, так и для школ. Хотя список наиболее популярных школ постепенно меняется, но их число, если и возрастает, то очень медленно. А родителей, озабоченных будущим своих детей, становится все больше. Каждую весну, когда идет набор в школы, происходит огромное количество скандалов, которые выплескиваются в СМИ и на Интернет-форумы. Решить эту проблему можно только одним способом: сделать школьное образование более равным по качеству, причем не ослабить сильные школы, а усилить слабые. Но как этого добиться, никто не знает³, поэтому в течение ряда лет в Москве пытались решить эту проблему самым простым, но нереалистичным способом: регулируя способ набора. Брать или не брать детей из микрорайона, не относящегося к школе, разрешать ли какие-то вступительные испытания в спецшколы. Как только было принято решение для достижения равных возможностей отменить все вступительные тестирования детей, поступающих в первый класс, принимать в школу первых, подавших заявления, начались многонедельные круглосуточные дежурства у хороших школ. С полузабытой советской практикой очередей, с необходимостью отмечаться 2-3 раза в сутки, чтобы не оказаться вычеркнутыми из списка. Конечно, такая ситуация привела к новым скандалам, но не решила старых проблем. При таком способе набора, если он будет реализован честно, в классе будут дети с очень разным уровнем подготовки, что снизит качество образования, а дети окажутся в слишком разнородной среде. А это категорически не устраивает образованных родителей, поскольку именно усложненная программа, в такой ситуации не реализуемая, и эндогенность контингента являются одними из важнейших качеств «хорошей» школы. Несколько успокаивало только то, что этот принцип, несмотря на

² Интересно, что никаких коррупционных скандалов не бывает только при конкурсном наборе детей в старшие классы физико-математической направленности наиболее известных школ. Те школы, которые набирают в математические классы прямо с начальной школы, подвержены им в той же степени, как и все остальные.

³ Первая попытка нового правительства Москвы — повысить финансирование обычных школ, то есть довести уровень их финансирования до уровня специализированных школ, а не наоборот, то есть снизить надбавки для гимназий, лицеев и центров образования. Это здравая идея, поскольку обычная школа может стать более привлекательной для хороших педагогов. Другое дело, что хорошие преподаватели предпочитают работать с отобранными детьми, и обычная массовая школа для них менее привлекательна. К тому же, школа — это государственное учреждение, которое имеет очень мало возможностей для ротации кадров по собственному разумению. Так что если позитивный эффект и будет, то очень нескоро.

лишнюю нервозность, не может быть реализован. В этом не заинтересованы ни сами такие школы, стремящиеся отобрать хорошо подготовленных детей, ни родители, для которых выбор школы наиболее существенен.

Но если неправильно брать всех подряд, единственный выход — какой-то отбор, вступительные собеседования, экзамены, как это традиционно происходит в популярных школах, куда не могут взять всех желающих. Такой способ набора имеет сторонников, но еще больше противников. Некоторые представители среднего класса выступают за такие экзамены, поскольку их неизбежно проиграют слабо подготовленные дети малообразованных родителей, и это обеспечит однородный контингент в классе: *«Тогда хоть черных, всяких таджиков без русского языка вокруг моего сына не будет»*. Правильный контингент — это одно из главных преимуществ хорошей школы, ради него можно поступиться такой ценностью как социальное равенство во имя другой, более важной ценности — социальной справедливости. Она для таких родителей заключается в том, что вложение сил и средств в образование и развитие маленького ребенка, должно быть вознаграждено. То есть именно они имеют право на получение ребенком качественного образования. При этом и принцип отбора вызывает у многих из них протест и возмущение. Во-первых, родителям абсолютно ясно, что набор не может быть честным. В нашей коррумпированной стране возможность некоррумпированного отбора в конкурентной ситуации представляется просто невозможной. А второе обстоятельство — это представление о том, что школа обязана учить всех, как это было в советское время. А раз всех, то почему у моего ребенка должно быть меньше прав, чем у других, даже если он менее подготовлен. Кто-то должен проиграть, но только не я — это несправедливо. В конце концов, учить должна школа, а не родители. К тому же, и это очень важно, натасканный ребенок — не то же самое, что ребенок талантливый, а тесты успешно проходят именно натасканные дети¹. Все же для большинства родителей из среднего класса конкурсный отбор, даже несправедливый, нечестный, лучше, чем его отсутствие. И вот тут у части из них неизбежно возникает проблема: что делать, если ребенка не берут в желаемую

школу? Поискать другую или все-таки добиться зачисления именно в эту?

Конечно, есть школы, где набор действительно осуществляется честно, то есть строго по результатам экзаменов. Но абсолютное большинство родителей в принципе не верят, что такое возможно. Опыт показывает, что всегда можно «договориться», то есть заплатить за зачисление или оказать какую-то услугу школе или ее директору. Некоторые родители пишут обиженные посты на форумах, где сообщают, что раз в этой школе мы не нужны, то и она нам не нужна, пойдем в другую. Но гораздо большее число высказываний касается того, как, в какой форме и в каком размере «договориться» с директором. Как правило, этическая составляющая вступления в коррупционные отношения снимается тем, что судьба ребенка — дороже всего, а семейные ценности выше абстрактных этических. Да и какая этика может существовать при взаимодействии с «ними». Одни из участниц дискуссий объясняют это примерно так: *«Противно мне это, но в этой стране по-другому нельзя. С волками жить, по волчьи выть»*, то есть констатируют, что коррупционная система не позволяет выжить, если играть по другим правилам. Постоянно звучит рефрен: *«Рыба гниет с головы»*. Раз власти так устроили, то мы вынуждены к ней приспособливаться. Иными словами, существующая система снимает проблему индивидуального выбора и индивидуальной ответственности. Наиболее четко это сформулировали две участницы форума: *«Я ради принципа против счастья своего ребенка не пойду. Вот до чего они страну довели»; «Я ради своей дочки на все пойду, а кому это не нравится пусть уезжают»; «Ну вот мой старший сын учится в «коррупционной школе». Да, я платила взнос «на ремонт», таскала подарки учительнице и т.д. и т.п. И осенью я поведу младшего туда же и буду платить взнос. Потому что других вариантов в нашей деревне — нет. Да, я способствую коррупции и проявляю «гражданскую позицию». Только что мне даст моя позиция, если мой ребенок попадет учиться по прописке в школу типа спортзала?»; «Мои родители научили меня, что дети и семья важнее, чем Родина, коммунизм и счастье людей во всем мире. Плачу и если надо буду платить. Что в России, что в Америке все одинаково».*

Люди не испытывают никакого стеснения, когда рассказывают, как именно надо давать взятки, что при этом говорить, спрашивают совета, как это лучше сделать. Да, часто это им неприятно, но это необходимость, единствен-

¹ «Натасканность» — это то, чем объясняют многие ситуации, которые воспринимаются как проявление несправедливости: натасканные, а не способные дети поступают в хорошие школы, натасканные хорошо сдают ЕГЭ, натасканные удобны школе, потому что учителю не нужно напрягаться, чтобы их учить.

ный способ добиться нормальной жизни. А чем чаще такие способы применяются, тем больше они нормализуются. Огромное количество записей носят этически абсолютно непроблематизированный характер. Вот мама приемного ребенка советует другим приемным родителям не пытаться дать ребенку больше информации, чем он способен усвоить: *«Люди, пожалейте своих детей, не мучийте их, им трудно. А ЕГЭ мы всегда купим, если нужно»*. Противницы прививок, наличия которых требует школа, тоже ищут пути решения проблемы: *«Как достали эти прививки и манту в частности. А нарисовать кто может эту манту или купить в аптеке и сказать, чтоб сделали? Дайте справку, как поступить»*. Вот бесконечные записи о конфликтах с «училками» из-за плохого поведения детей, двоек, неделанных уроков: *«Ты чего, не знаешь, как решить вопрос? Марь Ивановне цветы, конфеты, подарочек какой. Тебе не надоело все это выслушивать? Ну, или иди к директору, пиши в департамент образования, если не лень. Я лично ленюсь, не герой»*; *«Оксан, я старшего учила в этой школе. Поэтому знаю, что если заведу с НИМИ войну – проиграю. Здесь надо идти другим путем – лести и подкупа. А что? Мне не стыдно в этом признаться. Зато дите спокойно и счастливо, а с меня не будет»*; *«Может учительница намекает, что нужно с ней дополнительно и платненько позаниматься, чтобы успешнее стала? Если ей такое предложить, то будет совсем другое отношение»*. Не мы создали такую систему, не нам ее и рушить, это ОНИ виноваты, что коррупционные способы решения проблем проще и эффективнее, чем борьба. Потому что бороться надо с системой в целом, вечной и нерушимой, а проблемы решать в конкретных обстоятельствах и с конкретными людьми. При этом локальные конфликты в принципе решаются, а общие проблемы остаются. Те, кто устроил ребенка в хорошую школу, чьи дети там хорошо учатся и не вызывают нареканий у учителей, не особенно задумываются о ситуации с образованием в целом. А вот многочисленные мелкие конфликты со школой часто ведут к тому, что их обобщают и распространяют на всю систему образования, на власти, которые создали ее такой, да еще хотят ее реформировать (в худшую сторону, естественно). И тогда представительницы среднего класса ощущают себя маленькими людьми перед большими ИМИ и пишут: *«Как же все задолбало!!!»*, а часто используют и более сильные синонимы слова «задолбал», разделяя буквы этого слова звездочками, что-

бы не замодерировали. А когда «задолбал» окончательно, начинают писать, что отсюда надо «валить».

Итак, локальные коррупционные ситуации, связанные с взаимодействием с конкретными школами или конкретными учителями, как правило, воспринимаются как руководство к действию в соответствии с существующими нормами: подарки, цветы, взятки для решения проблем ребенка – это нормально. Только если эти действия не дают адекватного результата, вложения не окупаются, это ведет к ощущению безысходности, непонимания правил игры. Реакцией на это сегодня часто становятся заявления о том, что из страны нужно уезжать. Другое дело, реформы образования, которые однозначно воспринимаются как прямая и несомненная угроза разрушения всех существующих правил игры, их подмена на тоже коррупционные, но еще более опасные. Они априорно кажутся разрушающими систему образования вообще, то есть переход к ситуации, когда хорошее образование ребенку будет вообще дать невозможно. Идеи реформ в том виде, как их понимает массовое сознание, вызывают у заинтересованных в качественном образовательном процессе родителей два типа реакций: либо открытый протест, ориентацию на борьбу, которая во многих случаях оказывается достаточной для того, чтобы от идеи реформ отказывались, либо желание уехать из страны – в большинстве случаев декларативное, но в некоторых вполне реальное.

Лучше жить без коррупции, с коррупцией надо бороться, хотя и до некоторых пределов – решать-то собственные проблемы надо. «Простой» человек не виноват, что вступает в коррупционные отношения. Не случайно, что когда студенты Физтеха были пойманы на том, что сдавали ЕГЭ за школьников, их не только простили и восстановили в вузе, но они не вызвали особого общественного возмущения. Их простили политики, представители общественных организаций, пресса, участники Интернет-дискуссий: поскольку рыба гниет с головы, то такая мелочь это беда, а не вина этих людей. Но студенты – это люди социально безответственные (их называли даже жертвами системы), а если в коррупционных отношениях обвиняют человека, наделенного властью, директора школы? За короткое время в СМИ появилось несколько сообщений о том, что за взятки арестованы директора московских школ. Казалось бы, это должно испугать других коррупционеров от образования, вызвать однозначно позитивную реакцию в обществе. Как отреаги-

ровали на эти случаи борьбы с коррупцией (в кавычках или без них) представители среднего класса внутри таких школ, то есть те, чьи дети там учатся, и «снаружи», то есть узнавшие об этом из СМИ?

Борьба с коррупцией в области образования: типичные реакции. Итак, эти сообщения об арестах за взятки появились в течение нескольких месяцев, то есть к появлению следующего еще не были забыты предыдущие. Более того, две школы находились по соседству, в одном из московских микрорайонов¹. Один из этих директоров скрылся, по телевидению демонстрировали принадлежащий ему особняк, причем особый акцент делался на какой-то невероятной, поражающей воображение роскоши. В частности, подчеркивалось, что кресла были обтянуты кожей 12-метровой анаконды. Не просто анаконды, а именно 12-метровой, а также в интерьере использовались галапагосские черепахи, кожа зебр и прочих редких представителей фауны. Многочисленные фотографии этого особняка были выложены и в Интернете. Их обсуждали, поражались наглости директора, отсутствию у него вкуса, размаху воровства, не было только ни одной радостной констатации, что наконец-то государство начало бороться с коррупцией в школах. Отсутствовали такие реакции и в других аналогичных случаях. Да, эти директора воровали деньги родителей - этому легко поверило абсолютное большинство участников Интернет-дискуссий, поскольку это своего рода норма для престижных, раскрученных школ. А вот в то, что причиной уголовных дел стало именно воровство, вытягивание у родителей денег, не верит практически никто. Моментально, как только люди узнают об этом событии, начинаются поиски скрытого смысла: зачем «*одни коррупционеры арестовали другого*»?

Для массового сознания очевидно: чем выше уровень, тем сильнее коррупция. Мы несем подарки учителям и «добровольные взносы» директору, это самый низкий и прощительный уровень для участников взаимодействия. У директора аккумулируются некие средства, это второй уровень коррупции, отчасти прощительный, если основная часть взносов идет все же на развитие школы. Особняк с анакондой — это явно слишком. А дальше, как полагают участники обсуждений, коррупция переходит на следующий уровень. Обеспечивая свое

спокойствие, директора передают часть средств властям от образования, и вот только здесь начинается настоящая коррупция, заслуживающая осуждения. Потому что теперь зло перестает быть персонифицированным, это уже та самая рыба, которая гниет с головы, те самые «они», и тут уже нет и не может быть оправданий, как на предыдущих уровнях. Родители дают деньги ради счастья своего ребенка, учителя их берут, следовательно, лучше относятся к этому ребенку, директор все-таки заботится о школе, часть денег вкладывает в ее развитие, то есть все участники процесса, совершая этически не безупречные поступки, все-таки совершают какие-то позитивные действия. На следующем уровне коррупционных отношений ничего позитивного не происходит, они только собирают родительские деньги, которые по ступенькам этой коррупционной лестницы до них доходят, а потому они ни при каких обстоятельствах не могут быть заинтересованы в разрушении системы. Именно такой логикой руководствуются участники Интернет-дискуссий. А раз так, то если какого-то директора школы все-таки арестовали, значит, он нарушил правила игры — не делился. Рассуждая таким образом, очень многие участники обсуждений предполагали, что аресту подлежит именно тот директор, который не делился. Если он не делился из жадности, для кресел с анакондами, арестовали его правильно. Если вкладывал большую часть денег в школу, а остальные брал себе, он практически не виноват, является жертвой системы. Как написал на форуме одной из этих школ отец ученика: *«Мне все равно, что там берет или не берет директор. Я вижу реальное применение деньгам, которые я плачу»*. Итак, первая идея, почему директор школы, которого объявляют взяточником (неважно, является он им или нет, это как раз не проблематизируется, принимается как правда) — это месть коррумпированных властей: *«К сожалению, ЭТО государство опять продемонстрировало ВСЕ, на что ОНО способно: не создавать, а разрушать то, что нужно и полезно гражданам ЭТОГО государства!»*; *«Что то больно зачастили в этом году с разоблачениями директоров успешных школ. Сначала пожар в школе икс у нас в Ясенево и последующие разоблачения директора, явно высосанные из пальца. Теперь — еще истории со школами. И все как раз впредверие перехода к платным услугам. Не знаю, у меня впечатление, что в подоплеке не борьба с коррупцией и не надо прославлять гражданскую честность отдельных родителей. Скорее всего это похоже на целенаправленные разборки. И хо-*

¹ Мы не будем делать предположений, справедливы ли эти обвинения или нет — это особая тема. Будут анализироваться только реакции на эти события в Интернет-дискуссиях.

телось бы угадать, «куда идем, куда заворачиваем». Кто займет теплое место этих директоров и как будут выглядеть эти школы»; «Да понятно же, скорее всего, директор с кем надо не поделился и его решили свести».

Второе, чуть менее популярное объяснение – рейдерский захват. Эта школа кого-то заинтересовала, дали взятку наверх, и директор был арестован: *«Просто устроили охоту – кому-то приглянулась эта школа, вот ее директор и попал», «На ум приходит только одно – рейдерский захват. Не знаю, бывает ли такое со школами, но схема похожа».*

На участников дискуссий произвели сильное впечатление суммы, которые должны были платить родители за поступление в школу, доступные очень и очень немногим. Конечно, высказывались о том, что наши государственные школы совсем зарвались, что никакой комфорт и высокое качество образования не соответствуют таким поборам. При этом только в одном случае прозвучала мысль о том, почему же никто из родителей учеников не писал жалобы на такое вопиющее нарушение закона, почему вся эта система годами функционировала, не выходя наружу. Ответы были такими: потому что это почему-то устраивало родителей учеников и, главное, – кому жаловаться, если вся система коррупционна? Ничего не изменится, только твой ребенок пострадает. Придется уйти из школы, а в хорошую школу попасть трудно.

Но это взгляд извне. Что касается родителей учеников этих школах, то их мнения разделились достаточно радикально. Меньшая часть из тех, кто обсуждал ситуацию в Интернете, высказывалась позитивно: может быть, теперь, наконец, не придется платить такие дикие деньги за те услуги, которые в других школах предоставляются бесплатно или почти бесплатно. Но большинство участников были настроены совсем по-иному: комфорт ребенка стоит дорого, а в этой школе были отличные туалеты, хорошая мебель, квалифицированные учителя, а *«бесплатный сыр – только в мышеловке»*: *«Все хорошее – стоит денег. Я ни разу не слышала, чтобы бриллианты продавались по цене гамбургеров».* И это притом, что все школы, связанные с коррупционными скандалами, считаются хорошими в районе, но не относятся к наиболее брендовым в Москве. Почему же родители так страстно защищают свою школу и своего директора? Прежде всего, потому, что такие большие деньги обеспечивают прекрасный контингент учеников. Об этом пишут многочисленные родители, которые считают, что такие большие

деньги за «вход» в государственную школу не просто оправданны, но и являются благом. Контингент детей в школе и классе важен для абсолютного большинства представителей среднего класса, но здесь этот подход доведен до логического завершения: *«хочется, чтобы в этой школе учились дети подобных родителей. Без примесей со стороны. Даже самых маленьких. Потому что ложкой дегтя можно испортить бочку меда».* На вопрос одного из оппонентов, женщины, которая не смогла заплатить требуемую сумму за обучение и отдала ребенка в другую школу: *«Вы считаете нормальным платить за поступление в данную школу 150 тыс. для жителей района и 300 тыс. для всех остальных жителей Москвы и Подмосковья?»*, незамедлительно последовали однотипные ответы: *«1. Да мы считаем это нормальным. Так же как нормально существование магазинов «Азбука вкуса» или «Глобус Гурмэ» и государственных поликлиник», «Наша школа – лучшая школа. И очень хочется, чтобы представители люмпен пролетариата наконец отстали от нее и занялись своими делами».* В большинстве случаев люди предпочли бы обойтись без коррупции, считают себя жертвами всемогущей государственной системы, либо включаются в коррупционные отношения ради более простого достижения поставленной цели, то есть относятся к коррупции инструментально. Здесь мы видим, что коррупционная составляющая приветствуется ее участниками, поскольку за счет нее осуществляется отсев нежелательных участников образовательного процесса. Интересно, что участники нескольких форумов, посторонние, дети которых в этих школах не учатся, подсчитали, что в этих государственных школах плата за обучение выше, чем в частной школе. Тем не менее, родители выбирают государственные школы, поскольку не доверяют частному образованию, а качество образования для них представляет высокую ценность.

В целом отметим, что показательные аресты директоров школ, вокруг которых была поднята шумиха, как о свидетельстве попыток государства бороться с коррупцией, своей цели не достигли. Никто из многочисленных участников форумов таким образом эти события не воспринял. А про ученика одной из этих школ, отец которого сообщил в полицию о взятке, другие родители написали следующее: *«Никто этого ребенка пальцем трогать не будет. Но конечно ни дети, ни родители, ни учителя не смогут нормально общаться с мальчиком».* Значит, эта борьба не принесла и тактического результата – с мафией бороться бесполезно.

Заключение. Школа и эмиграция. Борются со школьной системой, которая воспринимается как отражение общей ситуации в стране, не готово и не хочет большинство представителей среднего класса, заинтересованных в том, чтобы их дети получили качественное образование. Система воспринимается как несправедливая, в отдельных случаях она вызывает возмущение, гораздо чаще — усталость, апатию и даже безнадежность: *«Кто бы знал, что они еще придумают? Заранее соломки не подстелишь»*. А то, что придумывать «они» будут, несомненно. В последние полтора-два года, после того, как мировой финансовый кризис стали считать исчерпанным, эти чувства стали более заметными. Еще летом 2008 года, перед началом кризиса, в стране ясно видна была эйфория. Все участники Интернет-дискуссий радостно обсуждали спортивные победы российских спортсменов, победу в маленькой победоносной войне, гордились тем, что Россия, наконец, встала с колен. Но сначала кризис заставил испытать страхи и опасения, а потом, когда он вроде бы закончился, старая бодро-патриотическая риторика так и не вернулась. Люди в еще более высокой, чем прежде, степени сконцентрировались на своих личных проблемах, семейных, детско-родительских, а потому взаимодействие с образовательной системой стали восприниматься более остро.

Это чувство усталости, истощенности внутренних ресурсов потребовало поиска выхода, хотя бы символического. И он был найден: *«надо валить отсюда»*. Массовости такого рода реакций способствовало то, что в СМИ появилось огромное количество публикаций о том, что образованные и обеспеченные люди миллионами уезжают или собираются уезжать за границу¹. При этом называются «точные» цифры уехавших, как правило, просто огромные. И это при том, что статистический учет такого рода не только не проводится, но и невозможен в принципе — значительная часть уехавших сохраняет российское гражданство. Тем не менее, начался процесс «самозаражения», когда тема эмиграции вошла в широкий общественный дискурс, она постепенно стала восприниматься как одна из главных реалий современной социальной ситуации.

Для представителей среднего класса, участников Интернет-дискуссий, политическая составляющая обсуждений, а иногда и спекуляций на эту тему в СМИ, не имеет существенного значения. Возможность уехать они рассматривают в двух плоскостях. Первая: нас, умных, образованных, обеспеченных отсюда выдавливают. Мы этой стране, этим властям не нужны. Мы любим родину, но еще больше любим своих детей, а мы не можем или можем с огромным трудом дать им здесь самое главное — возможность получить качественное образование, то есть обеспечить им нормальное будущее. Властям нужны дебилы, именно под их воспроизводство настроена существующая система во главе с министром. Люди пишут о себе как о жертвах системы, с которой бесполезно и не хочется бороться — лучше из нее выйти. Такого рода высказывания начинают носить ритуальный, почти обязательный характер, хотя в абсолютном большинстве случаев являются чисто декларативными. Люди ничего не предпринимают, чтобы уехать, слова об эмиграции — это образ, констатация пассивной неудовлетворенности своим сегодняшним положением.

Второй вариант, вроде бы противоположный по посылу: мы уедем, и с кем «они» останутся? С люмпенами, быдлом? Общась внутри своей среды, участники дискуссий предполагают, что шантажируют власти. Но это шантаж, адресаты которого о нем никогда не узнают. *«Вот три миллиона умных людей уже уехали, мы тоже уедем»* — это означает, что тогда «они» поймут, чего лишились, да поздно будет. Если «они» не понимают, что без нас стране будет плохо, пусть поймут. Эти угрозы в большинстве своем ничем не закончатся: и люди не уедут, и власти ничего не поймут. Более того, протест вызывают, прежде всего, реформы в области образования, в гораздо большей степени попытки что-то изменить, чем оставить так, как есть, хотя так тоже плохо. Создается впечатление, что общество пришло к новому запросу на стабильность, отчасти подобному тому, который сложился к концу 1990-х годов. Но тогда была надежда на то, что эту стабильность даст новое руководство, — сейчас социальная астения не содержит в себе надежд.

¹ Данные Левада-Центра о массовых настроениях по поводу эмиграции и их анализ см.: Гудков Л. Пустая страна // Новая газета, 2011, №74, 11 июля (<http://novayagazeta.ru/data/2011/074/22.html>).

Алексей ЛЕВИНСОН

Институциональные рамки старости: старость как гендер

Старость — это и есть вторая жизнь
И.Б.

Старость как концептуальное средство. Эта статья посвящена группе проблем, связанных со старением, положением людей старшего возраста в нашем обществе. Проблематика старости является осевой для проекта «Советский человек» на его нынешнем этапе. Говоря коротко, советский человек сегодня — это старый человек. Подробнее об этом будет говориться ниже. Пока отметим, что у этого утверждения есть несколько смыслов. Смысл, так сказать, прямой, т.е., указание на то, что люди, прожившие основную часть жизни при советской власти, теперь находятся в основном в старшей части общества, — не самый важный. Его важность парируется утверждением, что многие черты, которые мы считаем родовыми чертами советского человека, отыскиваются у более молодых поколений. (Советский человек в этом смысле пережил советскую эпоху). Более существенной представляется роль старости (как антропологической характеристики) для того концептуального и методического характера, который приобрел проект «Советский человек» в постсоветскую эпоху, когда основой приема стало усмотрение черт советского в постсоветском, старого в новом. Продуктивность такого подхода и его польза для объяснения актуальной реальности, для прогноза социальной динамики становятся видны из научных результатов проекта, оценки этих результатов обществом как конечным потребителем. Эвристическая сила старости как антропологической категории здесь является ключевой¹. Потому и говорится, что концептуально «советский человек» предстает как человек старый во многих смыслах этого слова, и к этому неоднократно придется обращаться в предлагаемом ниже анализе.

¹ Ее можно сопоставить с эвристической силой категории «молодость», бывшей в ходу в публицистическом дискурсе на ранних этапах становления человека советского. Интересно отметить анахронизм как условие для работы рассматриваемого приема. На раннем этапе советским человеком оказывался тот, кто родился в досоветскую эпоху, но живет в ней как советский, на позднем — тот кто живет как советский в постсоветскую эпоху. Советское оказывается продлевающим свои характеристики за свои временные рамки в обе стороны по временной оси.

Но, вместе с тем и при том, что мы будем стремиться концентрировать наше рассмотрение на проблематике старшего возраста, обращение к этой тематике с неизбежностью выведет нас к проблемам и судьбам и других возрастных групп, а также общества в целом. В силу ряда причин и процессов, о которых пойдет речь ниже, проблемы старшего возраста вышли в фокальную зону социальной проблематики.

Возраст в социологических исследованиях. В практике социологических исследований, в особенности — общенациональных опросов, к каким относятся опросы, создающие эмпирическую базу данного проекта, возраст принято считать одной из основных детерминант, влияющих на мнения и реакции респондентов. Вместе с обществом, которое они изучают, исследователи принимают за данность суждения (а может быть — предвзвешивания?), что «молодость — это одно, а старость — другое», что «с возрастом люди меняются» и пр. Бытовые понятия о возрасте предстают в формах регулярных шкал, организующих массивы собранных данных.

В Левада-Центре применяют, как правило, такую шкалу:

Возраст (полных лет):

18–24;

25–39;

40–54;

55 лет и старше.

Заслуживает внимания вопрос о границах между возрастами — он подведет нас к проблеме: где и кем проводится граница старости. 18 лет — возраст совершеннолетия, человек приобретает право участвовать в выборах. Что касается 25- и 40-летия, то практика исследований показала: на первом из этих рубежей, как правило, заканчивается молодость, а на втором — то, что должно, наверное, называться «второй молодостью».

Окончание учебы в вузе, брак, рождение детей — события, меняющие статус человека, его отношение к самому себе и к миру: рубеж

в 25 лет связан, прежде всего, с изменениями, происходящими в человеке, а также в его ближайшем социальном окружении, в нуклеарной семье. Рубеж сорокалетия, конечно, тоже зависит от внутрисемейных процессов, таких, например, как взросление детей. Есть и «природная» составляющая. Ценз в 35-40 лет, введенный нынешними работодателями для приема на «хорошую работу», отмечает факт утраты человеком в силу возраста неких психофизиологических качеств (подвижность психики, скорость усвоения новой информации, а также привлекательная внешность, гибкость, физическая сила, утомляемость и проч.) Но в сегодняшней России в гораздо большей степени тут проявляется роль опыта, приобретенного поколением в связи с историческими событиями в стране. Сорокалетние – это самые молодые из тех, кто прошел первичную и вторичную социализацию в советское время. По состоянию на начало XXI века сорокалетний – это последний «советский человек» в демографическом смысле слова. В результатах наших опросов это отражается таким образом: по сорокалетним проходит рубеж, разделяющий общество на две части. Если есть проблемы, реакция на которые зависит от возраста, то главное различие в этих реакциях будет между теми, кто младше и старше 40.

Недаром в ответах на вопрос: «В каком возрасте сейчас начинается старость?» в опросах Левада-Центра 2005 и 2011 гг. первый сгусток реакций дают именно сорокалетние. Применительно к более ранним возрастам практически никому (1%) не приходит в голову говорить о

старости. А начиная с сорока, уже поговаривают (9%), чаще других – люди без специального образования (11%), женщины, у которых есть дети (11%), но нет мужа. Их доходы невысоки, они живут в небольших городах (13%), их участь им представляется невеселой. А невеселую участь они зовут «старостью».

Границу последней, самой старшей возрастной группы исследователи провели на уровне 55 лет. Рубеж (пенсионный возраст для женщин) установлен государством, принят обществом. В этой возрастной группе женщины, как известно, составляют большинство, их дискурс здесь определяющий.

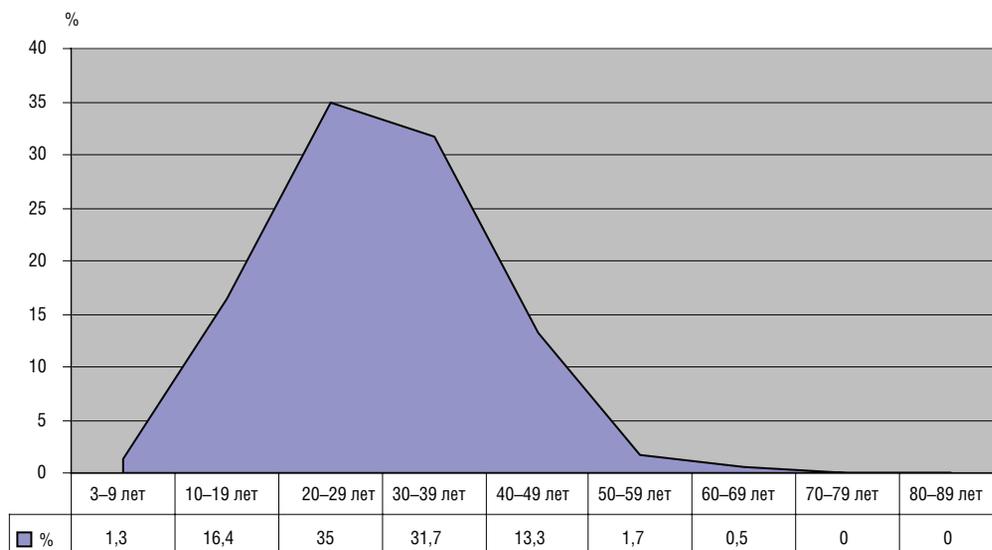
Лучшее время жизни. Вот как распределились в 2005 г. ответы россиян на вопрос: «Какой возраст, на ваш взгляд, самый лучший?»¹

Никто не назвал возраст моложе 4 лет, и никто (для нашей темы это существенно) – старше 65 лет. Средняя по ответам всех опрошенных величина падает на двадцать восемь с половиной лет. На приводимой ниже диаграмме, имеющей форму горы, этот возраст указывает на ее «вершину»:

Диаграмма показывает, что 66% ответов о наилучшем возрасте падает на период от 20 до 40 лет. Мы видим, что на индивидуальные ответы явно воздействует какой-то внешний фактор, в силу чего они оказываются похожими друг на друга. Разброс мнений относительно «лучшего возраста» невелик. По-видимому, это свидетельствует о том, что общество относится совершенно по-разному к разным периодам человеческой жизни, которые различные группы

Рисунок 1

КАКОЙ ВОЗРАСТ ЯВЛЯЕТСЯ НАИЛУЧШИМ?

Результаты 2011 г. почти не отличаются от приводимых. Обнаруженные значимые отличия обсуждаются ниже

респондентов выделяют более или менее сходно, демонстрируя согласие в оценках. Перед нами последовательность «возрастов» как ценностно окрашенных аскриптивных (приписываемых обществом индивиду) статусно-ролевых комплексов.

Есть вполне закономерные отклонения: среди самых молодых почти треть называет лучшим возраст моложе 20, а среди самых старших четверть относит лучший возраст к периоду от 40 до 50 лет, на манер греческого «акмэ».

Рисунок 2
ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ЖИЗНИ ДО 20 ИЛИ ПОСЛЕ 40?

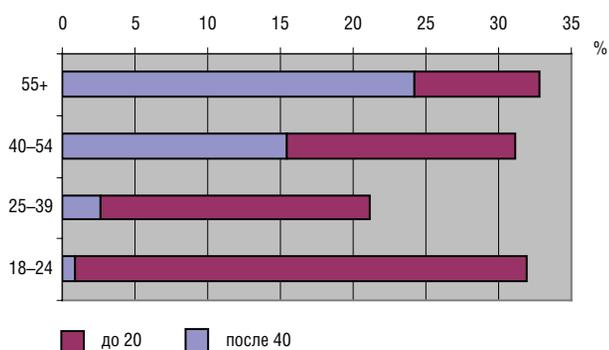
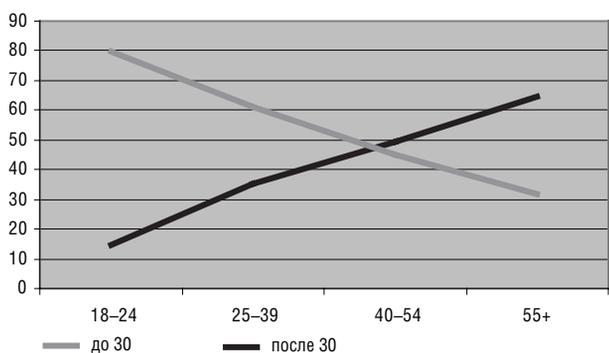

Рисунок 2 демонстрирует, что даже эти крайние мнения, которые могут показаться чудачествами, распределены в обществе очень «правильно»: чем люди старше, тем чаще они переносят лучший возраст в «свою», вторую половину жизни.

Но в целом можно сказать, что основная дискуссия между поколениями идет по вопросу: лучшее время — незадолго до или вскоре после 30 лет?

Рисунок 3
«ЛУЧШИЙ ВОЗРАСТ» ДО 30 ИЛИ ПОСЛЕ?

Казалось бы, каждое поколение хвалит собственный возраст. Но нет. По данным опроса получается, что, хотя старшие поколения склонны сдвигать пик бытия на более поздний возраст, они считают лучшим период, ими самими уже прожитый. А самые младшие, хоть и

указывают на гораздо более ранний этап жизни, чем старшие, но в половине случаев ожидают, что лучшее время у них еще впереди. В возрасте же, который общество признало наилучшим, т. е. среди тех, кому 25–39 лет, не более половины видят самым прекрасным свое собственное время, а не менее трети считают, что лучшие годы для них уже в прошлом.

Подобные наблюдения напоминают нам о природе информации, которую доставляют опросы общественного мнения. Они показывают, что далеко не все ответы имеют происхождение в индивидуальном опыте. Напротив, роль субъективного опыта и его объективного отражения в ответах оказывается небольшой. Концентрация ответов на определенных жизненных фазах подтверждает аскриптивность оценки времен и возрастов в обществе. Говоря иначе, возраст — это измеренное социальное время жизни индивида со встроенной в него оценкой.

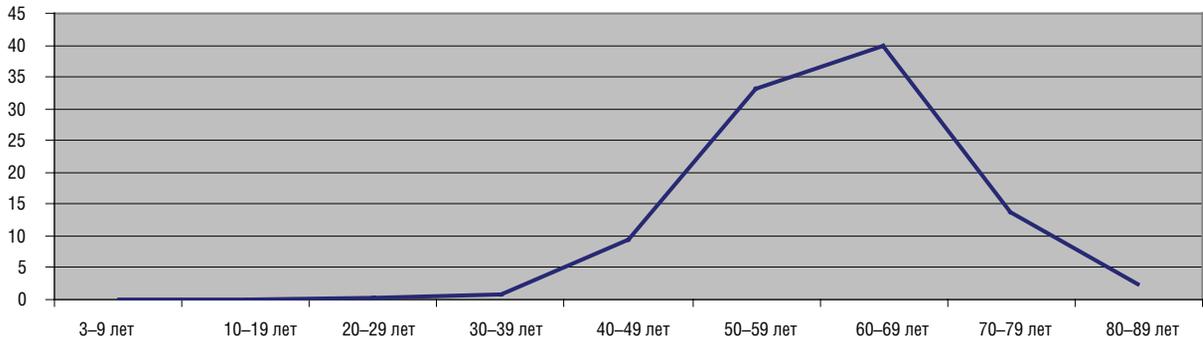
Действие нормы сказывается не только на ответах в ходе интервью. Само проживание времени происходит в соотношении с нормой. Можно указать на сконструированность соответствующих социальных образцов. Но стоит помнить, что иной реальности, кроме сконструированной, и нет. Она и есть жизнь.

Начало старости. «В каком возрасте сейчас начинается старость?» — такой вопрос задавался в 2005 и 2011 году россиянам в ходе исследований, проводимых Левада-Центром. Опрос проводился по стандартной выборке, репрезентирующей все население РФ в возрасте 18 лет и старше (1600 человек). Число включенных в выборку лиц, чей возраст составлял 55 лет и более, пропорционально их доле во взрослом населении страны (29%). Эта возрастная группа почти самая многочисленная (в возрасте 40 лет-54 года — 30%), потому в общих результатах опроса общественного мнения ответы ее представителей достаточно сильно окрашивают вычисляемый средний результат.

Среднее по всем ответам значение возраста «начала старости» — 58 лет. Рисунок 4 показывает распределение мнений всех жителей страны по этому вопросу.

Но нам интереснее не мнение большинства, а позиции «экстремистов», тех, кто призывает записывать людей в старики либо необычно рано — до 50 лет, либо необычно поздно — после 65. Сторонников таких необычных взглядов набирается около трети в каждом поколении. Соотношение между количеством сторонников

Рисунок 4
В КАКОМ ВОЗРАСТЕ НАЧИНАЕТСЯ СТАРОСТЬ?

обеих крайностей в заостренной форме показывает, так сказать, направление вектора общественного мнения в каждом из поколений (см. рисунок 5).

Рисунок 5
КОГДА НАЧИНАЕТСЯ СТАРОСТЬ - РАНЕЕ 50 ИЛИ ПОЗДНЕЕ 65 ЛЕТ?

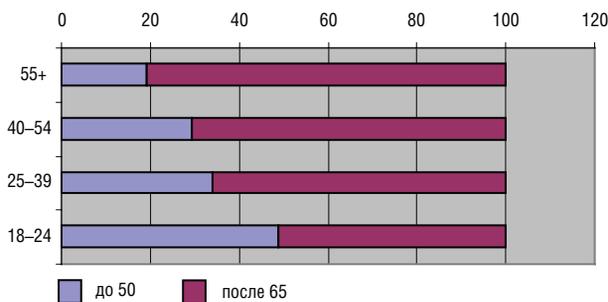

Рисунок 6 показывает, что думают лица старшего возраста о лучшем возрасте и начале старости. Небольшая зона пересечения диаграмм означает, что где-то между 40 и 55 годами для некоторых старость уже наступила, но жизнь еще казалась прекрасной. Но в глазах абсолютного большинства россиян старость — отнюдь не лучший возраст, и лучший возраст — отнюдь не старость.

А теперь рассмотрим представления людей в возрасте 18–25 лет. Как видим на рис. 7, в их сознании «лучшие годы» и годы старости вообще не пересекаются: кончаются лучшие годы, и начинается старость.

Констатируем еще раз: в сознании наших сограждан, увы, почти нет места для идеи старости как «хорошего возраста».

Рисунок 6
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛУЧШЕМ ВОЗРАСТЕ И СТАРОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ В ВОЗРАСТЕ 55 ЛЕТ И СТАРШЕ

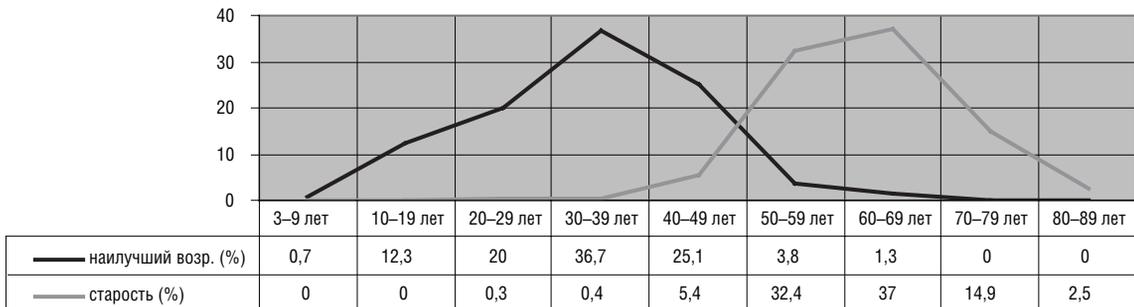
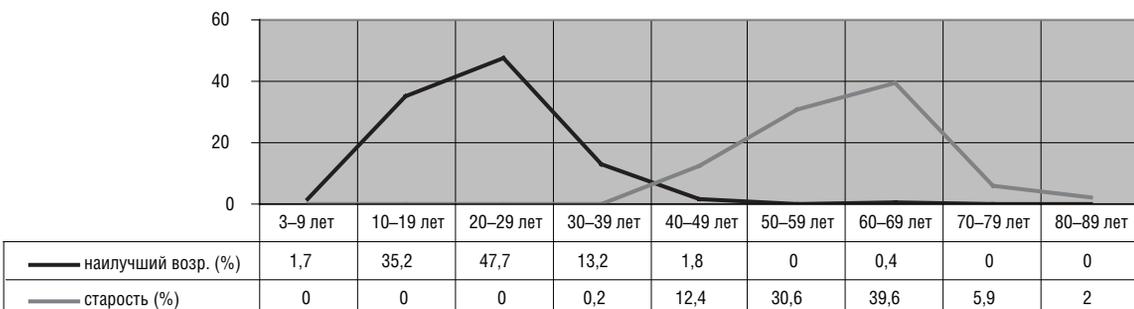

Рисунок 7
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЫХ (18-24 ГОДА) О ЛУЧШЕМ ВОЗРАСТЕ И СТАРОСТИ

Старость в социальном времени. В нынешней городской культуре каждый данный возраст воспринимается как общность социальных признаков человека, узреваемая извне. Образующие ее индивиды могут находиться в разных точках социального пространства. Таково, повторим, положение вещей, которое кажется естественным для современного общества. Однако большую часть истории человечества возрасты были не общностями в себе, а группами для себя. И не возраст был признаком и причиной принадлежности к категории. Напротив, принадлежность к (поло-) возрастной, то же – статусной – группе определяла возраст. Имеется в виду, что именно эта принадлежность определяла необходимость отвечать определенным ожиданиям, в т.ч. собственным, чем выработывались характерные психологические установки, определяющие как интимно-внутренние, так и внешне-ориентированные реакции, и как результат – определенные «возрастные» поведенческие особенности.

При компактном проживании в регулируемой традицией общности (село, община, двор) возрастные группы были первичными группами в смысле постоянного личного контакта и общения, систем непосредственного социального контроля, взаимовлияния и пр. и пр. Из этнографических описаний известно, что в разных культурах существовали «дома» для разных половозрастных сообществ (иначе говоря – гендеров). Социализация, т.е. превращение индивида в такого, чье поведение приемлемо для его окружающих, происходит в этих моногендерных коллективах и является групповым процессом. Далее индивид может покинуть этот тесный коллектив, стать «самостоятельным», например, завести собственную семью, собственный дом. Тогда социальный контроль на уровне кровнородственной или соседской общины осуществляет далее поддержание норм, заданных в процессе социализации. Смена статуса совершается в процессе перехода из одной возрастной группы в другую. Это движение есть один из видов социального времени, переходы из группы в группу суть события, которые его образуют.

От конкретной культуры зависит, в какие группы агрегировано общество. Одной из таких групп является старчество.

Существование нашего общества, в котором жива память о позднесоветском времени, демонстрирует воссоздание возрастных групп, прежде всего применительно к крайним возрастам, т.е. к тем, которые не имеют полноценного

социального статуса. Процесс социализации есть в этом смысле процесс постепенного обретения этого статуса. Эту сторону дела и имеет в виду понятие «взросления». Процесс взросления идет, во-первых, под контролем взрослых и, во-вторых, в рамках взаимоконтроля и взаимообучения в группах ровесников. Если, детсад, школа и армия, коллективные образования, охватывавшие в советское время почти поголовно младших членов общества, были построены по принципу возрастных групп – «классов», как их называли в девятнадцатом веке, подчеркивая статусный характер этого образования. Сегодня эти структуры продолжают существовать, постепенно теряя свой тотальный характер.

Переход из класса в класс выглядит как вызванный возрастом как «объективным» признаком или фактором. Нетрудно показать, что переход обусловлен правилами существования в классе, динамикой процесса социализации как такового, а не течением астрономического времени и возрастом как его выражением. Известны случаи-исключения («оставить на второй год», «перепрыгнуть через год обучения» и т.п.) которые именно это и доказывают.

Воспитание индивида происходит в значительной мере в рамках семьи. Но в нашей культуре существует понятие, что участие индивида в тех или иных возрастных группах, возрастных коллективах обязательно или весьма желательно. Не прошедшие эту форму социализации могут третироваться как социально-ущербные.

Возрастные классы, группы ровесников, имеют две разновидности. Одна – это формальные группы в институтах социализации (т.н. детские учреждения, а также учебные заведения и армия). Там происходит назидание, воспитание и обучение социально-неполноценных («несовершеннолетних») со стороны «взрослых»¹.

¹ В претензиях старшего поколения одно из важнейших мест занимает тезис о «разрушении советской системы обучения», «советской школы». В этой связи заслуживает особого внимания вопрос об объемах и характере власти над несовершеннолетними детьми, которую имели в построенных по советской модели воспитательных и образовательных заведениях «взрослые» в роли воспитателей, педагогов. Эта власть по своему способу отправления может легко становиться и часто становится авторитарной, неограниченной и тоталитарной, т.е. распространяющейся на все стороны жизни подчиненных – детей. Особо важно, что школу такой власти проходит практически все население страны. В школе досоветской и советской эпохи ограничением этой власти оказывалось организованное сопротивление детских коллективов. В современной школе, как показали наши исследования, стал типичным конфликт, при котором статус (авторитет) учителя подрывается его имущественной необеспеченностью. Кроме того, часть родителей перестает видеть в учителе государственного служащего, наделенного в силу этого статуса властными полномочиями, и трактует его роль как роль работника, оказывающего их детям услугу, за которую ему платят

Другая разновидность — это неформальные группы ровесников, где происходит коррекция полученных от взрослых норм и образцов поведения, а также взаимообучение навыкам социального существования. Такие функции имеют и детские/молодежные коллективы, действующие как неформальные внутри формальных своих рамок — дворовая компания, школьный класс, курс вуза, «призыв» в армии. В этих случаях там складываются структуры внутреннего самоуправления. Они, как правило, построены по иерархическому принципу. Есть и полностью неформальные группы — компании, шайки, банды. Там, как правило, роль «взрослых» играют представители старших возрастов, сами еще не полностью взрослые.

Отношения возрастов в семье и в детских коллективах — это одна из первых форм господства-подчинения, неравенства статусов¹. Обратим внимание на то, что в современном обществе установлена возрастная граница т.н. совершеннолетия. Она приходится на возраст 14-16-18 лет. Специальные ритуалы в этот момент — получение аттестата зрелости, паспорта, права голоса. Но на деле полноценный статус еще не достигается. Люди в этом возрастном состоянии называются «молодыми», и это значит — они не-взрослые. (Статус «молодого» в армии означает полную подчиненность «старикам», «дедам»). Характерно, что среди преподавателей российских вузов широко распространена манера называть студентов — формально совершеннолетних людей — «детьми». Этим они подчеркивают неполноправность подчиненных, расширяя свои права контроля и управления ими.

С момента создания семьи формы социального контроля над индивидом изменяются. На смену относительно большим по численности и рыхлым по организации группам ровесников приходит узкая и тесно зарегулированная группа

— семья. В пределе это пара, пара супругов или пара родитель-ребенок. (Молодая семья либо выделяется внутри семьи родителей, либо начинает жить отдельно.) Выделившиеся в самостоятельную семью индивиды рассматриваются как социально полноценные. Они получают права управления другими индивидами — собственными детьми. Возрастные объединения на этом этапе имеют ослабленную форму: это общение молодых матерей и молодых отцов вне дома, в течение ограниченного времени.

Вышеприведенные замечания призваны показать, что возраст как естественный и природный атрибут человека на деле есть комплекс социальных ожиданий и требований, предъявляемых к нему, прав, привилегий, предоставляемых ему, обязанностей, вменяемых ему. Эти регулятивы складываются в коллективах, имеют коллективную природу, хотя выступают как атрибуты индивида в соответствующем возрасте или атрибуты возраста как такового.

В зрелом возрасте роль первичных коллективов для социализации и контроля, как говорилось, снижается. Однако за определенным рубежом, называемым «старость», наступает частичная утрата социальной полноценности и вменяемости. И тогда характерным образом могут вновь включаться механизмы возрастных коллективов. Для стариков существуют дома престарелых. Одним из самых распространенных видов организаций, официально причисляемых у нас к организациям гражданского общества, являются различные организации ветеранов. Главным основанием для вхождения в эти организации является старший возраст — в соединении с теми или иными заслугами. Существуют и различные формы неформальных — как правило, соседских — объединений неработающих пенсионеров.

Отмеченные формы коллективного существования ровесников в старших возрастах выполняют роль поддерживающих в случае, если престарелый индивид теряет семью — собственную или семью детей. Эти формы самоорганизации престарелых отчасти разгружают более молодые возрастные категории от диктуемых нравами обязанностей по поддержанию существования стариков. Реципрокные обязанности стариков по отношению к более молодым становятся все слабее. Известно, что неформальные коллективы «на скамейке» пытаются выполнять — именно в качестве коллектива — функцию неформального социального контроля в отношении младших поколений, прежде всего — молодежи, но им это все реже удается.

родители, т.е. игнорируют притязания учителя на властные полномочия в отношении их детей. У учителя исчезает власть и остается — если остается — только авторитет. В этом одно из оснований для упомянутых стариковских обвинений в «развале школы».

¹ Наличие в возрастных дефинициях властно-статусного компонента особо наглядно проявляется при использовании их для обозначения чинов и званий в армии и на производстве. «Младший» или «старший» лейтенант, «младший» или «старший» научный сотрудник, «старший» инспектор и т.п. суть вневозрастные определения статусов. Практика разжалований подчеркивает, что сохраняющаяся временная характеристика (в норме старшим становятся, как и при взрослении, после младшего) может игнорироваться — что для возрастного процесса непредоставимо. Возраст как самоё время считается природным и потому «в реальности» необратимым или обратимым лишь в воображении.

Семейные роли как статусы. Здесь уместно более детально рассмотреть вопрос о соотношении категорий старость и власть/авторитет. В нашем обществе, вышедшем из традиционного, не полностью отработаны вопросы возрастных властных отношений в семье и обществе.

«Природный» характер власти родителей над детьми практически не подвергается сомнению в обществе. А вот идея природных прав ребенка как ограничения прав его родителей, вообще старших, только начинает получать распространение и признание в нашей социальной культуре.

Социально непроработанным остается сохранение взрослыми людьми статуса «детей» в семье. В период пребывания индивида в младших возрастах статус ребенка, дитя, сына или дочери означает и реляционную и абсолютную подчиненность всем «взрослым». С переходом в старшие возрастные группы, с обретением статуса «взрослого» индивид обретает самостоятельность, признаваемую другими. Но в рамках российской городской семьи не выработан механизм отключения статуса социальной неполноценности, вытекающего из принадлежности к реляционной категории «детей»¹.

Родитель продолжает считать себя располагающим авторитетом и властью в отношении индивида, за которым по нормам данного общества теперь закреплён статус «взрослого». Этот статус — наивысший в возрастной иерархии. Он означает, что его носитель не подчиняется носителям других статусов. Но в ряде семей родитель взрослого человека продолжает считать себя обладающим правами взрослого по отношению к тому, кто относится к категории «детей», пусть теперь не возрастной, а реляционной. В нашем городском, посттрадиционном обществе нет нормы и ритуала прекращения этих родительских полномочий. Известны многочисленные бытовые конфликты на этой почве. Формой решения этих проблем часто является пространственное удаление, разделение семей, переезд «под собственную крышу». Однако иногда поддержание контактов по телефону или через периодические визиты сохраняет отношения, при которых родитель выступает как властное начало, а сын/дочь как подчиненное. В психологии изучены соответствующие механизмы и порознь и как единый комплекс. Мы хотим обратить внимание на предшествующую психологии сторону дела.

¹ Эта проблема как одна из проблем нуклеаризации семьи детально рассмотрена в: *Борусяк Л.Ф.* Статистическое исследование нуклеаризации семей в СССР. Дисс. ... канд. эк. наук, М.: МЭСИ, 1983.

Записанные в культуре роли/статусы образуют социальную систему, которая и задает рамки поведения сторон. Различные — от экономических до психологических же — факторы могут вести к эрозии этой системы в отдельных случаях. Есть культурные образцы, позволяющие ее заменить на другие отношения в диапазоне от нулевых до кооперативных. В рамках данного рассуждения нас интересует то, что основанием для этих властных отношений, по-прежнему глубоко в структуре культуры, является принадлежность участников к одной семье, что обязывает их соблюдать кодекс именно семейных отношений, а в этих рамках они принадлежат разным классам. Эти классы неравноправны как поколенные. В родовом обществе, где сформировались такие отношения, выход из класса/поколения совершался коллективно и оформлялся соответствующими ритуалами. В нашем обществе эти классы остались как возрастные, где возраст регулируется внешними по отношению к данной семье измерителями, и реляционные, т.е. управляемые правилами внутрисемейных отношений, в которые общество вмешивается мало. В силу этого отношения в отдельных семьях определяются более частными причинами — субкультурами, семейными традициями, характерами участников. Измеряемый в годах возраст выступает внешней данностью, универсальной природной «нормой», с которой вступает в конфликт семейная норма на права и обязанности поколенных возрастов.

Старость и статусные классы. Точно так же старость выступает как институт, принадлежавший древней разметке общества на статусные классы. Старость, как уже было отмечено, в традиционном обществе переживалась коллективно, внутри соответствующего класса. В сегодняшней городской жизни старость задается несколькими параметрами, действующими не вполне согласованно. Первый параметр или критерий, который кажется очевидным, это общественное мнение по поводу того, когда начинается старость. Левада-Центр задавал подобный вопрос во всероссийских выборочных опросах в 2005 и 2011 году.

Очевидно, что это был вопрос о том, когда на человека ложится стигма «старого». Есть разброс во мнениях на этот счет между представителями разных социальных категорий. Предприниматели назначают рубежом старости 66 лет, военные — 65 лет, руководители — 62 года, служащие — 61 год, специалисты — 59 лет, рабочие — 58 лет, безработные — 57 лет, студенты

– 56 лет. В среднем, по данным 2011 года, началом старости считают возраст 60 лет. Но, что касается людей, которым в момент опроса было как раз 60 лет, то они отодвигали возраст начала старости на 62 года. И лишь те, кому 62 года, признавали, что старость наступает именно в это время. (Это среднее значение их ответов, некоторые из них называли возрастом начала старости 40 лет, некоторые – 80 лет). Более детальный анализ показывает, что женщины в возрасте вплоть до 55 лет старость начинают отсчитывать ранее 60 лет, а после своих 55 лет – позже 60-летия. Среди мужчин мнение, что зачислять в старики можно только людей, которым не менее 60 лет, существует, уже начиная с 45-летнего возраста (а часто – и с 35 летнего).

В 2005 году усредненный ответ относительно возраста, в котором сейчас начинается старость, был 58 лет. В 2011 году среднее значение ответа было 60 лет. Два года – разница, которая лежит в пределах статистической ошибки. Однако в пользу того, что это не ошибка, говорит тот факт, что сдвиг оценки в сторону более позднего срока является систематическим. Он наблюдается в ответах и мужчин, и женщин. С 2005 года оценка мужчин поднялась на 2.5 года, оценка женщин – на 8 месяцев. При этом имелся и сохранился определенный разброс оценок рубежного возраста в зависимости от пола и возраста отвечающих. Общее правило таково, что люди в молодом возрасте ставят этот рубеж на более ранний возраст, а люди преклонного возраста – на более поздние годы. Так, в 2005 году люди в группе, где средний возраст 20 лет, указывали (в среднем) на возраст старости 56 лет, а в группе, где средний возраст 85 лет, считали (в среднем), что старость начинается в 63 года. Примерно такая же разница сохраняется в оценках 2011 года. Разницу в оценках возраста старости, полученных в 2005 и 2011 гг., можно предположительно объяснять идущим процессом старения населения. Мы видели в синхронных срезах и 2005 и 2011 годов, что чем старше люди, тем на более позднее время они отодвигают нормативную границу старости. Можно попробовать распространить это правило на все общество в целом, представить его субъектом мнения – общественного

мнения - и считать, что чем более старым видит себя общество, тем более поздний срок старения оно назначает. Сравнение данных по возрастным группам из опросов с разрывом в шесть лет показывает следующее:

В целом по ответам женщин оценка поднялась на 0.7 года. По оценкам мужчин – на 2,6 года. Таблица позволяет увидеть, что в целом именно мужчины в основном сдвинули оценку, при этом наиболее значительный пересмотр рубежей старости, как видно из Таб.1, обнаруживается в той самой группе, которая по версии 2005 г. должна была бы переходить в старики. Эти люди подарили себе еще почти пять лет существования без стигмы старости.

В ходе тех же опросов задавался вопрос о том, когда кончается детство и начинается взрослая жизнь. Показательно, что этот рубеж остался недвижимым. В среднем это 16 лет.

Таким образом, по воззрениям членов нашего общества, зрелое/взрослое состояние сейчас в нашей стране длится с 16 до 60 лет. Представляется, что эти границы, в общем и целом, совпадают с границами окончания школы в начале, и выхода (мужчин) на пенсию – в конце. Это рубежи действия больших институтов, недаром пересечение этих границ государственные инстанции обставляют ритуалами и отмечают выдачей специальных сертификатов: аттестата зрелости и пенсионного удостоверения. Отметим, что общество (если продолжать считать его самостоятельным социальным субъектом) весьма неохотно принимает попытки сдвинуть эти границы. Предложение со стороны государственных инстанций ввести 12-летнее обязательное обучение в школе в свое время, как показывали наши исследования, было встречено почти всеобщим несогласием и не было реализовано. Звучащие – в порядке протупывания реакции – идеи сдвига пенсионного срока на более поздние годы встречают еще более резкий отпор. Так, по данным опроса, проведенного в сентябре 2011 года, отношение к тому, чтобы «законодательно увеличить возраст выхода на пенсию для мужчин – 65 лет, как это установлено во многих странах мира», было отрицательным у 83% населения. Такое же предложение по увеличению этого возраста

Таблица 1

ИЗМЕНЕНИЕ ОЦЕНКИ ВОЗРАСТА, КОГДА НАЧИНАЕТСЯ СТАРОСТЬ, ОТ 2005 Г. К 2011 Г. В ЧИСЛЕ ЛЕТ (С ДЕСЯТЫМИ ДОЛЯМИ ГОДА).

Возраст отвечающих	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65+
Мужчины	-0.8	+2.5	+2.2	+4.2	+4.9	+3.3
Женщины	+1.5	+0.6	+1.1	-0.2	+0.7	+1.9

для женщин до 60 лет встретили отрицательно 86% населения.

Возрастное право на секс. Наши данные позволяют сделать предположение, что то, что называется взрослой жизнью, называется так еще потому, что это состояние, при котором разрешена, точнее, в наименьшей степени репрессирована сексуальная активность индивидов. Самым общим рамочным правилом является то, что окончанием детства/юности (т.е. периода социальной неполной вменяемости) является вступление человека в сексуальное общение, а наступление старости — это выход из такового. Вот что говорят об этом наши данные (опрос 2011 г.)

Как указывалось, временем начала взрослой жизни большинство наших сограждан, находящихся в возрасте 18 лет и старше, согласно называют возраст в 16 лет. Мы не располагаем данными о сексуальной активности 16-летних,

самоотчетам опрошенных, начинает у женщин сворачиваться с 50 лет. В интервале 50-59 лет 16–17% женщин заявляют, что не ведут сексуальную жизнь. Но в 60 лет доля таких ответов среди женщин удваивается.

Сходная картина динамики сексуальной активности мужчин. 60 лет — это возраст, когда почти вдвое возрастает доля ответов о прекращении сексуальной активности. Среди женщин 65 лет и старше доля заявляющих о том, что никакой сексуальной жизни у них нет, возрастает до 70% и выше². Среди мужчин в этой возрастной группе такие ответы дают 61%, что видно из табл. 2.

График на рис.8 в условной форме (обращенный уровень ответов об отсутствии сексуальной жизни, приведенных в таб. 2) показывает, на каком возрастном рубеже начинает резко снижаться сексуальная активность мужчин и женщин.

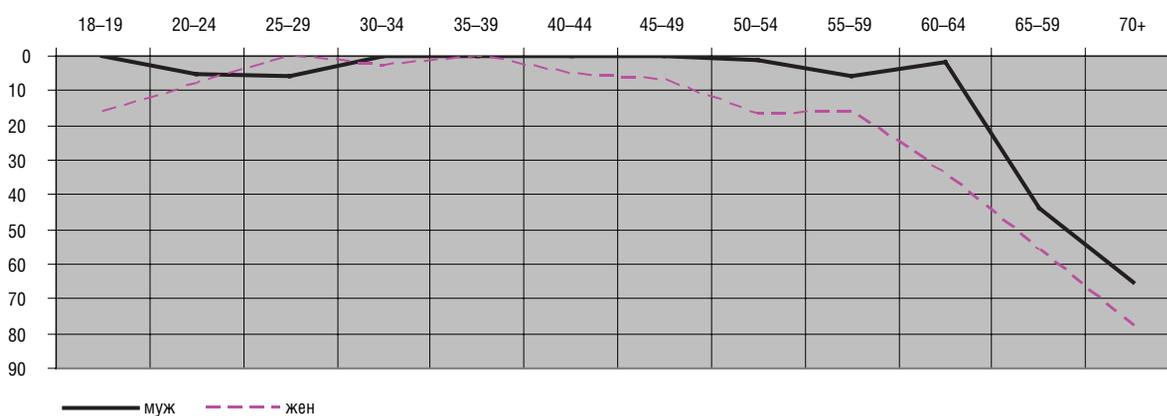
Таблица 2

ОТВЕТ ОБ ОТСУТСТВИИ СЕКСУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. ПОВОЗРАСТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ В КАЖДОЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЕ.

Возраст отвечающих	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70+
Мужчины	0	5	6	0	0	0	0	1	6	2	44	65
Женщины	16	8	0	3	0	5	7	17	16	34	56	78

Рисунок 8

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА СЕКСУАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ (в условных показателях).

но можно предположить, что именно тогда она по большей части и начинается. К 18-19 годам, а этот возраст уже охвачен нашими опросами, 16% девушек еще заявляют, что у них «нет сексуальной жизни», а к 25 годам доля таких заявлений падает до 2%¹. Сексуальная жизнь, по

¹ Приводимые данные не следует считать оценками реальной сексуальной активности населения. Табу на обсуждение подобных тем действует достаточно сильно, в ситуации личного интервью тем более. В среднем четверть опрошенных отказались отвечать на этот вопрос. Внутри этой группы отказавшихся можно предполагать наличие как

тех, кто стесняется сообщать о своей половой активности, так и тех, кто стесняется сообщать о ее отсутствии. В каких пропорциях находятся эти категории респондентов в разных половозрастных группах, мы из этого опроса узнать не в состоянии.

² Характерным образом снижается до 16% доля отказывающихся от ответа. Можно предположить, что доля имеющих сексуальную жизнь в этом возрасте весьма невелика (открыто заявляют об удовлетворенности своей сексуальной жизнью лишь 3%). Норма предписывает в этом возрасте не вступать в половые сношения. Но и жизненные обстоятельства старых людей также к этому не располагают, потому им скрывать от интервьюера нечего.

Мы видим, что шестидесятилетие – существенный рубеж в этом виде социальной активности. Сексуальная активность в старших возрастах не подвергается формальной регуляции, но зато в очень большой степени зависима от такого регулятора, как нравы. В традиционном обществе регуляция половой активности членов родовой общины осуществляется гораздо строже, чем в современном. Для старших возрастных групп, не участвующих в деторождении, она, как правило, просто не предусмотрена. В связи с этим мы имеем широко распространенные взгляды относительно того, что «старикам это не полагается». Контроль над половой активностью женщин в традиционном обществе вообще гораздо строже, чем над мужской. В этом смысле моральное давление, объявляющее половые отношения для женщин в старшем возрасте неподобающими, явно сильнее, чем для мужчин. (В посттрадиционном обществе это может принимать вид «научных» или «медицинских» запретов или объяснений, например гласящих, что с климаксом у женщин «естественно» должно пропадать сексуальное влечение).

Отмечая значимость шестидесятилетия как нормативной границы для сексуальной активности пожилых людей, обратим внимание и на противоположную сторону дела: эта активность у некоторой части опрошенных и в последующий период, по их заявлениям, продолжается. Сексуальная жизнь пожилых, наподобие однополого секса, встречает в общественном мнении негативную оценку. Но знаком того, что норма начинает меняться (точнее, сначала смягчаться), выступает переход санкции за нарушение такой нормы из наказания или бойкота в форму осмеяния, превращения этих явлений в объект для шуток, анекдотов, комических элементов публичных зрелищ. Перспективой, как показывает практика других обществ, является снятие табу на такие отношения, их легитимизация, а соответственно и утрата ими комического потенциала для все большего числа общественных групп. Обратной стороной этого процесса является распространение реакций одобрения, поддержки, уважения однополым парам, пожилым людям, решившимся сделать публичными свои интимные отношения, регистрируя их официально или демонстрируя их в ритуальных обстоятельствах приемов, гостей и пр.

Четвертый возраст, или Молодые старики. Только что рассмотренные данные, касающиеся временных рамок старости, показывают, что,

с одной стороны, современные общественные нравы задают достаточно четко границу старости, но, с другой, гораздо менее четко задают программу поведения в старости.

Нам известны широкие нормативные предписания для стариков: отличаться от молодых и зрелых людей, но реализация этих общих предписаний оставлена на усмотрение гораздо более узких сообществ, например, соседских общин, дружеских компаний, семей. Регуляторы процесса здесь не жесткие, т.е., это не нормы, соблюдение которых обеспечивается санкциями. На их месте выступают или традиция и обычай, или вкус и такт. Репрессии за их нарушение менее формализованы, менее жестки.

В случае с сексуальным поведением, которое обычно бывает скрыто от посторонних глаз и может ни с кем не обсуждаться, социальный контроль осуществляется или в диадах, или самими индивидами за счет интернализованных норм и образцов. По указанным причинам снижение сексуальной активности после рубежа наступления старости (см. выше) не оказывается абсолютным и всеобщим. Как и другие источники, наше исследование показывает, что остаются индивиды, продолжающие свою сексуальную активность и после 60 и после 70 лет.

Для нашего общественного мнения такое поведение будет – сегодня – странным, маргинальным. Старость в нашем обществе, что обсуждается в настоящей статье, имеет два назначения. Из них первое – исполнение роли деда/бабки, помогающих своим детям – родителям своих внуков – с жизнеобеспечением последних. А второе – приготовление к смерти, в том числе, путем частичного ухода из жизни (инвалидность, старческие заболевания). Между тем, в целом ряде обществ, где раньше, чем в России, прошла нуклеаризация семей и раньше была отрефлектирована новая демографическая ситуация, старости были приданы новые смыслы и функции и отключены некоторые старые. Подверглась почти полному удалению роль бабушек как «сидящих с внуками», т.е. с них были сняты эти обязательства перед младшими поколениями. В свою очередь семьи освобождают себя от обязательств ухода за престарелыми и потерявшими самодостаточность родственниками, передавая ее специализированным заведениям – приютам, домам престарелых, хосписам и пр. Сами эти заведения из социальных, т.е. бесплатных для обитателей, находящихся на государственном или муниципальном бюджете и в силу того, как правило, влачащих жалкое существование, становятся продающими сво-

им обитателям или их семьям свои услуги за деньги, разделяясь, соответственно, по уровню обслуживания на категории от дешевых, где он низок, до дорогих, где он высок.

Новая мораль, а с ней и новый тип отношения к старости еще только приходит к нам. Вместе с другими атрибутами «современности» она лишь начинает утверждать свои права. То, что преклонный возраст может быть связан не только с лишениями и страданиями, но и с удовольствиями, хорошо известно нашим пенсионерам, которые часто видят своих ровесников-интуристов, приехавших к нам развлечься, познакомиться с другой страной.

Во второй половине XX века в наиболее экономически развитых странах культурный и экономический прогресс привел к еще большему замедлению демографического оборота и еще большему увеличению срока жизни людей при высокой гарантии сохранения их здоровья. Биологическое по своей сути изменение режима воспроизводства населения повлекло за собой появление совершенно иного типа морали, иного отношения к человеческой жизни. Главным результатом однонаправленного действия различных факторов стало утверждение системы ценностей и норм, противоположных тем, к которым мы привыкли. Эта система предполагает, что в центре забот рода — личность, ее существование, ее жизнь¹.

Экономическое развитие создало условия для того, чтобы работники, да и вообще жители страны, активно потребляли. Высокая производительность труда позволила сократить рабочее время и резко расширить время досуга, когда потребление идет наиболее активно — в том числе и досуга после окончания трудовой жизни, на пенсии.

Выход на пенсию многочисленной когорты людей, обладающих определенными средства-

¹ Здесь необходимо указать, что существенно иные воззрения на вопросы жизни, старения, смерти, нежели развиваемые нами, предлагают сторонники такого направления, как трансгуманизм. Направление является слишком широким, чтобы обсуждать его в рамках нашей работы. Оно к тому же содержит внутренние течения весьма разного характера. С некоторыми из них, такими, например, как либертарианский трансгуманизм, наши воззрения имеют немало общего в посылах (но не выводах), с другими расходятся вплоть до полной противоположности. Отметим лишь тот факт, что затронутая нами антропологическая и социологическая проблематика старения и смерти дополняется в этом направлении опирающимися на современные био-, нано- и другие технологии философскими и натурфилософскими усилиями по противостоянию и старости, и смерти. В отношении к этим усилиям нам близки позиции, выраженные в статье: Юдин Б. Г. Сотворение Трансчеловека // Вестник Российской академии наук, 2007, том 77, № 6, с. 520—527.

ми, в очередной раз изменил представления о старости. Пониманию старости как возраста утраты смысла и цели жизни приходит на смену представление о старости как аналоге молодости. Это время познания — познания жизни, познания радости. Прошла (мы говорим о развитых странах) волна утверждения радостей секса после 60, 70, 80. Множатся курсы по изучению ремесел, языков, на которых пенсионеры в своем кругу или рядом с молодыми предаются познанию, учебе. Выше уже говорилось о путешествиях как форме досуга и познания для пенсионеров.

Встает ли вопрос о цели такого познания, и если встает, то, как он решается? В европейской культурной традиции ответ есть. Согласно преданию, накануне казни Сократ брал урок игры на флейте. Недоумевавшему — зачем? — он ответил: а когда же еще я успею этому научиться?

«Young old», «молодые старики», — парадоксальное словосочетание. Такую категорию ввели несколько лет назад западные маркетологи. Их внимание привлекла категория пожилых людей, обладающих двумя ресурсами: уже есть деньги и еще есть силы. Это наиболее молодые либо наиболее сохранившиеся из пенсионеров. Кроме того, это люди, решившие, что накопленные за всю жизнь ресурсы — деньги, силы — надо тратить теперь. Жизнь для них интересна — тем самым и они интересны компаниям, которые продают им товары и услуги, помогающие почувствовать и пережить то, что не довелось в предшествовавшие годы или продлить то, что было.

Некоторые из самых первых российских «скоробогатых», сумевших и дожить, и сохранить богатство при всех его неоднократных переделах, сейчас приближаются к возрасту ранне-пожилых. Их пока недостаточно, чтобы составить поколение с его собственными манерами, стилем, формами общения. Но скоро, видно, появятся — и это будет российская часть описанных ранее young old.

Развитие демографических и экономических процессов в нашем обществе ставит одновременно две проблемы. Одна — проблема необходимости удалить работающих лиц пенсионного возраста с их рабочих мест, чтобы дать возможность продвижения молодым. Экономический аспект этой проблемы состоит в том, что создание новых рабочих мест, которые могли бы быть предложены молодым работникам, происходит в последние годы медленнее, чем приход молодых на рынок труда.

Особенность т.н. оживления экономики после кризисов 1990-х заключалась в том, что вместо создания новых рабочих мест чаще всего заново открывали старые, восстанавливая производство на предприятиях, которые «легли» в ходе прошедших кризисов. В таких случаях работодатели предпочитали или были вынуждены призывать на открывшиеся прежние рабочие места тех, кто на них трудился ранее. Вакансий для новых/молодых появлялось мало.

Но, как показывает опыт стран, идущих впереди России в развитии новых экономических и демографических тенденций, приближается рубеж, за которым начинается абсолютное сокращение числа трудоспособных членов общества. Проблема отсутствия вакансий для молодых работников решится или станет менее острой. Возникнет также экономическая, а за ней и социальная потребность в продлении нормативного трудоспособного возраста у старшей части работников. Повышение пенсионного возраста как принимаемая государством и работодателем мера в ответ на такую потребность, насколько известно, везде встречает протест той или иной интенсивности. Таких протестов следует ожидать и у нас; мы уже указали, что против такой меры по состоянию на 2011 г. выступали около 85% населения.

Но есть другая сторона дела. Это отвечающее новым реалиям изменение общественных воззрений на то, как подобает вести себя тем, кого зачисляют в пожилые и старые. Мы уже говорили об изменении норм или нравов в отношении досуга и секса пожилых людей. Обратим теперь внимание на трудовую и производственную сторону их жизни. В наиболее ресурсобеспеченных группах общества за последние десятилетия явно состоялись изменения в рассматриваемых нормах. При наличии строгих формальных возрастных ограничений на занятие некоторых должностей (напр., профессоров, руководителей и пр.) в тех же средах неформальным образом поощряется продление существенных и ценных видов социальной активности, таких, как научная, творческая, общественная деятельность. В нашем обществе, как мы отмечали, в прошлые десятилетия такой подход — в порядке исключения — существовал только для нескольких узких элит: академиков и членов высших руководящих органов. Теперь он распространяется на статусно менее высокие группы, на научное сообщество в целом, на ИТР многих предприятий, ППС многих вузов и др.

В этой динамике принято видеть только негативную сторону: «стареем», «остались одни старики», «молодые не идут» и пр. Такая оценка правомерна до тех пор, пока и поскольку с пожилым возрастом общественными нравами будут связываться неприменный консерватизм, ригидность и т.п. черты. Эти черты считаются природно заданными, физиологически обусловленными. Опыт отдельных творческих личностей, сейчас составляющих безусловно исключительный и узкий сегмент внутри старшего поколения, показывает, что непреложности в означенной корреляции нет. Изменение социальных требований к роли тех, кто сейчас числится в «пожилых», способно, как показывает опыт других стран, существенно изменить названные выше «природные» ограничения и рамки для старшего возраста. Разумеется, речь не идет о социальном эквиваленте эликсира молодости или отмене непреложности смерти и старости как социальной форме приготовления к ней. Имеется в виду появление новой возрастной категории перед собственно старостью, перед переходом в разряд социально-неполноценных членов общества. За неимением лучшего это период получил обозначение как «четвертый возраст».

Опыт нашего общества в этой области практически отсутствует. У нас есть активно действующие люди пожилого возраста, но еще не сложились основания для их объединения в особую социальную категорию. Их судьбы все еще выглядят как «счастливые исключения». Когда такая категория сложится, можно будет ожидать, что она объединит людей, активность которых будет лежать в общественной сфере. (Для многих пенсионеров, как мы отмечали, сегодня полем общения оказывается либо семья, либо крайне узкий круг соседей-ровесников). «Четвертый возраст» будет обслуживать не только собственные интересы пожилых — чем заняты в основном советы ветеранов, советы пенсионеров и подобные организации. Эта категория людей не будет также выступать в качестве записной консервативной силы в обществе, на какую роль чаще всего берут названные объединения. От этой категории общество вправе ожидать получения уникального продукта, того, который рождается на базе осмысления опыта в его соотношении с настоящим.

Демография, антропология и социология возраста. Проблематика возраста, рождаемости, смертности и иных процессов, называемых

движением населения, достаточно давно обособилась в предмет такой социальной науки, как демография. Стоит вспомнить, что на изучении т.н. моральной статистики (чем позднее занялась именно эта дисциплина), были сделаны важнейшие наблюдения и открытия, легшие в основу представлений об обществе как предмете социологии. Речь идет прежде всего об объективном, то есть непреложном и не зависящем от человеческой воли характере этих социальных процессов. В своей объективности они вполне подобны природным процессам. Но о них же известно, что складываются они из массовых актов произвольного человеческого поведения, управляемого, в свою очередь, культурой.

Изучение общественного мнения средствами массовых опросов имеет то общее с демографией, что застаёт процесс и результат массовых стремлений, настроений, диспозиций как объективный и внеположный обществу. Одно из отличий этой разновидности социального исследования от того, которым является демография, заключается в том, что возможности обратной связи, общественной рефлексии и как результат воздействия общества на собственные установки здесь, пусть слабы и скудны, но они все-таки больше, чем в демографическом процессе.

Объединение в одном исследовательском социологическом предмете сущностей из обеих исследовательских областей, которое мы практикуем в данной статье, есть достаточно громоздкое предприятие. Тратить на него время кажется осмысленным лишь потому, что упомянутая обратная связь через институциональные каналы исследований общественного мнения, в частности – через проект «Советский человек» и публикацию его продуктов – дает надежду обратить общество к осознанию той социальной реальности, которую регистрируют и прогнозируют демографические службы. Социолог решается на такую попытку, более других зная, как мизерны возможности такой рефлексии в обществе и насколько слабы возможности превращения этой рефлексии в саморегуляцию. Оснований для того, чтобы это сделать, два. Одно состоит в остроте наступающего кризиса в воспроизводстве наличной общественной конструкции, второе – в том, что пусть очень слабые, но признаки осознания этого кризиса в обществе наблюдаются, и надежды на автокоррекцию массового поведения не полностью тщетны.

Части российского общества вместе с другими обществами на Земле движутся по тра-

ектории т.н. демографического перехода¹ и находят себя на разных его стадиях. Это переход от одного режима воспроизводства к другому. Демографы обычно описывают те стороны, которые касаются упомянутого выше движения населения. Тогда говорят о переходе от режима, сочетающего высокую рождаемость и низкую продолжительность жизни, к режиму с противоположными характеристиками. Траекторию этого перехода уподобляют букве S, тем подчеркивая, что на разных этапах процесса параметры рождаемости, смертности, продолжительности жизни, детности находятся в разных сочетаниях. Различным фазам этого процесса соответствуют и различные состояния культуры, общественных нравов и норм, а также иных форм общественной саморегуляции. Для дальнейшего изложения особо подчеркнем такие регулятивы, как ценность и цель человеческой жизни, предписываемые каждым обществом его членам. Описываемый S-переход с этой точки зрения предстает как эволюция культурной системы, в частности, такого ее критического для многих обществ, в том числе и нашего, узла, как проблематика самостояния личности, ее ответственности за себя и общество.

В ходе этих трансформаций между режимами поддержания жизни и ее прекращения, между процессами рождаемости, продолжительности жизни и смертности могут устанавливаться разные соотношения, что ведет к возникновению совершенно различных социальных ситуаций и конфигураций в обществах и общественных группах. Эти социальные ситуации предстают как формы и фазы состояния обществ, как периоды их истории, как формы их культуры, наконец, как цивилизации. Существование обществ, находящих себя на разных этапах демографического перехода, с иных точек зрения предстает как эпизод истории цивилизаций, их столкновения и конфликта.

¹ «Отправная точка демографического перехода – небывалое снижение смертности... На протяжении тысячелетий высокая смертность была одним из краеугольных камней, на которых выстраивалось все здание культурных норм, религиозных и нравственных предписаний, регулировавших поведение людей в демографической сфере. ... Большое число детей рассматривалось как безусловное благо. ... Резкое снижение смертности привело к тому, что многие из этих норм утратили смысл, начались их эрозия, поиск форм организации частной жизни людей и их культурной оболочки. ... Снижение рождаемости стало количественным ответом на снижение смертности, но оно повлекло за собой качественные изменения, нередко объединяемые понятием «второй демографический переход» и затрагивающие нормы репродуктивного поведения, формы брака и семьи, внутрисемейные отношения, половую и семейную мораль и т.п.». Вишневский А.Г. Демографический переход и культурное разнообразие // <http://demoscope.ru/weekly/2009/0395/nauka01.php>.

Так, многим представляется, что основная драма нынешней истории — это конфликт христианской цивилизации с мусульманской. Слов, чувств и, главное, крови, пролитой носителями такого представления о происходящем в мире, так много, что кажется кошунством указывать на то, что водораздел, да такой, где вода все краснее от этой крови, проходит между обществами с высокой и с низкой рождаемостью. На поле боя или в огне теракта все чаще сталкиваются, с одной стороны, люди, у которых непременно есть много братьев и сестер, и единственные сыновья и дочери, с другой. И если первые воспитаны в морали обязательств перед семьей, родом, общей родиной и общей верой, то вторые воспитаны так, что видят свои обязательства прежде всего перед самими собой, перед ближайшим окружением, перед символическим целым, которое выбрали сами.

Мы подводим мысль к тому, что за столкновениями этносов, конфессий, цивилизаций, что считают основной драмой современности, мы предлагаем видеть столкновение частей человечества, находящихся на разных фазах S-перехода. Остроту этому конфликту придает то, что присущие этим разным фазам культурные комплексы действительно базируются на разных — и не совместимых — антропологических посылах, ценностях и нормах социального поведения. Фазовые различия даже в рамках одной культуры в этом смысле глубже различий между культурами. Не стоит думать, что антропологические и социальные послы мусульманства и христианства «как таковых» противоположны. Христианство само возникло в тех демографических обстоятельствах, в которых живут сейчас магометане, и оно окормляло общества в другом режиме воспроизводства, нежели, тот, который сейчас практикуют, скажем, народы центра и северо-запада Европы. Достаточно сказать, что максима отдать «жизнь свою за други своя» — из этого вероучения¹, но уже не из этой фазы его существования в указанной части мира. Индивидуализм в этом смысле действительно есть падение нравов — старых нравов — и становление новых. Самоответственный индивид, когда приходит час, также отдает свою жизнь ради высших ценностей, но эти ценности другие, например, достойная жизнь человечества, свобода как таковая и пр.

¹ «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Евангелие от Иоанна, 15.13, Синодальный перевод).

Индивидуализм (примат ценности жизни отдельного человека и приоритетность прав отдельной личности) известен как одна из конститутивных черт цивилизации, которую по конфессиональному признаку зовут христианской, по политэкономическому — буржуазной, по геокультурному — западной. Как система культурных регуляторов он отвечает ситуации, когда воспроизводство общественного целого осуществляется через социальное производство и поддержание отдельных жизней, выступающих в качестве индивидуальных/неповторимых носителей социального и культурного капитала общества. Речь, в других словах, идет об обществе, которое себя воспроизводит через единственных детей, которым полагается прожить долгую жизнь, сперва длительно накапливая, а затем длительно передавая содержание культуры этого общества. (Здесь мы возвращаемся к теме старости и сразу видим ее встроенность в самые драматические конфликты современности).

Российская общественная мысль приложила много усилий к тому, чтобы обозначить место России на культурной карте с полюсами «Запад» и «Восток». Принимая точку зрения «западную», обнаруживали в российской культуре и социальной практике множество признаков «незападной» ее природы, «азиатчины». Признаки эти в основном были связаны с приматом коллективных («соборных») начал в «народной жизни». Поскольку центральная власть в России легитимировала себя через связь с «народом», примат народного начала получал интерпретацию безусловного примата власти — самодержавной власти. Концепция такого властвования складывалась в обстоятельствах сочетания роста рождаемости, ставшего обгонять смертность, и больших территориальных приобретений, и потому формировалась как неограниченная власть суверена над неограниченным по своим размерам царством: в нем сколько угодно людей и сколько угодно земли.

Старый подход к молодым. Кто бы ни становился верховным властителем в России, он понимал себя именно так. Это же понимание транслировалось на нижележащие уровни власти, где властители оказывались ограничены «сверху», «сбоку», но не «снизу». И для местного, малого правителя оставались неограниченными человеческий ресурс и возможность распоряжения им. Характер этого распоряжения хорошо виден в том, как была устроена военная культура. «Живая сила» в ней предстает как возобновляемый, и потому неограниченный,

и потому дешевый ресурс. Вооружение дороже того, кто им воюет. От Петра до Сталина Россия побеждала превосходством в живой силе. Знаменитая формула «бабы новых нарожают» это позиция генералов и маршалов, так обосновывающих свое право тратить «народ», тех, кого народили. Армейские уставы кодифицировали это право «положить» личный состав ради выполнения боевой задачи. Многократно обсуждавшееся соотношение потерь советской и германской армий в ходе Второй мировой войны говорит, помимо всего прочего, о различии концепций двух командований в отношении такого ресурса, как живая сила. Мы это различие — при многократно же обсуждавшемся сходстве столкнувшихся в войне политических режимов — объясняем тем, что советское командование, в отличие от германского, видело себя хозяином неограниченного запаса мужских жизней. Идеология российских командиров с тех пор изменилась незначительно, об этом говорит нам всё то, что известно о распоряжении призывным контингентом как самой дешевой рабочей силой. «Потери в живой силе в мирное время» до определенного уровня считались в советских и считаются в российских вооруженных силах нормой и не влекут за собой той ответственности командования, которую предполагают, например, несчастные случаи на производстве для руководителей такового.

До поры культура самого многодетного и многочисленного народа не воспрещала такое распоряжение его жизнями. Врученность барину, начальнику, командиру прав на свою жизнь означало отсутствие собственной за нее ответственности. Характерно транспонирование модели семейных статусов и отношений на властные и государственные структуры. Барин, командир, начальник оказывается на роли отца для ограниченного числа подчиненных, верховный правитель — на роли отца для неопределенно многих «всех». Жалеть себя и подобных себе не приходилось — нас миллионы. Гибель в бою или в драке, от вина или от петли в такой культуре предпочтительнее смерти от старости¹. При

¹ «От чего же умирает так много российских мужчин в столь сравнительно молодом возрасте? Список причин возглавляют сердечно-сосудистые заболевания, за которыми следуют «внешние воздействия». Последние, к которым относятся помимо прочего убийства, самоубийства и несчастные случаи, в расчете на число жителей встречаются в России в четыре раза чаще, чем в странах ЕС. Злоупотребление алкоголем является причиной 72 процентов случаев убийств и 42 процентов — самоубийств. Сердечно-сосудистые заболевания оказываются также связанными с чрезмерным употреблением алкоголя... Сегодня россияне старше 14 лет употребляют в среднем от 15 до 18 литров чистого алкоголя в год... В типичных российских промышленных городах

таким отношении к жизням молодых мужчин старых мужчин просто не должно было оставаться в сколько-нибудь значимом количестве.

Сегодняшняя Россия находится на другом этапе демографического перехода. Рождаемость среди урбанизированного населения (или, как это видят демографы, в северной части страны), является стабильно низкой, эта часть населения воспроизводит себя по преимуществу за счет единственных детей, что есть суженное и сужающееся воспроизводство. Та часть населения РФ, для которой русский язык является родным, в этом отношении (в отношении низкой рождаемости — но не в отношении высокой смертности мужчин от т.н. неестественных причин) находится в том же демографическом положении, что население Западной Европы, западного мира в широком смысле слова. В последнем пребывание в состоянии, когда общество состоит из единственных детей, существенно повлияло на систему ценностей. Широко известные нам (зачто и со стороны) принципы, делающие отдельного человека, личность основной ценностью, имели свои предпосылки в культурной традиции западноевропейского общества, но стали общераспространенными и конститутивными для социальной организации общества именно в этой демографической ситуации. Общество воспроизводит себя через людей, каждый из которых уникален для своей семьи, а далее и для общества, для его институтов.

Ценность человеческой жизни, уже хотя бы как физического существования отдельного индивида, становится очень высокой. Успехи медицины и здравоохранения в целом создают возможность жить, быть живыми человеческими существами, которые в предыдущие эпохи считались и являлись нежизнеспособными и не участвовали в жизни. На этапе становления нынешней культуры малодетного общества отмечались попытки государственными мерами увеличить число или долю здоровых и избавиться от нездоровых. Мы имеем в виду евгеническую идеологию и практику в нацистской Германии. Что касается практики, то она у нас отсутствует, но идея и идеология привлекательны для части нашего населения. Это нам показали наши собственные исследования, а далее дискуссия в СМИ².

от 31 до 52 процентов смертельных случаев среди мужчин связаны с алкоголем». См.: *Зиверт Ш., Захаров С., Клингхольц Р.* Исчезающая мировая держава. Демографическое будущее России и других бывших союзных государств. Перевод с немецкого языка Ю. Штраух // Berlin, Berlin Institute for Population and Development, 2011, с. 24.

² См. *Никонов А.* Добей, чтоб не мучился // СПИД-инфо, 2009 № 25.

Для большинства обывателей, как впрочем, и для многих профессионалов, характерна такая позиция: человеческие существа, чье психофизиологическое состояние отличается от того, которое воспринимается в общественном сознании как норма, должны быть удалены из общественной жизни, но само их существование должно поддерживаться. Для того существуют на содержании государственных и муниципальных бюджетов специальные заведения. Уроды и инвалиды обречены на социальную смерть, но на физическое выживание. Они должны содержаться в специальных закрытых учреждениях или, если они живут в семьях, то пребывать взаперти как горе и проклятие этой семьи, обязанной оберегать такого индивида от общества, а общество от него. Эта идеология и практика эксклюзии целенаправленно (прежде всего усилиями институтов гражданского общества) искореняется в упомянутых западных обществах. Начало такого процесса отмечается и у нас¹. Вот данные полученные в ходе последовательных волн проекта «Советский человек». Мы задавали целую серию вопросов о том, как следовало бы поступить с категориями людей, которые являются «другими» (или, дословно, «чье поведение отличается от общепринятого»). Наиболее характерные трансформации пережило отношение к тем, кого мы в ходе первого исследования назвали «родившимися неполноценными».

Как видно из табл. 3, за период 1989–2008 гг. общество прошло значительную дистанцию по изменению нормы на отношение к одной из категорий «других». Готовых дать ответ «ликвидировать» т.н. родившихся неполноценными стало гораздо меньше, они почти целиком переместились в число готовых дать ответ об оказании им помощи.

Таблица 4

УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ СЕМЕЙ С Т.Н. «УМСТВЕННО НЕПОЛНОЦЕННЫМИ» (в % от числа опрошенных)

	Готовность общаться, помогать	Чувство неловкости, стеснения	Опасение, тревога	Раздражение, неудовольствие	Без особых чувств	В зависимости от того, что это за люди
Семья с умственно неполноценным	22	14	14	5	23	13

Таблица 5

ОТНОШЕНИЕ К Т.Н. «УМСТВЕННО НЕПОЛНОЦЕННЫМ» (в % от числа опрошенных)

	Сочувствие, желание помочь	Тревога, страх, раздражение, неприязнь, чувство неловкости	Никаких особых чувств
Умственно отсталые	64	25	11

Вместе с тем, табл. 4 с данными, относящимися к 2006 г. об отношении к «проблемным» группам населения – «если бы они оказались Вашими соседями» – показывает, что физические и умственные отклонения, болезни продолжают «отпугивать» вплоть до половины обывателей, но толерантное отношение – или хотя бы признание такого отношения за образец – характеризует другую половину.

Таблица 3

УСТАНОВКИ НА ОТНОШЕНИЕ К «РОДИВШИМСЯ НЕПОЛНОЦЕННЫМИ» (в % от числа опрошенных)

	1989	1999	2003	2008
Ликвидировать	34	11	9	5
Изолировать от общества	6	8	6	4
Оказывать психологическую и другую помощь	50	62	72	77
Предоставить их самим себе	1	1	3	3
Затрудняюсь ответить	18	18	10	11

О распространении сочувствия, готовности помогать таким людям, как и негативных чувств в их адрес, говорят другие данные того же опроса (табл. 5).

Отношение к инвалидам, особенно – инвалидам от рождения или с детства, еще более того, – к тем, чьи умственные способности отличаются от статистически средних, претерпело сильнейшие трансформации в западной культуре. Мы связываем их именно с процессами «демографического перехода», хотя их актуальным политическим контекстом оказалось развитие гражданских институтов как часть процессов современного развития. По этой причине отличие нравов в нашей стране от этих трендов по-

¹ Королева С., Левинсон А. Организации негражданского общества // Pro & Contra. 2010, №1-2 (48) (январь-апрель), с.47 и далее.

лучило трактовку в рамках традиции «догоняющей модернизации». К нам стали приходиться соответствующие установки — сперва как авангардные практики элитных групп общества, а затем, что весьма характерно, как директивные установки управляющих инстанций¹. Тема отношения к «другим», «не таким как все», из глубоко маргинальной вышла на острие политики.

Опыт показывает, что изменение отношения к жизням, которые сами не способны обособить свое существование ни экономически, ни морально, и сами не способны его обеспечить, является системным. Если отыскиваются общие ценностные основания для того, чтобы такие жизни были сберегаемы не только специально выделенными общественными/государственными институтами (клиниками, приютами, интернатами и пр.), не только семьями, для которых это жизни родных, но обществом в целом, это сказывается на судьбе не только младенцев, но и стариков.

Напомним, что усилия по инклюзии, возвращению этих отверженных в общество, это лишь одна из манифестаций культуры, центрированной на индивиде. С разрушением госсocialистических коллективистских форм социального бытия индивидуализм своего рода приходит и к нам². Меняется отношение к ценности личности — в первую очередь — среди женщин, в их качестве матерей³. Евроориентированная часть элиты, т.н. средний класс, в своих практиках воспитания постепенно также переходит к индивидуалистическим моделям, к пониманию отдельных прав личности. Но институты российского общества в этой части трансформировались очень медленно. А такой парадигмальный и образцовый для российской общественной системы институт, как армия, не изменился вовсе и устроен так же, как был тогда, когда человеческие жизни производились семьями в массовом порядке и были, о чем говорилось, расходным материалом, воспроизводимым ресурсом для вооруженных сил. Во-

прос о том, какая у нас армия и каково отношение к ней, является в этом смысле вопросом о модальном возрасте отдельных групп нашего общества. Опросы относительно готовности направить своего ребенка (сына, брата, внука) на действительную службу дали такую картину: российское общество предстает расколотым надвое по отношению к тому, какая армия нужна стране — контрактная или набираемая по призыву, а также по вопросу об отношении к призыву: желать или не желать молодому человеку идти на срочную службу.

Матери и «деды». Та часть общества, которую можно назвать «материнской» (это и собственно матери 18-летних юношей и все, кто себя с ними отождествляет и соотносит, а это могут быть и женщины и мужчины различного возраста), в резкой форме декларирует отказ направлять своих сыновей (сыновей страны) на службу в армию — такую, какой она является сегодня. Что представляет особый интерес — это их представление о ничтожности закона, который делает такую службу обязательной. Уклонение от службы в их глазах не является преступлением. (В остальном эти люди вполне законопослушны). Они всемерно поддерживают переход к контрактной службе, понимая под таковой не столько платность, сколько договорные, а не кабальные отношения между служащим и государством.

Что касается самих молодых людей призывного и близкого к тому возраста, то их мнения делятся на несколько видов. Один совпадает в главных чертах с описанным «материнским». Такой подход характерен для всех тех молодых людей, для которых такая служба представляет ущерб и потерю их капиталов или хотя бы упущенную выгоду. Под капиталами здесь мы разумеем здоровье, в т.ч. психическое, время для учебы, время для занятий бизнесом, для зарабатывания денег. Другой группой являются те молодые люди, для которых армия, напротив, предоставляет возможности увеличить капитал, приобрести новые возможности. Здесь капиталом мы называем навыки применения насилия по отношению к другим людям, в т.ч. не имеющим возможности защищаться, усвоение языков насилия. Тем самым повышаются их шансы найти себе место в институтах насилия, в сфере т.н. силового предпринимательства⁴. Важно, что приобретение этих навыков, этот вид социали-

¹ В своем Президентском послании в 2006 г. глава государства коснулся судьбы детей с отклонениями и указал пути изменения общественного и государственного отношения к их судьбе — такой, который ставил бы Россию на одну цивилизационную плоскость с современными западными обществами. См. Путин В.В. Послание Федеральному собранию Российской Федерации // Российская газета, 2006, 11 мая.

² См. многократно подтвержденный в опросах результат. На вопрос «На кого вы можете рассчитывать в случае необходимости?» наиболее массовый ответ «Только на себя». Однако, дающие этот ответ, указывают не на норму, а на отклонение от нее. Нормой, в их понимании, являются взаимопомощь людей и помощь им со стороны государства.

³ Об этом см.: Левинсон А. Опыт социологии. М., 2004, с. 580, 591.

⁴ Волков В.В. Силовое предпринимательство в современной России [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://politzone.in.ua/index.php?id=241>.

зации имеет название: «превращение в настоящего мужчину». Вторая группа включает как подгруппы тех, кто собирается в армию ради этих перспектив, так и тех, кто уже прошел «армейскую закалку» указанного рода, закончил службу «дедами», «стариками». Они выступают за то, чтобы все прошли ту «школу жизни», которую прошли они.

Таковы позиции групп, которые наиболее близко стоят к ситуации призыва, службы и последствий, которые из этого вытекают. Есть категория людей, которые максимально удалены от ситуации — это старшая часть населения, пожилые и старые мужчины (их меньше) и пожилые и старые женщины (их больше). Они в наименьшей степени информированы о положении в армии, их позиции в наибольшей степени определяются не актуальным жизненным опытом и актуальной ситуацией, а неким прошлым опытом и идеологическими установками. Что же происходит в результате: их мнения также разделяются на «материнские» и «мужские», и последние получают перевес (несмотря на демографический перевес женщин в этих возрастных группах)¹.

Для людей старшего возраста армия предстает не столько институтом прямой социализации (воспитания и перевоспитания) пришедших туда по призыву молодых людей, сколько институтом косвенного воспитательного воздействия на все общество в целом. Для этих людей армия является одним из столпов государственности и государства, Они имеют в виду не реальную армию (о которой они или не знают, или которую не имеют в виду), а армию как символ². Получается, что в не-

¹ В перечислении групп — субъектов отношения к армии не присутствуют «отцы». Дело в том, что отцовская роль в таких обстоятельствах находится в умалении уже не первое десятилетие. Армия как институт, командиры как его репрезентанты видят своими партнерами исключительно матерей. На защиту сыновей становятся матери (помимо широко известных «комитетов солдатских матерей» есть еще несколько подобных организаций, где маркирована позиция именно матери как родителя). С матерями привычнее общаться и учреждениям здравоохранения и учреждениям образования, а также правоохранительным и пенитенциарным учреждениям.

Реставрация отцовской роли постепенно начинается в «среднем классе», прежде всего в его предпринимательской части. Там прослеживается тренд к восстановлению «нормальной семьи» по весьма стародавним, чуть ли не домостроевским канонам. Во всяком случае, роль отца как «хозяина дома», отвечающего за семью и главенствующего в ней, там выражена достаточно сильно, что образует резкий контраст с ролью отца в массовых слоях общества.

² Наши опросы с самого их начала в позднесоветские годы и далее устойчиво показывали выраженное нежелание отдавать в армию сыновей, хотя с начала 2000-х гг. стали показывать высокое почтение к армии как к символической сущности.

формальной сфере, в «обществе» милитаристическая природа российского государства поддерживается и воспроизводится не только и не столько за счет «военных», сколько за счет стариков и старушек. В этом проявляется консервативная социальная функция старости, о чем еще придется говорить, рассматривая ее как институт.

Сдвиги в возрастной структуре общества, изменение межпоколенческих взаимоотношений, в частности, уже упоминавшийся процесс «демографического перехода», влияют на отношение к жизни и смерти. Оно трансформируется, но не сразу и не во всех общественных группах одновременно. Поэтому в сознании общества сосуществуют отложения разных эпох, представления разных общественных групп, прослеживаются следы воззрений, имеющих весьма разное культурно-историческое происхождение.

Старость в архаике. Наиболее архаический и еще не изжитый слой восходит к временам, завершившимся недавно, но длившимся очень долго. Отчасти мы унаследовали то отношение к человеческой жизни и смерти, которое сложилось еще во времена неолита и без серьезных изменений дожило в России до конца XIX — начала XX века. Значит, у нас оно господствовало еще полтора-два поколения назад, в странах же, с которыми мы себя сравниваем, — три-пять поколений назад (в рамках макроистории разница ничтожная, а в рамках микроистории — существенная). С древности и вплоть до начала демографического перехода человечество воспроизводило себя так же, как большинство видов животных: за счет быстрой смены поколений и поддержания относительно большого размера популяции. В традиционных аграрных цивилизациях люди жили обычно до тех пор, пока участвовали в воспроизводстве — рождении детей и обеспечении их всем необходимым для жизни. Сюда относилось не только выращиваемое на полях, но и хранимое в памяти: песни, предания, сказки и пр.

Старость длилась недолго, и в этот период члены общества, уже не участвующие в производстве материальном, играли и доигрывали свои роли в производстве культурном и социальном. Известны старцы — носители родового предания, сказители и мудрецы. В той или иной степени эта роль возлагалась на каждого составившегося человека. Подчеркнем, носителем мудрости человек становился не благодаря своим дарованиям, а в силу того, что он переходил в особый возраст.

Забегая вперед, скажем, что новоевропейское мышление перевернуло эти отношения. Как сказано у Шекспира, только достигший мудрости имеет право на старость. Но изначально мудрость, способность знать и помнить то, чего не помнят другие, приходила к людям с годами. Тому есть современные свидетельства: по рассказам фольклористов, в российских деревнях некоторые песни знают и поют только старики. Люди, не достигшие старости, этих текстов «не знают», но неожиданно для самих себя «вспоминают» их, когда входят в возраст «старых», т.е., людей, имеющих внуков.

Повторим, для ролей/статусов бабок и дедов в обществах архаического типа предусмотрен ряд функций, прежде всего связанных с первичной социализацией внуков. Эта функция осуществлялась в рамках (большой) семьи. В рамках общины в целом ими осуществлялась распределенная функция передачи традиции, предания, мифа. В некоторых обществах старикам вообще были вручаемы важные функции социального управления в общине: принятия важнейших решений, разрешения споров, прекращения конфликтов. Иногда такие функции бывали сосредоточены в руках отдельных представителей старшего поколения. Русские слова «староста» и «старейшина» связывают старый возраст, старость со старшинством, т.е., с особым статусом, предполагающим власть или распоряжение. В современном российском обществе внутрисемейная роль стариков в определенной степени сохранилась, а их роль в отношении общины — с исчезновением и родовой и соседской общины — редуцировалась до известной роли бабушек на лавочке, обсуждающих и осуждающих поведение представителей молодежи, но имеющих мало средств превратить свои осуждения в запреты, то есть осуществлять нормативный контроль. Бабушки как представители поколения стариков распространяют на поведение более молодых соседей не реально действующие нормы, но лишь нравы, нормы, лишившиеся санкций. Иногда, о чем тоже шла речь, старые люди объединяются в организации (т.н. советы ветеранов) и получают некоторое влияние на жизнь микрорайонов, небольших городов. Но чем более урбанизирована среда, тем слабее эта остаточная функция социального контроля, признаваемая за старшим возрастом.

На этом фоне ослабления указанной руководящей роли старцев и старейшин в собственно русском обществе показателен его интерес его к случаям сохранения этой роли у других народов, который выполняет функцию символиче-

ской компенсации утерянного. В русской среде принято позитивно оценивать обычаи тех соседних народов, у которых сохранилось «уважение» к старикам и старейшинам. Об уважении к старикам в обществах, которые в остальном расцениваются как более «отсталые», принято говорить с интонациями уважения и ностальгического сожаления.

Возвращаясь к реконструкции социального положения стариков в архаических обществах, отметим, что для несомой ими функции социальной памяти существовали порой достаточно жесткие пределы¹. Община защищала себя от чрезмерной архаизации. Социальную роль стариков — если она не прекращалась «естественным» путем, их умиранием от старости как физической слабости — прерывали искусственно. Иногда такая функция возлагалась на семью, иногда она осуществлялась общиной в целом. Во многих аграрных обществах сложились традиции такого искусственного прекращения жизни стариков. Не надо думать, что это делалось лишь под влиянием рационального расчета, чтобы избавиться от «лишних ртов». Работал гораздо более сложный механизм, целью которого было поддержание баланса традиции и новации, жизни и смерти, отношений этого и того мира. Умерщвление не имело ничего общего с преступлением из корыстных побуждений или убийством врага. Надежно защищенное ритуалом и его мифологическими интерпретациями, переселение стариков в страну предков у славян, например, помещалось в контекст праздника весеннего обновления природы. Не скорбь, а веселие, разгул сопровождали катания, завершавшиеся спуском стариков «на сачочках» или «на рогожке» вниз, в овраг².

Мы не знаем, как относились сами старики к своей участи. Ритуал был зафиксирован уже тогда, когда умерщвление заместилось театрализованным действием, смысл которого был неясен самим участникам. По сохранившимся элементам обряда можно судить, что «старик» или «дед», посланец в страну предков, во время совершения ритуала наделялся особыми правами, которые в обыденной жизни не полагались ни ему, ни кому-либо иному. Такое отношение к ушедшим сохранил современный обычай по-

¹ Ю.М. Лотман указывал на то, что кроме механизмов социальной памяти следует иметь в виду и механизмы социального забывания. Возможно, описываемые механизмы относятся к таковым. См. *Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры*. // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.3. Таллинн, 1993, с. 330.

² *Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов*. М., 1978, с. 116–121.

хорон: покойному принято оказывать особые знаки уважения, даже если при жизни его не слишком ценили. Реконструируемый обряд, в отличие от похорон, начинался прежде смерти при активном участии «старика», который лишь в ходе ритуала лишался жизни.

Противоречила ли эта практика чувству любви, привязанности к уходящим? Вообще, как утверждают антропологи, обычай, диктующий всеобщие и обязательные правила поведения, действует повелительно и безусловно. Поэтому можно предположить, что и при совершении ритуального умерщвления обычай был способен блокировать, отключать индивидуальные чувства, аффективные связи, а значит, избавлять людей от чувства горя, вины и утраты.

От тех архаических времен в нашем сознании остались представления, что жизнь должна быть завершена в свой час, когда живущий обязан уйти. И даже более того: что у старого человека, вырастившего внуков, нет иных общественных обязанностей, как только освободить мир от своего присутствия. Следы этих воззрений легко обнаружить в реакциях людей при известии о чьей-либо смерти. Смерть в молодом возрасте воспринимается как противоестественное, смерть старого человека — как естественное событие. За словом «естественное» стоит признание некоего должного порядка вещей. С ним соглашаются и сами старики, говоря о себе: «Зажилась», «Пора мне» и т. п., даже если при этом они надеются, что окружающие станут им возражать. Случается, кто-то высказывает мнение, что больной бабушке «надо помочь», не рассматривая такую «помощь» как убийство. В особенности, если этот исход приносит пользу более молодым членам семьи, например, освобождает для них комнату в квартире¹. Ясно, что современный уголовный закон квалифицирует подобные действия как преступление, такое же, как и любое другое убийство. Но если говорить о нравах, о бытовой морали, то в зависимости от социальной группы преклонный возраст и немощность жертвы могут быть смягчающим либо, наоборот, отягчающим обстоятельством.

Смена воззрений на ценность человеческой жизни есть, повторим, последствие смены режимов воспроизводства населения. Сейчас от-

метим скорость этих перемен. На протяжении каких-то десятков лет значительная (и особо значимая для нас) часть человечества кардинально изменила способ приспособления к среде, поддержания размера популяции. На смену быстрому обороту поколений при многочисленности составляющих их индивидов пришло сокращение численности новых поколений при увеличении средней продолжительности жизни. Наше общество пока не успело приспособиться к этому новому состоянию. Проблема старости оказалась в самом центре еще не разрешенных противоречий.

За те два-три поколения, что отделяют наше общество от патриархального деревенского быта, оно не изжило полностью традиционного отношения к старости. В общественном сознании сохраняются следы представлений, что старики являются носителями какого-то особого знания, которое они должны передать самым молодым. Остаются и представления о том, что состарившиеся люди должны уйти. То же думают о себе и старики. Собственно, они вынуждены думать о своем опыте и знаниях как о чем-то безусловно ценном — вне зависимости от конкретного содержания последних, и думать о своем существовании как безусловно лишнем, вне зависимости от его реального наполнения и от обстоятельств жизни. В этом состоит внутренняя проблематика старости. Потому-то старики и пристают ко всем со своими сообщениями и воспоминаниями и в то же время мучаются тем, что «мешают».

Следы описанного слоя представлений о старости тем явственнее, чем слабее включенность социальных субъектов в то, что именуется нормативной культурой, чем ниже их оснащенность присущим ей символическим капиталом и прежде всего книжными/школьными знаниями. В сознании образованной части общества эти архаические мотивы представлены в ослабленном виде. Их подавляет другая система воззрений. Исходным в этой публичной и бытовой философии является утверждение абсолютной ценности человеческой жизни безотносительно к тому, чья это жизнь — младенца или старика, мужчины или женщины. Такие универсалистские и секулярные по своей природе взгляды суть дальние изводы этики Возрождения.

Ценность жизни и ценность смерти. Сложившееся среди гуманистов представление о жизни как ценности и о неотъемлемом праве каждого человека на жизнь стали основой многих институтов современности как формальных,

¹ Отметим попутно, что эвтаназия как относительно авангардная практика, с трудом получающая право на существование в западных обществах, у нас встречает относительно небольшой протест. А именно: 42% опрошенных в 2009 г. сочли ее допустимой (против 45%). Стоит отметить, что, например, на клонирование животных наше общество накладывает куда более жесткий запрет (70%).

принадлежащих социетальному уровню, так и неформальных, находящихся на уровне первичных сообществ. Декларируемой целью этих институтов является сохранение и обеспечение жизни членов общества, что на языке государства называется социальным обеспечением, здравоохранением, техникой безопасности и пр. Цель малых сообществ точно такая же, но она носит имя любви к своим близким.

Смерть как постоянная угроза, отводимая усилиями институтов обоих уровней, является негативным регулятором этих процессов поддержания жизни. Идея смерти нагружена в нашей культуре важнейшими регулятивными функциями. Одна из них – жизнеутверждающая. Коль скоро жизнь объявляется наивысшей ценностью, то средством утвердить ее в этом качестве является указание на ее противоположность – смерть. Смерть, соответственно, выступает в большинстве дискурсов как наихудшее или абсолютное зло. Это делает смерть важнейшим многофункциональным общественным инструментом. На страхе смерти держатся институт власти, институт войны, правоохранные институты и институт охраны, и многие другие. Непризнание того, что смерть есть предельное зло, обесценивает названные институты современного общества. Так, не находится эффективных мер профилактики бытовых или ритуальных самоубийств, еще менее – самоубийств политических или угроз самоубийств, в частности, практики голодовок, самокалечения и иных способов уничтожения своей жизни в местах заключения. Человек, не боящийся смерти, знающий худшее зло, чем смерть, неуправляем. Потому получившая распространение практика террористов-смертников так сильно заботит контр-террористические ведомства.

В приведенном выше описании легко узнать черты этической системы, получившей наименование «советского гуманизма». Имея коллективистскую природу (примат ценности рода над ценностью жизни отдельной личности), эта система, тем не менее, уже исходила из ценности жизни как таковой. Старая, «родовая» логика вела к тому, что миллионами жизней платили за победы и производственные успехи или просто за сохранение власти. Но логика новая требовала создавать учреждения для сбережения жизни младенцев и матерей, старух и стариков. Без какого-либо давления со стороны общества пенсионное обеспечение ввели сперва для городских работников, потом и для сельских.

Идеологическое сопровождение этих мер строилось на противопоставлении архаической

морали, господствовавшей вплоть до первых десятилетий XX века, и «новой морали». Наше сегодняшнее отношение к старости и ее символу, пенсии, представляет собой смесь этих противоположных друг другу толкований.

Не входя в историю вопроса о введении пенсий, отметим, что для нашей страны принятие на себя государством обязательств пенсионного обеспечения было одним из самых значимых вариантов социального контракта. Социальная эксклюзия стариков была санкционирована государством. Введением обязательного для всех пенсионного возраста накопленный пожилыми людьми опыт был объявлен утратившим значение. Законодатель предписывал вывести этот опыт из оборота. Социальная смерть стариков уподобилась их физической смерти в архаических обществах. Недаром в современном русском языке используется понятие «выход» (на пенсию), близкое понятию «уход» из жизни, а ритуалы проводов на пенсию более чем сходны с ритуалами прощания с покойным. И сам человек, бывает, воспринимает пенсию как «черную метку», посланную ему от имени общества, как знак «пора уходить» – и потому она может вызвать у него грусть или негодование.

Но в то же время пенсия несет в себе жизнеутверждающую символику. Она распространяет на старость предикаты жизни. Прежде всего, это признание общественной необходимости человека. Общество отменяет требование «ухода». Хотя пенсия назначается с некоторым учетом заслуг, статуса, заработков в так называемом трудоспособном возрасте, она воспринимается пожилыми людьми как признание их общественной необходимости. Пенсионное обеспечение по старости переозначивает поздний период жизни. Он не перестает быть временем приготовления к тому, чтобы и обществу, и близким было удобно расстаться с человеком. Но поверх архаического слоя значений накладывается иной, ресемантизирующий эту же действительность. И российские пенсионеры восприняли новый сигнал от общества: они демонстрируют политическую и гражданскую активность, не имеющую параллелей в других статусно-возрастных группах.

Публичный, декларируемый современным российским обществом подход к смерти таков: смерть человека есть зло и горе, мечта человечества – бессмертие. Но наряду с ним существует другой, тоже публичный, «научный» дискурс, который берет начало в европейской новейшей истории. В нем, исходя из общественной необходимости смерти, жизнь признается высшим,

но ограниченным для каждого человека благом, которым он не может пользоваться беспределно. Человек должен уступать место другим. Ясно, что в таких условиях смерть теряет качества зла — если не публично, то в умолчании.

Существует и «практический» дискурс, который исходит из того, что век пенсионера не должен быть слишком долгим, иначе пенсионеров не прокормить. Идеи укоротить этот период если не «сзади», то «спереди», за счет более позднего пенсионного возраста, регулярно становятся предметом обсуждения во властных инстанциях и прессе.

Старость-медиатор. Никакая культура, никакое общественное сознание не могут утверждать исключаящие друг друга подходы к одному и тому же символическому объекту, если нет общественно санкционированных средств медиации, средств перехода от одного к другому. В диалектике жизни и смерти таким медиатором является старость. Она — главный, хотя и не единственный посредник между общественной необходимостью жизни и общественной необходимостью смерти. Помимо старости в этой роли выступают казнь, война, болезнь, катастрофа и ряд других общественных институтов. Они делают смерть, немислимую и невозможную, понимаемой и приемлемой.

В нашем светском обществе старость служит растянутым во времени ритуалом приготовления всех участников этого ритуала к смерти одного из них.

Время старости маркировано тем, что индивид утрачивает существенные атрибуты жизни. Он теряет физическую силу и способность коммуникации, понимаемую как способность к речевому, силовому, сексуальному взаимодействию, к визуальному, ольфакторному контакту и др. В течение этого периода должны исчезнуть и другие существенные социальные признаки, из которых главнейший — сознание себя и своей идентичности. Современному обществу удобно думать, что это происходит «объективным» путем, за счет развития сенильных расстройств — старческого слабоумия, маразма, болезни Альцгеймера и пр. Нам неловко признаться, что стариковская неадекватность, имеет она «объективные» причины или нет, является прежде всего вмененной. Она задана как норма всем участникам ситуации, в том числе и самим старикам, с тем, чтобы они применили ее к себе.

После совершившейся десоциализации общество или малое сообщество может считать

себя свободным от обязательств перед своим членом. Смерть как легитимное прекращение его существования делается возможной.

Приготовление к смерти (задача, стоящая не столько перед стареющим человеком, сколько перед его окружением) есть социальная программа, но каждый индивид воспринимает ее как объективную, в этом смысле природную закономерность. Можно ей подчиниться или сопротивляться, можно состариться раньше срока или быть удивительно бодрым для своих лет, можно играть роль старого или навязывать ее тем, кто старше (например, чрезмерно опекая или снимая с них бытовые обязанности).

Социальный механизм отнятия у старого человека его общественных прерогатив и качеств у нас сегодня груб и плохо отработан. Этические представления, нравы, установки разных общественных групп и слоев зачастую противоречат друг другу. Возникает ситуация нормативной неопределенности, когда, как принято говорить, «все зависит от человека». В самом деле, почтальон, приносящий пенсию одиноким старикам, может быть исполнен сострадания и симпатии к ним, но может и тяготиться своей обязанностью. То же касается медицинских работников — собственно говоря, всех, кто обстоятельствами поставлен в условия контакта со стариками.

Кто делает людей стариками. В позднесоветском обществе существовала достаточно прочная конвенция, определявшая момент наступления старости. По крайней мере, для рядовых людей. Для нерядовых она не имела силы — это их и выделяло. Имелись конвенции и о других этапах жизни, например, о наступлении зрелости. Известно, что в упомянутый период этот этап оказывался очень поздним. Исследования ВЦИОМ, проведенные в самом начале 1990-х годов, показывали, что молодость у многих общественных групп затягивалась почти до 40 лет.

Бурные перемены 1990-х годов сломали систему соответствия статусов и возрастов и позволили людям, иногда не достигшим еще совершеннолетия, занять позиции предпринимателей, имеющих доходы во много раз большие, чем их родители. Ситуация напоминала эпоху гражданской войны, когда в 16 лет можно было стать командиром полка. Этот революционный период уже позади. Столь ранняя социализация больше не характерна для нашей жизни. Но новая социально-экономическая среда привела к необычно ранней десоциализации.

Люди, достигшие сорока лет, в массе своей не могут претендовать на «хорошую» работу, с зарплатой, которую на современном языке называют «достойной». Речь идет не о работе высококвалифицированной, где вопрос о найме решается индивидуально, но о деятельности, скажем, в сфере услуг. В объявлениях о таких вакансиях способность к труду, профессиональная пригодность людей старше 40 ставится под сомнение или отрицается не в результате проверки, а заранее, априори. Возникает аналогия с пенсионным возрастом. Начиная с 1990-х годов работодатель часто пишет в объявлениях о приеме на работу: «Вниманию лиц до 35/40 лет...» Интересно отметить, что основным аргументом тех, кто выражает возмущение такой политикой, оказывается противопоставление самочинно установленного предпринимателями барьера в 35–40 лет барьеру «государственному» — пенсионному возрасту. При этом первый воспринимается оскорбленными соискателями работы как произвольный, выдуманный наглыми хозяевами, а второй — как естественный.

Описанная возрастная дискриминация при найме на работу характерна прежде всего для случаев приема на работу, которая оплачивается относительно высоко, и где потому имеется конкуренция соискателей. В результате такого механизма селекции, действующего в массовом масштабе, усугубилась наметившаяся в девяностые годы тенденция перераспределения общественного богатства по возрастной пирамиде от старших к младшим. В итоге внутри трудоспособного населения места с наиболее высокими заработками заняты более молодыми, места с низкими — пожилыми. Из этого правила немало исключений, важнейшее представляет собой ситуация с самыми молодыми работниками, лишь входящими на рынок труда. Они претендуют на относительно высокооплачиваемые места, ибо нормой стала описываемая выше ситуация, что молодые должны хорошо зарабатывать. Но работодатель в условиях сохраняющегося пока избытка предложения рабочих рук предпочитает брать людей молодых, но с опытом работы по данной специальности, что вынуждает самых молодых искать специальные средства трудоустройства (знакомство) или соглашаться на низкую оплату своего труда. На низкооплачиваемых местах они оказываются в конкуренции не с ровесниками, а с пожилыми работниками, находящимися в предпенсионном или пенсионном возрасте. Пока демографическая ситуация не изменилась, — а она скоро изменится — присутствие таких стариков

оказывается препятствием для продвижения молодых и порождает характерные для таких обстоятельств конфликты.

Советский человек как старый. Вернемся к вопросу, с которого мы начинали. Советский человек как следует из самого предиката «советский» определен как человек государства (советского государства). Это означает его вложенность государственным институтам. «Бесплатные», то бишь, государственные системы социального (в широком смысле, включая в частности медицинское) обеспечения, особо активно действовавшие на границах жизни, обслуживая детство и старость, как верно отметила М.Д. Красильникова¹, отбирали у человека его субъектность. В условиях такого обеспечения человек не получал ответственности ни за жизнь тех, кто его родил, и кого он родил, ни за свою собственную. Заметим, развивая эту мысль, что существовавшая в советское время т.н. система оплаты труда не была на деле оплатой труда, но была развитой чрезвычайно широко системой распределения пособий. Максима относительно труда как обязанности (а не способа добыть средства для существования) подчеркивала это идеологически. Широко развитый подневольный труд на зоне и в армии, где жизнеобеспечение не ставилось в связь с трудом советского человека и не было его ответственностью, показывал это практически.

Наши исследования позволяют видеть, что значительная часть трудящегося населения не только в госсекторе, но и негосударственном секторе по-прежнему трудится на предприятиях, которые по преимуществу сохранили институциональное устройство советских предприятий. Даже на предприятиях, подвергшихся приватизации, т.е. переживших трансформацию в виде превращения в т.н. акционерные общества, институциональные изменения коснулись лишь верхних слоев, расположенных там, где распределяется прибыль, где решаются вопросы взаимодействия с другими институтами. Не изменились технологии и материальные условия труда, не изменилось и социальное устройство предприятия. И теперь практически все то работающее население, которое трудится на бывших советских предприятиях, продолжает в значительной степени получать не заработанную плату, а пособие.

¹ См. Красильникова М.Д. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения, 2011, №1(107), с.37-38.

Пережившая лишь ограниченные институциональные преобразования («реформы») советская экономика осциллирует от госкапиталистического к частно-капиталистическому режиму в зависимости от рыночной конъюнктуры. Сверхвысокая конъюнктура, создаваемая сверхценами на нефть, равно как и низкая, вызываемая кризисами разного рода, действуют одинаково. Как только конъюнктура резко улучшается/ухудшается, образующие ее предприятия переходят к раздаче пособий. В случае сверхприбылей это тоже пособия, но они имеют форму бонусов, не заработанных «подарков» в добавок к зарплате, в случае убытков — выплаты «авансов» вместо зарплаты. Лишь в среднем, промежуточном между провалами и подъемами режиме, получаемое на руки трудящимися приближается к истинной заработной — заработной плате.

Сохраняющее с девяностых годов свою широчайшую популярность выражение «мы не живем, а выживаем» отражает именно это обстоятельство. В относительно небольшой части случаев оно означает, что люди находятся на грани биологического выживания. Более часто это метафора, которая указывает на то, что они пребывают не в режиме жизни как самоответственного существования, а в состоянии пассивного существования, которому они сами не хозяева. (Формула «от нас ничего не зависит», чаще всего употребляется в связи с выборами, но ее относят ко всему существованию в целом).

Так, собственно, обстоит дело со всеми пенсионерами. Динамика размера однажды назначенных им пенсий зависит не от их усилий, но от экономической и политической конъюнктуры.

В ходе преобразований, проведенных советской властью, прежде всего — коллективизации и индустриализации, массовых переселений, взаимоотношения человека с природным началом стали опосредованы обществом в лице институтов государства. Развал этой системы стал катастрофой для советского человека. Он оставил его неприготовленным к встрече один на один с природой, в том числе его собственной. Для пенсионеров проблемы здоровья и здравоохранения, медицинской помощи стабильно находятся на первых местах в списках проблем. В этом главное отличие, которое демонстрирует сословие пенсионеров от более молодых групп населения (кроме молодых родителей, которым так же остро нужна педиатрическая помощь их детям).

Попытка замены советской системы здравоохранения на систему страховой медицины может быть признана удачной только для относительно немногочисленной, но растущей категории людей, которые работают «за деньги», т.е. видят прямую связь между своими усилиями и получаемым вознаграждением. Лишь на собственно частных предприятиях, целиком построенных на началах рыночной экономики, люди ощущают на своем кармане размеры своего вклада. Особо эластичными по этому признаку оказываются заработки и вообще доходы менеджеров, высшего руководства, собственников.

В этом смысле и можно предложить разделение российских граждан на тех, чье имущественное положение определяется в большей мере их собственным активным участием в экономическом процессе, и тех, чье положение определяется прежде всего общей конъюнктурой. Первую категорию, повторим, можно чаще встретить в группе, которую принято называть «средним классом». Этот класс, как показали наши исследования, и в части средств и в части своих установок готов брать ответственность за собственное здоровье на себя или делить эту ответственность с профессионалами из частных или хозрасчетных медучреждений, которых он сам или его корпорация нанимает для того за его деньги¹.

Для остальных медицинское обслуживание в режиме страховой медицины оказывается просто ухудшенным вариантом деятельности государственных органов здравоохранения. В особенности это верно для пенсионеров (к этому обстоятельству еще придется вернуться).

Резюмируя, отметим, что «советский человек» воспроизведен — неполно, ущербно — общесоциальными условиями своего существования по всей толще российского общества, и для старшего поколения, пенсионеров, это верно в наибольшей степени. Можно говорить, что эта часть общества в силу своего возраста оказывается теснее всего связана с советской организацией бытия. Их возраст, во-первых, ставит их в условия почти полной зависимости от государства, воспроизводя тем самым основные характеристики советской системы. Их возраст, во-вторых, таков, что они в наибольшей степени успели познакомиться с этой системой в ее классической советской версии, социализироваться к ней. Они же пережили в конце 1980-х обольщение программами и планами полной

¹ Левинсон А.Г. и др. О тех, кто называет себя «средний класс» // Вестник общественного мнения 2004, №5; он же. О категории «средний класс» // Spero, 2009, №10, с.115 и далее.

замены этой системы самодействующими механизмами рынка и демократии, а потом жесткую фрустрацию от того, в каком виде явились к ним институты рынка и демократии, и какую цену взяли за свой приход¹.

Пенсионеры как социальная группа. Старость институционализована, то есть, закреплена в статусах и ролях, в социальной категории «пенсионеров». Как хорошо известно, этим именем обозначается не просто факт получения человеком пенсии (получающие пенсию инвалиды с детства таким именем в народе не зовутся). Имя значит гораздо больше — это и своего рода исключение из социально-активного возраста и включение в категорию потенциально активных общественников, и многое другое.

Роль пенсионеров в нашем обществе велика, и ей предстоит лишь увеличиваться. Немаловажно, что в грядущее десятилетие это единственная массовая категория населения, которая будет расти.

Общеизвестно, что это наиболее активная в электоральном отношении группа. В ней наибольшая доля предсказуемо голосующих и лояльных режиму избирателей, но это — до последнего времени — и категория, наиболее готовая к участию в протестных акциях: в уличных демонстрациях, митингах, массовых (ненасильственных) действиях. Эта категория неминуемо будет включена в конфликт по поводу повышения пенсионного возраста (см. выше).

Пенсионеры в нашем обществе — категория с наиболее определенным и неизменным статусом и с наиболее сильным сознанием своего статуса. Это статус низкий, но весьма четко определенный, он также силен своей массовостью. Эти люди сознают, что их много, и что у них одинаковые проблемы и одинаковые взгляды. Другой такой массовой однородной категории в российском обществе нет. Именно эта группа считает государство своим основным коммуникативным партнером. Эта группа состоит в общении с государством через три канала. Это общение через деньги, общение через социальные услуги и общение через СМИ.

Пенсионеры (если это не работающие пенсионеры) в материальном отношении почти целиком² зависят от государства, платящего им

деньги в виде пенсии, и отбирающего таковые через цены на товары первой необходимости и тарифы ЖКХ.

Для этой социальной категории пенсии — основы стабильности, цены и тарифы — причины нестабильности. И то и другое — в их дискурсе — на ответственности государства и только государства. Они не признают и не признают никаких посредников. В повышении цен и тарифов всегда будет виновно государство. Существенно, что выплата пенсий и их индексация, повышение никогда не будут вызывать благодарности по отношению к государству. Оно лишь выполняет свои обязанности (обязанности, а не обязательства!) перед ними.

На перспективу в 10 лет категория пенсионеров останется категорией без накоплений. Эта часть населения не совершает крупных покупок. (Речь идет о покупках для себя; иногда сделанные пенсионерами накопления расходуются на крупные покупки в интересах более молодых членов семьи). Она располагает зачастую значительной по нашим меркам собственностью в виде квартир, но при существующем состоянии рынка недвижимости и существующих внутрисемейных отношениях, эта собственность практически не ликвидна, ею не торгуют, а чаще всего просто передают по наследству. Иначе говоря, размеры этой собственности в денежном выражении не фигурируют в их повседневном дискурсе, не влияют на их поведение.

Имущественное расслоение общества весьма заботит пенсионеров как идеологическое и моральное обстоятельство. Но это расслоение не в их среде, а то, о котором они узнают из СМИ. Они готовы противопоставить себя как «бедных» всем «богатым», которых они видят только по телевизору. Расслоение внутри среды пенсионеров как фактор их политической ориентации и активности практически не ощущается.

Внутри своей среды пенсионеры по имущественному признаку делятся на очень бедных («одинокая старушка в деревне») и остальных. Собственно это разделение на одиноких, с одной стороны, и живущих с семьей своих детей/внуков, с другой. Имущественный аспект здесь таков. Одиноким не хватает пенсии до следующего месяца и им никто не может в это время помочь. У семейных этих «провалов» нет. В то же время одинокие всю пенсию тратят только на себя. Семейные пенсионеры очень часто тем или иным способом вносят свою пенсию в бюджет семьи. В периоды кризиса и без-

¹ Констатируя этот факт, отметим, что ситуация в российском обществе им не исчерпывается. Возник не существовавший в советское время (или не существовавший как легальный) сегмент общества, который живет на собственной ответственности.

² Важным исключением является личное подсобное хозяйство («садовый участок». «дача», «огород»).

работицы пенсия старшего члена семьи может оказываться единственным регулярным монетарным доходом семьи (а картофель, огурцы и лук с садового участка, где трудится в основном он же, единственным доходом в натуральной форме). Льготы, получаемые старшим членом семьи - пенсионером (бесплатный проезд, скидки на тарифы и пр.) иногда оказывались весьма существенным ресурсом для семей, находящихся в кризисной ситуации.

Богатых пенсионеров не существует. Если это члены богатой семьи, и они участвуют в ее потреблении, или если у них есть большие накопления, то пенсия, текущие цены и тарифы для них не имеют значения, они не состоят в зависимости от государства, они не «пенсионеры». Таких мало, и они не участвуют в общественной жизни как пенсионеры. Если и участвуют, то как представители зажиточного класса. Богатые пожилые люди не общаются со своими ровесниками.

В нашем обществе у людей есть два ресурса: деньги и время. Избыток одного предполагает недостаток другого. У пенсионеров в недостатке деньги, но в наибольшем количестве располагаемое время. Поэтому они могут «сидеть» с внуками, компенсируя тратой своего времени недостаточность и недостатки детских учреждений, «стоять» в очередях, компенсируя тратой своего времени недостаточность и недостатки взрослых учреждений обслуживания.

Самой главной для них услугой является здравоохранение, точнее медицинская, социальная и психологическая помощь, де-факто осуществляемая через органы здравоохранения. Пенсионеры пользуются той формой медицинского обслуживания, которую они считают государственной и бесплатной. Как сказано, они готовы платить своим временем, но не готовы деньгами.

Пенсионеры переполняют поликлиники. Они предъявляют повышенный спрос на койко-места в стационарах. Медпомощь пенсионерам имеет значительную специфику, включает значительный компонент психотерапии, социальной поддержки, социальной помощи, т.е. непрофильных для системы здравоохранения навыков и услуг. Гериатрическая специфика в собственно медицинском обслуживании также велика. Меж тем, медицинские учреждения, через которые оказывается помощь этой категории населения, не специализированы (например, как педиатрические). Системе перешедшей на платность, сложно продолжать оказывать бесплатные услуги пенсионерам.

Она идет на снижение качества этих услуг, прежде всего, именно в их медицинской составляющей. Пенсионеры объективно мешают там активному работающему населению получать стандартные медуслуги.

В учреждениях, оказывающих другие виды услуг и помощи (юридическая помощь, коммунальные услуги и пр.) существуют эти же проблемы, выраженные с разной степенью остроты.

Еще раз подчеркнем, что с точки зрения пенсионеров, за все дефекты названных систем несет ответственность государство. Более точно — это частные случаи, примеры безответственности государства, то есть, ответственности нынешнего государства за разрушение прежнего (советского) государства, которое для них выступает эталоном «отношения к человеку».

Общение пенсионеров с государством в символическом плане происходит через посредство телевидения. Значимыми являются только три федеральные канала. Они покрывают всю или почти всю населенную территорию страны. Их, и только их программы и передачи смотрит эта часть населения. Для нее нет альтернативных источников информации по большинству тем и сюжетов. Ни Интернет, ни центральные газеты/журналы не являются для них значимыми каналами. Важны для них местные теле- и радиовещатели, местная периодика, которую читают прежде всего пенсионеры, но они трактуют только локальные темы.

Эта аудитория позитивно восприняла предложенную основными каналами ретро ориентацию в области кинопоказа, области массовой культуры, символических действий, типа празднований, юбилеев и т.п. Она приняла как адресованные именно ей символические жесты по восстановлению советской символики, однако нельзя утверждать, что этими средствами удалось «купить» лояльность этой аудитории.

Как и в случае с системами обслуживания, эти потребители не воспринимают работу телевидения и других систем, которые они считают государственными, в качестве услуги, т.е. действий, которые в принципе наподобие товара имеют стоимость и цену. Они ее воспринимают в качестве блага, т.е. того ресурса, который изначально принадлежит им по их неотъемлемому праву. В обязанность государства входит предоставлять им это благо. Таков, по их представлению, порядок вещей.

Важно, что эти отношения пенсионеров с государством представляются им само собой

разумеющимися. Здесь, кажется, можно было бы вести речь о социальном контракте, суть которого такова: пока пенсии платят, базовый социальный порядок существует. Но нарушение этих отношений немислимо для обеих сторон. Этим он отличается от контракта, который в принципе может быть расторгнут при тех или иных условиях. Протест пенсионеров при попытке монетизации льгот был вызван вовсе не тем, что они почувствовали себя экономически ущемленными, либо обманутыми. Произошло нечто, с их точки зрения, куда более плохое: государство, отменяя льготы, показало, что оно более не состоит с ними в особых отношениях. Немедленная реакция властей, отозвавших свои инициативы, показывает, что и эта сторона признала священность (а не условность) этих отношений.

Политическая роль пенсионеров. Пенсионеры, как убеждены все политики — наиболее лояльная, послушная и доступная манипуляциям категория избирателей. Это действительно наиболее лояльная среда, но это же — единственная социальная группа, внутри которой существует осязаемая идеологическая оппозиция режиму Путина. Она не имеет почти ничего общего с либеральной оппозицией (Немцов, Каспаров, Лимонов и др.), но именно в этой среде находится наивысшая доля тех, кто осмеливаются говорить интервьюерам Левада-Центра, что их не устраивает то, как Путин исполняет свои обязанности на посту президента или премьера. (Например, летом 2011 г. среди молодых людей заявляли, что не одобряют деятельность В.Путина на посту премьера — 23%, среди пожилых — 36%).

Политическая составляющая этого неодобрения — весьма специфического характера. Часть этого пожилого электората хранит претензии к Путину как к назначенцу Ельцина и потому отвечающему за действия «демократов». Часть полагает, что Путин — ставленник олигархии. В этом моменте пожилые избиратели могут находить общий язык с либеральной оппозицией. Как и она, эта часть электората чаще прочих выступает за свободные выборы, т.е. отвергает принимаемый остальным обществом сговор Путина и Медведева. Этим пожилым избирателям тоже нужны «настоящие» выборы, поскольку (по состоянию за год до президентских выборов) они намерены не заниматься демонстрацией лояльности тому лидеру, которого им предложат, а выдвигать своего кандидата — Зюганова — и бороться за его победу. За Зюгано-

ва проголосовали бы, по их словам, по данным начала 2011 г., больше, чем в других возрастных группах, в 2-5 раз.

Старческое сознание как политический ресурс. До выступлений молодежи на Манежной площади в Москве и аналогичных демонстраций в других местах в декабре 2010 г. не приходилось говорить о политической ее активности. Место молодежи как заведомо главного активного политического слоя в нашей стране занимали пенсионеры. Активность молодежи в других странах принято объяснять ее относительной свободой, невключенностью в корпоративные структуры с их дисциплиной и пр. Это же верно и для пенсионеров. Они, как это ни парадоксально ведут себя свободнее всех остальных групп в обществе¹.

Нынешние пенсионеры встретили эпоху перестройки и гласности, эпоху ломки тоталитарного режима, находясь в активном возрасте. Это они тогда были основной массой на полумиллионных митингах в Москве и менее людных — в других городах. Уроки (митинговой) демократии если и были восприняты, то именно этим слоем.

Есть определенная закономерность в развитии идеологических привязанностей, давно отмеченная британскими наблюдателями: те, кто в молодости были социалистами, к зрелым годам переходят в консерваторы. Эта закономерность в России выполняется по-своему: те, кто в зрелом возрасте были «демократами» (по терминологии 90-х), переходя в пенсионный возраст, становятся сторонниками КПРФ. В 1980—1990-е гг., во времена их «демократической фазы», сторонниками КПСС/КПРФ — в этом смысле их тогдашними политическими оппонентами — были люди, которые были их старше на полпоколения, те, кто прожили в условиях советского строя основную часть жизни. «Демократы 80-х-90-х» пережили разочарование в реформах Горбачева-Ельцина (но также многие и в действиях Путина) и перешли на позиции своих бывших оппонентов, «советских людей», стали поддерживать КПРФ. Разумеется, нынешняя КПРФ не есть партия борцов за коммунизм. Если брать не ее программные заявления,

¹ В обстоятельствах конфликта тех или иных групп населения с местными властями нередко лидером оказывается пенсионер. В зависимости от местных условий давление властей на такого активиста, т.е. репрессия, может принимать достаточно жесткие формы, включая угрозу здоровью и жизни. Однако, пенсионера отличает от других граждан то, что лишиться пенсии — основы его социального статуса — местные власти не в состоянии.

а позиции тех, кто ее поддерживает на выборах, то видно, что она объединяет сторонников государственного-социалистического строя в его советском варианте. По отношению к существующему режиму они выступают с критикой со стороны консервативно-фундаменталистской, но одновременно и с требованиями соблюдения законов. В ценностной основе имеющегося имиджа КПРФ есть, таким образом, нечто созвучное положению старшего поколения как такового в современной России. Иначе говоря, КПРФ оказывается политической силой в той мере, в какой она является партией пожилых людей.

Гражданскую и политическую активность, которую во многих странах обычно демонстрируют студенты, у нас, повторим, проявляют пенсионеры, обнаруживая сходство социальных предпосылок к тому со студенчеством. И те и другие меньше подвержены контролю и давлению со стороны основных управляющих инстанций в обществе, поскольку еще или уже не работают, т. е. еще не вошли в или уже вышли из корпораций, каковыми являются предприятия и учреждения с их разносторонним контролем над наемными работниками.

Пожилые люди играют значительную, порой решающую роль во внутренней и внешней политике страны, но не как активная, а как пассивная сторона. В действиях политиков, прежде всего, действиях символических, демонстративных, пожилые люди выступают в качестве целевой группы, адресата. Часть программ, действий, политических линий открыто и прямо адресована этому сегменту общества, демонстрирует заботу о нем, понимание его нужд¹.

Во второй половине 1980—1990-х гг. представители нынешнего старшего поколения сначала поддержали М. Горбачева и предложенные им перемены, потом Б. Ельцина с его заманчивыми обещаниями. Но это привело к результатам, которых они не ожидали. Для большинства старых людей эти события означали утрату сделанных за жизнь социальных накоплений, независимо от того, выражались ли они в деньгах, в научном, профессиональном и житейском

опыте, в праве на авторитет, уважение, самоуважение.

Как мы говорили, концепция старения, негласно принятая в нашей стране, подразумевает как априорное уважение к опыту старших, так и — в свой час — его утрату. Перемены, потрясшие Россию, привели к тому, что этого социального капитала лишили все поколение разом. Ходячее выражение «ограбление народа» имело столь широкое распространение именно потому, что даже те, кто не терял в деньгах, пережили символическую депривацию, причем не в одиночку, а коллективно. Последнее создавало ощущение, что они — «народ».

Другая часть общества, молодые, впервые за долгое время получили возможность исключительно быстрого накопления материальных и различных символических благ. Сложилась неведомая другим обществам перевернутая пирамида богатства. Вместо обычной закономерности (чем старше человек, тем больше у него накоплений) у нас почти десятилетие подряд действовал обратный закон. Основные активы тогда оказались в руках молодой части общества.

Основные инструменты политического влияния и контроля также перешли к новым или существенно обновленным группировкам. Сложилась ситуация, при которой страна могла сделать рывок, сравнимый с рывком 1920—1930-х гг., когда управление страной также находилось в руках молодых элит, опиравшихся на молодую часть общества. Но, как выяснилось, «молодые» элиты нынешней волны не располагали достаточным запасом идей по реформированию общества. Разочарованное старшее поколение обратилось вновь к тем символам, которые были усвоены ими в «прошлой жизни». «Коммунизм», «социализм», «Советская власть», «Советский Союз» — все это отсылает к одному и тому же общему символическому целому. Оно обладает очень важными качествами: равно доступно всем (в воспоминаниях) и безусловно утрачено всеми вместе с утраченными каждым собственными материальными и/или символическими ресурсами.

Под знаменами ностальгии и реванша оказались люди, которых объединял общий признак — старость, с ощущением, что они обладают бесценным опытом, и предчувствием, что этот опыт не востребован, а его носители вытесняются из жизни. Подчеркнем: в нормальных условиях эта социальная программа старости реализуется для каждого в индивидуальном порядке. Здесь же она осуществляется в мас-

¹ При желании можно искать этому объяснение в общей российской культуре, декларирующей заботу о пожилых, о ветеранах в качестве ценности для всех. Власть, проявляющая такую заботу, считается, может рассчитывать на благодарность как собственно пожилых, так и остальных, более молодых жителей страны. Здесь мы не будем обсуждать, насколько основателен данный расчет, насколько эмоциональными или рациональными являются стремления властей сделать что-то в интересах старшего поколения.

штабах всего общества. Объединенное общей обидой, общей судьбой и общей идеологией старшее поколение могло стать огромной силой. Нашлись политические лидеры, которые захотели ею воспользоваться.

В тех случаях, когда предпринимались и предпринимаются политические шаги консервативного и консервирующего характера, вроде возвращения советской символики, возвращения к политическим ориентирам советского времени, подразумеваемым обоснованием является ориентация на (воображаемую) позицию «старшего поколения», «ветеранов». Это, так сказать, наши «добрые старые ценности», дорогие нам в силу почтения к ветеранам. Между тем, за давностью лет реальных ветеранов, истонных носителей подобной идеологии уже нет среди активных политических сил. Есть люди, которые в силу приближения к старческому возрасту принимают эти «ветеранские» символы и причитающееся почтение. Но, самое главное, есть политики — сколь угодно молодые — которые имеют интерес в том, чтобы навязывать обществу в целом старческий консервативный дискурс, ради того, чтобы сохранять свою роль правителей и не уступать место политикам, предлагающим более новые модели.

Этот способ — один из самых широко применяемых в российской политике в качестве тактического средства. Надо отметить небезобидность такого приема для целей национального развития. Применение раз за разом подобной тактики превращает ее в стратегию. Россия как страна становится и в собственных глазах и в глазах окружающего мира консервативной силой. Такая репутация как стигма получает в свою очередь собственную инерцию, загоняя страну в соответствующую нишу еще глубже.

Ретроориентация российской общественной жизни, когда все идеалы ищутся в историческом позавчера или еще более давнем прошлом, является одним из элементов описанной выше стратегии. Она сочетается с возникшей еще в 90-е годы — в результате последовательного краха и коммунистической, и демократической перспективы — блокировкой будущего в массовом сознании. Эта блокировка или, по удачной формулировке Л.Гудкова, «аборт будущего», заключается в отказе видеть, обсуждать будущее своей страны как положительное состояние. Общественное сознание дает согласие рассматривать только перспективы физического или политического «конца света». Последний существует под названием «третья мировая война», или «распад России». Ничье и никакое

существование за этим пределом не рассматривается¹.

Старческий по типу дискурс оказывается господствующим в обществе. Отметим, еще и еще раз, что он не связан с возрастом элиты. В эпоху брежневской и постбрежневской геронтократии такого не было. Ныне же, когда властвующая элита состоит из относительно молодых людей и ее главные символические фигуры акцентируют признаки молодости в своем имидже — катаются на горных лыжах, демонстрируют обнаженный торс и т.п. — их риторика и дискурсивная практика в темпоральном плане остаются старческими, не включающими будущее.

В этом смысле они воспроизводят конструкцию, которая присуща сознанию обывателей. В последнем дискурсы резко разделены на публичный и приватный. В рамках последнего будущее есть, оно практически освоено. Люди делают различного рода инвестиции, заключают фьючерсные контракты в отношении различных видов капитала, прежде всего — социального в форме образовательного, планируют будущее своих детей на десятилетия и пр. Для пожилых характерно, уповать на «молодых», и вообще «молодость» является здесь главным футуро-ориентированным состоянием. Но это, повторим, в частной жизни каждого человека, его семьи, его близких.

При переходе в общественное пространство люди перестают видеть будущее. Недаром политики лишь недавно решились предлагать стратегии, планы на десятилетие вперед. Общественного резонанса, что характерно, эти планы не получают. Старческое по типу общественное сознание имеет перспективой только свой скорый конец, думать о котором оно себе запрещает. Борясь с сознанием неизбежности этого конца, оно начинает приписывать свой конец, свое поражение козням и злоумышлениям врагов, активно порождает разнообразные фобии и подозрения относительно всех, кто его окружает.

Еще во времена М. Горбачева к «перестроечной» риторике начали добавлять социальную демагогию, рассчитанную на «обездоленных», т.е. в первую очередь, стариков. Далее не было ни одного политика, который хоть раз не по-

¹ В обстоятельствах конфликта тех или иных групп населения с местными властями нередко лидером оказывается пенсионер. В зависимости от местных условий давление властей на такого активиста, т.е. репрессия, может принимать достаточно жесткие формы, включая угрозу здоровью и жизни. Однако пенсионера отличает от других граждан то, что лишиться пенсии — основы его социального статуса — местные власти не в состоянии.

пробовал бы привлечь на свою сторону пожилой электорат. Постепенно сложилась новая норма представления социальной реальности. Она вобрала в себя основанный на ностальгии и обиде дискурс стариков.

При этом реальные экономические и социальные меры правительства, активность предпринимателей учитывают интересы старшего поколения лишь постольку, поскольку это им выгодно с точки зрения их интересов и целей. Экономическая политика во многом является «либеральной», предоставляющей людям, в т.ч. пожилым, самим заботиться о себе. Но символическое покрытие всей действительности через СМИ осуществляется теперь как развертывание идеологии «старших», а она является «социалистической», родной для «советского человека». По аналогии с описанными выше механизмами старческого/архаического сознания, забытые песни и другие семантические конструкции отмененного было прошлого всплывают в общественной памяти, которая теперь работает как память старческая.

Наша страна долго существовала в условиях геронтократии и почти так же долго оправлялась от ее последствий. Нынешняя «правлящая элита» в возрастном отношении молода. Но господствующий дискурс, как было сказано, заимствован у старшего поколения. Молодые могут строить свои представления о мире, о стране лишь как частные, не имеющие свойств нормативности, всеобщей обязательности. В итоге Россия видит себя более бедной и разоренной, чем она есть на самом деле, но развивает претензии и амбиции, которые не может обеспечить своим реальным потенциалом.

Резюмируя эту ситуацию в категориях молодости/старости как общих метафор развития, можно сказать следующее. Страна объективно должна решать задачи модернизации, т. е. «омоложения» всего своего материального и символического капитала, но имеет ретроориентированную, «старческую» фундаменталистскую идеологию.

Володымыр КУЛЫК

Языковые практики и представления граждан Украины: социально-демографический аспект

Хотя острота языковой проблемы в Украине отчасти обусловлена стремлением политиков использовать различие предпочтений разных групп населения в своих электоральных целях, не меньшую роль играет само это радикальное различие. К сожалению, перекладывание вины за языковую проблему на политиков проявляется не только в общественном мнении и представляющем (а также направляющем) его медийном дискурсе, но и в исследовательских приоритетах ученых, эту проблему изучающих. За редкими исключениями, в социологических исследованиях долгое время присутствовали всего несколько связанных с этой проблемой вопросов, что не позволяли подробно изучить разнообразие предпочтений граждан. В последние годы было проведено несколько основательных исследований, результаты которых представили более подробную картину языковых практик и представлений. Однако публикации по материалам этих исследований¹ не содержат систематического анализа различий между разными группами населения, то есть не рассматривают влияние определяющих эти группы демографических характеристик на использование языков самими респондентами, на их предпочтения относительно языковой ситуации и политики. Именно такой анализ является целью настоящей статьи, использующей данные самого подробного из посвященных украинской языковой проблеме опросов — общенационального репрезентативного исследования, проведенного в декабре 2006 года Киевским центром «Громадська думка» в рамках международного проекта исследования языковой политики Украины при финансовой поддержке Международной ассоциации содействия сотрудничеству с учеными новых независимых государств бывшего Советского Союза (INTAS)².

¹ Мовна політика та мовна ситуація в Україні: аналіз і рекомендації / Ред. Ю. Бестерс-Дільгер. — Київ, 2008 (англомовна версія: Language Policy and Language Situation in Ukraine: Analysis and Recommendations / Ed. by J. Besters-Dilger. Frankfurt am Main, 2009); Мовна ситуація в Україні: між конфліктом і консенсусом / Ред. О. М. Майборода та ін. Київ, 2008; Вишняк О. Мовна ситуація та статус мов в Україні: динаміка, проблеми, перспективи (соціологічний аналіз). Київ, 2009.

² Основные результаты проекта см.: Мовна політика та мовна ситуація в Україні: аналіз і рекомендації.

Избранный метод анализа — сравнение средних значений предпочтений различных групп респондентов — не столь строг, как регрессионный анализ, позволяющий оценить независимый вклад каждого изучаемого фактора³, однако более нагляден и прост для понимания. Я ограничусь тремя демографическими факторами или характеристиками — возрастом, образованием и материальным положением, — влияние которых менее очевидно и слабее изучено, чем влияние национальности, региона и типа населенного пункта (пол на языковые предпочтения почти не влияет, поэтому о нем я тоже говорить не буду). Хотя каждый из трех факторов будет рассмотрен отдельно, я вместе с тем попытаюсь учесть их возможное взаимодействие, фиксируя значение какой-то одной демографической характеристики (скажем, языка повседневного общения) и анализируя образованную таким образом часть выборки по другой характеристике (например, материальному положению). В каждом случае я буду начинать анализ с языковых предпочтений респондентов в их собственном общении, сравнивая влияние рассматриваемых факторов для разных частей выборки и разных коммуникативных практик. Потом я сопоставлю языковую практику респондентов с уровнем их владения украинским и русским языками, проверяя таким образом, обусловлен ли выбор в пользу определенного языка лучшим знанием его, чем другого⁴. На последнем этапе анализа я сравню языковую практику с предпочтениями респондентов относительно языка общения и обучения их детей и относительно языковой ситуации в обществе в целом, чтобы выяснить связь между тем, что члены разных групп делают сами, и тем, что

³ Регрессионный анализ некоторых результатов этого же опроса см.: Кулык В. Родной язык и язык общения: на что должна ориентироваться языковая политика? // Вестник общественного мнения. 2010. № 3. С. 75–86.

⁴ Все опросы оперируют собственными оценками респондентов, отражающими их (опосредованное соображениями корректности и лояльности) представление о том, что они делают, умеют или чего хотят. Хотя у разных людей разные представления о том, что означает говорить на двух языках «в равной степени» или владеть языком «очень хорошо», нет оснований предполагать систематические различия между определенными группами по применяемым для таких оценок критериям.

хотели бы видеть в других. В заключение речь пойдет о вероятных последствиях обнаруженных эффектов для эволюции украинской языковой ситуации в обозримом будущем.

Возраст. Важность этого фактора обусловлена прежде всего тем, что различия между практиками или представлениями разных возрастных групп указывают на вероятное направление изменений в исследуемом явлении. К примеру, исследователи этнонациональных процессов в СССР анализировали трансформацию возрастной структуры отдельных этнических групп как фактор изменения этнической структуры советского общества, а значит, и возможной коррекции государственной политики, призванной согласовывать интересы разных частей общества¹. Подобным образом различия между языковыми предпочтениями младших и старших поколений ведут к изменению количественного соотношения между языковыми группами, отражающему влияние языковой политики предшествующих лет и, вместе с тем, побуждающему органы власти корректировать политику на будущее. Поскольку межпоколенческие различия в практиках и представлениях отчасти связаны с большим стремлением молодых людей к переменам, можно ожидать от них большей поддержки и более активного употребления украинского языка как части постимперской эмансипации, включающей также демократизацию, рыночные реформы и переориентацию на Запад. Сравнивая языковые практики и представления младших и старших поколений, мы можем проверить справедливость этого ожидания и таким образом оценить

место языка в процессе постсоветской трансформации украинского общества.

В верхней части табл. 1 представлены средние значения указанных респондентами языковых предпочтений в некоторых коммуникативных практиках для четырех возрастных групп (когорт), определенных следующим образом: 1 – от 18 до 29 лет, 2 – от 30 до 45, 3 – от 46 до 59, 4 – 60 и старше. Для характеристики языка коммуникативных практик респондентам была предложена трехзначная шкала: 1 – преимущественно на украинском, 2 – поровну на украинском и русском, 3 – преимущественно на русском. Таким образом, средние значения ниже 2 указывают на большее употребление украинского, а выше 2 – русского. Чтобы по возможности отделить предпочтения самих респондентов от влияния внешних факторов, я рассматриваю и те практики, где выбор языка отчасти определен формальными требованиями и/или неформальными нормами (общение на работе), и те, где выбор является результатом взаимодействия между участниками, не всегда равного и всегда зависящего от общественных норм (общение с друзьями и в семье), и те, где люди могут выбирать язык сами, но с учетом возможностей и тенденций соответствующей сферы (просмотр телепередач). Кроме выборки в целом, я анализирую также значения для двух наиболее отличных типов населенных пунктов, специфическое окружение которых может влиять на языковые практики респондентов: больших городов с населением свыше 100 тыс. жителей и поселков и сел с населением меньше 20 тыс. (данные для малых городов не указаны, чтобы чрезмерно не загромождать таблицу).

Таблица 1

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК И УРОВНЕЙ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКАМИ ДЛЯ ЧЕТЫРЕХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП РЕСПОНДЕНТОВ

	Все респонденты				Жители больших городов				Жители поселков и сел			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Общение на работе/ учебе	2.09	2.08	2.03	2.07	2.34	2.37	2.43	2.44	1.70	1.65	1.58	1.58
Общение с друзьями	2.14	2.09	2.00	1.99 (***)	2.40	2.39	2.36	2.42	1.76	1.67	1.62	1.55 (**)
Общение в семье	2.09	2.09	2.05	2.03	2.37	2.40	2.48	2.49 (*)	1.66	1.61	1.57	1.52
Просмотр телепередач	2.14	2.09	2.07	2.06 (*)	2.23	2.18	2.21	2.28	2.00	1.94	1.91	1.83 (**)
Владение украинским языком	2.19	2.24	2.27	2.35 (**)	2.15	2.19	2.31	2.42 (***)	2.15	2.22	2.21	2.29
Владение русским языком	2.10	1.96**	2.06*	2.27*** (***)	1.83	1.72	1.74	1.83	2.45	2.34	2.38	2.68*** (**)

¹ См., например: Hajda L. Nationality and Age in Soviet Population Change // Soviet Studies. 1980. Vol. 32. No. 4. P. 475–499.

Статистически значимые различия между средними значениями для двух соседних категорий в этой и последующих таблицах обозначены звездочками в колонке справа, а различия между объединенными категориями 1 и 2 против 3 и 4 помечены звездочками в крайней правой колонке для соответствующего распределения. Как обычно при таком маркировании, наборы звездочек отвечают следующим уровням значимости различий: * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

Как показывают значения для выборки в целом, все возрастные группы во всех рассмотренных типовых ситуациях используют русский язык больше или по крайней мере не меньше, чем украинский. К тому же молодые люди говорят по-русски не меньше, а больше, чем их родители и дедушки с бабушками. Точнее говоря, в тех случаях, где различия между когортами оказались значимыми, русский язык больше используют именно молодые респонденты¹. Примечательно, что люди в возрасте до 30 лет, выросшие в независимой Украине и в большинстве своем получившие образование на украинском языке, выбирают русский не реже, чем респонденты предыдущего поколения, социализация которых пришлась на времена масштабной русификации последних советских десятилетий. Преобладание русского языка и различие между возрастными группами особенно заметны в тех практических ситуациях, где люди могут выбирать язык более-менее свободно: в общении с друзьями и просмотре телепередач. Хотя смежные категории различаются несущественно, указанные в скобках различия между объединенными группами респондентов до и после 45 лет в этих случаях значимы.

Для респондентов из больших городов указанные различия несущественны, что указывает на обусловленность различий во всей выборке большей концентрацией молодежи в городах с их преимущественно русскоязычной средой. В то же время оказывается, что в семье молодые горожане используют украинский язык несколько чаще, чем старшие, — это может означать переход на украинский определенной части воспитанной на русском молодежи при общении с супругами и/или детьми. С другой стороны, в поселках и селах молодежь значительно чаще, чем люди постарше, использует русский в практиках с большей свободой выбора языка, т.е. в общении с друзьями и просмотре телепередач. Это может быть связано либо

¹ Это отвечает результатам опроса, проведенного в 2007 году Институтом социологии НАН Украины: Вишняк О. Мовна ситуація та статус мов в Україні. С. 55–61.

с более продолжительным пребыванием молодых людей в городах, где они привыкают к русскому языку и сохраняют эту привычку по возвращении в села, или же с имиджем этого языка как более современного и приспособленного для практик, представляющих для молодежи особый интерес: технологии, бизнеса, массовой культуры и т.п. Для проверки этих предположений нужны новые исследования.

В любом случае, более ограниченное использование украинского языка среди молодежи не является следствием худшего владения им. В двух нижних строчках табл. 1 приведены средние значения указанных респондентами уровней своего владения украинским и русским языками на шкале от 1 (очень хорошо) до 5 (очень плохо)². Оказывается, молодые респонденты оценивают уровень владения украинским языком выше, чем люди старших поколений — и для выборки в целом, и для отдельных типов поселений, влиянием которых, следовательно, это различие не объясняется. В то же время русский язык молодые люди знают несколько хуже, чем респонденты после 30 лет (хотя и лучше, чем пожилые), что не удивительно ввиду обучения большинства молодежи в украинскоязычных школах, где русский зачастую не преподавался даже как предмет. Однако в городах даже молодые респонденты владеют русским языком значительно лучше, чем украинским, хотя для них различие уровней владения двумя языками меньше, чем для людей старших поколений. Это означает, что преобладание русского языка в семье, на улице и в массмедиа с лихвой компенсирует отсутствие школьного обучения, в то время как доминирование украинского на уроках без активного использования в других практиках не обеспечивает столь же хорошего владения.

Более того, молодые люди не особенно заинтересованы в изменении языковой ситуации в пользу украинского языка. Как показывают верхние строчки табл. 2, где приведены средние значения (на той же трехзначной шкале, что и для рассматриваемых выше коммуникативных практик) предпочтений возрастных групп относительно языка общения и обучения своих детей или будущих детей, молодежь не отличается от старших поколений большим стремлением приобщить детей к украинскому языку.

² Следует отметить, что использование разных шкал для оценки языковых практик и уровней владения языками ограничивает возможность «вертикального» сравнения значений вопросами одного типа, при котором, к тому же, надо помнить о вероятной незначимости небольших различий.

Хотя средние значения для всех групп меньше 2, что означает (в отличие от практик самих респондентов) предпочтение украинскому языку перед русским, близость этих значений к 2 показывает, что люди хотели бы использовать оба языка почти в равном объеме. При этом молодое поколение не меньше старших хочет сохранить русский язык в языковом репертуаре своих детей и, следовательно, общества в целом.

Не отличаются и предпочтения разных возрастных групп относительно использования языков в обществе и политике, призванной это использование регулировать. В нижней части табл. 2 приведены средние значения ответов на следующие вопросы:

– о желательном объеме использования украинского и русского языков (варианты ответов: 1 – в большем объеме, чем теперь; 2 – в таком же, как теперь; 3 – в меньшем, чем теперь);

– о желательной языковой ситуации в Украине в будущем (1 – украинский язык станет основным во всех сферах общения, 2 – Украина будет двуязычной страной, 3 – русский язык станет основным во всех сферах);

– о желательных статусах двух языков (1 – вытеснение русского языка из всех сфер жизни, 2 – статус русского как одного из языков меньшинств, 3 – употребление русского параллельно с украинским только как разговорного, 4 – параллельное употребление русского как официального языка в тех областях, где большинство населения этого хочет, 5 – статус русского как равноправного с украинским государственного языка, 6 – статус русского как единственного государственного языка с вытеснением украинского из всех сфер жизни).

Что касается желательного объема употре-

украинского языка и более ограниченное – русского. Впрочем, не все из желающих более активного использования одного языка хотят, чтобы другой использовался меньше, иначе сумма значений для этих двух строчек была бы равна 4, а так она в каждой колонке меньше этого уровня. В то же время, отвечая на вопрос о желательной языковой ситуации в будущем, больше респондентов всех возрастов выбрали двуязычие страны, предпочтя его господству украинского языка во всех сферах. Разнонаправленность предпочтений по этим двум вопросам еще раз демонстрирует присущую украинскому населению амбивалентность¹. Наконец, в вопросе о статусах двух языков средние значения предпочтений всех возрастных групп лежат между нынешним употреблением русского как параллельного разговорного языка (значение 3) и отстаиваемым умеренной частью защитников этого языка признанием его как официального в тех регионах, где большинство населения этого хочет (значение 4). Из-за применения в этом случае более подробной шкалы даже достаточно большие различия могут оказаться незначимыми.

Ввиду продемонстрированных выше различий в языковых практиках возрастных групп можно предположить, что сходство их предпочтений относительно языковой ситуации и политики является результатом взаимного уничтожения двух противоположных эффектов: более активного использования русского языка молодежью и, среди русскоязычных респондентов, более благосклонного отношения молодых людей к распространению и государственной поддержке украинского языка. Чтобы проверить эту гипотезу, в табл. 4 приведены также предпочтения разных возрастных групп от-

Таблица 2

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП ОТНОСИТЕЛЬНО ЯЗЫКА ОБЩЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ИХ ДЕТЕЙ И ОПРЕДЕЛЕННЫХ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

	Все респонденты				Украиноязычные				Русскоязычные			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Общение детей	1.90	1.92	1.90	1.89	1.27	1.37*	1.39	1.36	2.37	2.39	2.43	2.44
Обучение детей	1.87	1.93	1.87	1.90	1.18	1.31**	1.31	1.36 (**)	2.32	2.47**	2.48	2.50 (**)
Объем использования укр. языка	1.70	1.69	1.71	1.74	1.26	1.28	1.34	1.44 (***)	2.02	2.05	2.12	2.19 (**)
Объем использования рус. языка	2.04	2.07	2.02	2.08	2.48	2.52	2.45	2.46	1.76	1.72	1.68	1.70
Ситуация в будущем	1.58	1.61	1.58	1.60	1.12	1.14	1.19	1.20 (*)	1.89	1.98**	1.91*	1.95
Статусы двух языков	3.21	3.30	3.16	3.23	2.33	2.33	2.33	2.58**	3.82	4.10**	4.05	3.87

бления языков, то респонденты из всех когорт поддерживают более активное использование

¹ Впервые на это явление обратил внимание Евгений Головаха: *Головаха Є. Особливості суспільної свідомості: амбівалентність суспільства та особистості // Політологічні читання. 1992. № 1. С. 24–39.*

дельно для украиноязычных и русскоязычных респондентов. Приведенные результаты показывают, что внутри языковых групп некоторые предпочтения действительно отличаются, хотя большинство значений остаются статистически неразличимыми. Что касается русскоязычных респондентов, то люди в возрасте до 30 лет более склонны давать своим детям образование на украинском и поддерживать приоритет этого языка в нынешнем правовом статусе и будущей языковой ситуации. Младшие поколения также больше, чем старшие, поддерживают увеличение объема использования украинского языка. Наличие значимых возрастных различий внутри языковых групп при их отсутствии во всей выборке подтверждает мою гипотезу о том, что кажущееся сходство предпочтений когорт является следствием взаимного погашения противоположно направленных различий для собственных языковых практик респондентов и их представлений о желательной ситуации в обществе. Таким образом, большая русскоязычность молодых людей не делает их твердыми противниками распространения украинского языка в обществе, однако в целом они относятся к усилению позиций титульного языка не лучше, чем их старшие, менее русскоязычные соотечественники. Молодежь ни в коем случае не является передовым отрядом украинизации, а украинский язык, следовательно, не воспринимается как обязательный элемент постимперской эмансипации и модернизации.

Образование. Этот фактор может влиять на языковые практики и представления, во-первых, повышая уровень владения изучаемыми языками и, следовательно, комфортность

их использования, во-вторых, изменяя социальное положение человека и связанную с ним заинтересованность в использовании определенных языков и, в-третьих, трансформируя восприятие отдельных языков/групп и языковой ситуации в целом. В советские времена в большинстве вузов Украины преподавание велось на русском, который потом становился главным языком работы и повседневной жизни выпускников, тем более что многие из них оставались работать в больших городах, где (за исключением западных областей) этот язык господствовал, особенно в престижных сферах. В то же время преимущественно украиноязычные жители сел в большинстве своем получали образование не выше среднего. Вследствие этого более образованные люди чаще, чем менее образованные, говорили по-русски, а русскоязычные были в среднем более образованы, чем украиноязычные. В независимой Украине большинство вузов перешли на украинский, как и многие престижные сферы, куда выпускники вузов приходят работать. Таким образом, образованным людям дается и знание этого языка, и заинтересованность в его функционировании. С другой стороны, большинство городов остаются преимущественно русскоязычными, а именно там в основном живут образованные люди, так что их коммуникативная практика содержит значительную долю русского языка, и это, в свою очередь, может влиять на их предпочтения относительно языковой ситуации и политики. Оба этих эффекта могут служить причиной различий в языковых практиках и/или предпочтениях образовательных групп, однако трудно предсказать, какой из них окажется более важным.

Таблица 3

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК И УРОВНЕЙ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКАМИ ДЛЯ ЧЕТЫРЕХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГРУПП РЕСПОНДЕНТОВ

	Все респонденты				Возраст до 45 лет				Возраст свыше 45 лет			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Общение на работе/учебе	1.97	2.11*	2.00**	2.13**	2.21	2.12	1.97**	2.14**	1.90	2.09**	2.04	2.12
Общение с друзьями	1.85	2.07***	2.04	2.16**	2.21	2.12	2.02	2.18**	1.76	2.01***	2.08	2.13 (***)
Общение в семье	1.90	2.07***	2.03	2.17**	2.22	2.10	1.98	2.18**	1.82	2.05***	2.10	2.17 (***)
Просмотр телепередач	2.03	2.09	2.10	2.12	2.26	2.13	2.06	2.13	1.97	2.03	2.17**	2.12 (***)
Владение укр. языком	2.45	2.25***	2.24	2.20 (*)	2.54	2.22**	2.14	2.22	2.42	2.27**	2.41	2.18**
Владение рус. языком	2.46	2.15***	2.03**	1.88***	2.10	2.17	1.95***	1.87 (***)	2.55	2.12***	2.15	1.89*** (***)

В табл. 3 приведены предпочтения членов различных образовательных групп для тех же коммуникативных практик, что и в табл. 1. Образовательные группы или категории относятся к следующим уровням образования: 1 — ниже среднего, 2 — среднее (или профессионально-техническое), 3 — базовое высшее (техникум или вуз I-II уровней аккредитации), 4 — полное высшее (вуз III-IV уровней аккредитации). Поскольку старшие поколения получали образование в СССР, а младшие — полностью или отчасти в независимой Украине, я рассматриваю различия между образовательными группами не только для всей выборки, но также отдельно для респондентов в возрасте моложе и старше 45 лет. Главной чертой общего распределения является значительная разница между первой группой и всеми остальными, то есть наибольшая украиноязычность наименее образованных людей, отражающая наследие советских времен¹. Впрочем, как показывают значения для трех других групп, рост образования не равнозначен повышению русскоязычности.

Отдельные распределения для младших и старших респондентов показывают две разные картины влияния образования на языковую практику: они соответствуют разным языковым предпочтениям советского и украинского государств вообще и их образовательных систем, в частности. Для старших поколений использование русского языка довольно равно возрастает с повышением образованности респондентов, что отражается, кроме разрыва между первой группой и остальными, в значимых различиях между двумя первыми и двумя последними группами (эти различия, напомним, указаны в скобках в крайней правой колонке). Единственным исключением является общение на работе или учебе, где внешние факторы приводят к сближению практик разных образовательных групп. Зато среди респондентов до 45 лет наименее образованные являются не менее, а более русскоязычными, чем остальные, хотя самые образованные не очень от них отличаются. Члены двух средних групп пользуются украинским языком несколько больше, хотя различия между группами для молодых поколений не столь значительные, как для респондентов постарше. Как видим, украинский язык перестал быть языком наименее образованных

людей, но (еще) не стал языком наиболее образованных, несмотря на все большее его использование в высшем образовании и престижных сферах занятости. По-видимому, это объясняется тем, что на работе образованные люди часто могут обходиться русским языком, используя украинский разве что в документации (но не в устном общении), а в формально украиноязычных вузах многие студенты и даже преподаватели переходят на русский сразу после окончания занятий, поэтому изменение официального языкового режима образования не очень влияет на языковую практику в других сферах.

Поскольку воздействие образования может быть разным для городских и сельских жителей, я также сравниваю языковые предпочтения образовательных групп для разных типов поселений (не показывая результаты этого сравнения в таблице). Внутри отдельных типов большинство различий между образовательными группами являются незначимыми, то есть различия во всей выборке обусловлены проживанием менее образованных людей главным образом в селах и поселках, где преобладает украинский язык. Значимые различия между группами имеют место только в больших городах, где наиболее образованные респонденты наиболее русскоязычны, хотя на работе они используют больше украинского, во многих случаях согласно должностным обязанностям. К тому же даже в больших городах более образованные люди общаются на украинском языке не меньше, чем менее образованные (объединенные группы 3 и 4 против 1 и 2). Это означает, что *система образования* в Украине перестала говорить по-русски, но *образованные люди* все еще больше говорят на нем, хотя бы потому, что в основном живут в городах.

Сравнение уровней владения языками в разных образовательных группах (см. нижнюю часть табл. 3) позволяет лучше понять неоднозначную связь между образованием и языком. То, что более образованные люди знают оба языка лучше, чем менее образованные, может показаться тривиальным, но это означает, что и украинский, и русский языки являются частью образования, полученного не только в СССР, но и в независимой Украине. Однако чем образованнее респонденты, тем более их знание украинского отстает от знания русского, что подтверждает роль последнего как главного языка образованных людей, даже для младших поколений. Как и для языковых практик, различия между образовательными группами в отдельных поселенческих категориях намного

¹ Это согласуется с данными упомянутого выше (см. прим. 2) опроса Института социологии НАНУ: Шульга М. О. Функціонування української і російської мов в Україні та її регіонах // Мовна ситуація в Україні: між конфліктом і консенсусом / Ред. О. М. Майборода та ін. Київ, 2008. С. 68.

меньше, чем во всей выборке, однако некоторые важные черты общего распределения повторяются в частных. Наиболее отличаются знания наименее образованных респондентов и всех остальных, хотя для больших городов это различие оказывается незначимым. Примечательно, что если для городских респондентов, в основном русскоязычных, знание украинского языка во всех образовательных категориях, кроме первой, практически одинаково, то в основном украиноязычные сельские жители овладевают русским все лучше по мере повышения уровня образования, существенной частью которого, стало быть, этот язык остается.

Как указано выше, различия между образовательными группами во взглядах на языковую ситуацию и языковую политику могут быть связаны и с разными языковыми практиками, и с разными культурными и политическими ценностями. Табл. 4 показывает, как эти факторы взаимодействуют. Что касается языка общения и обучения детей, то респонденты в основном предпочитают тот язык, на котором говорят сами, поэтому больше всего отличаются предпочтения наименее образованных людей, которые и для детей хотят больше украинского языка, чем остальные. Как и для практик самих респондентов, это различие имеет место лишь среди старших поколений, тогда как среди младших наименее образованные люди отличаются большей, а не меньшей русскоязычностью. В то же время наиболее образованные люди отличаются от остальных повышенной готовностью дать детям больше украинского языка, чем используют сами, по-видимому, осознавая важность государственного языка для индивидуальной карьеры и/или национальной независимости. Этот эффект особенно хорошо виден при сравнении двух высших образовательных категорий в табл. 3 и 4: в первом случае

значения для категории 4 значительно больше, чем для категории 3, тогда как во втором случае они практически равны.

Предпочтения относительно языковой ситуации и языковой политики демонстрируют такие же различия на двух краях образовательного спектра, однако значимы они всего в нескольких случаях. Среди респондентов моложе 45 лет, и особенно среди жителей поселков и сел, более образованные люди сильнее поддерживают активное использование украинского языка, а в больших городах такие люди чаще предпочитают ограниченное использование русского. Люди с неполным высшим образованием чаще возражают против повышения статуса русского языка, чем респонденты из двух смежных категорий (2 и 4), а среди жителей поселков и сел такое различие имеет место между более и менее образованными респондентами (категории 3 и 4 против 1 и 2). Эти эффекты в основном отвечают тем, что были обнаружены в языковых практиках респондентов. Хотя люди с высшим образованием хотели бы, чтобы другие (в том числе их собственные дети) использовали украинский язык больше, чем они сами, они поддерживают распространение и поддержку этого языка не сильнее, чем их менее образованные и менее русскоязычные соотечественники. Как и молодежь, образованные люди отнюдь не являются твердыми сторонниками украинизации.

Материальное положение. Предположительное влияние этого фактора на языковые практики и представления довольно активно обсуждалось в публичном дискурсе. В частности, сторонники украинского языка неоднократно заявляли, что богатые люди не говорят на этом языке и безразличны к его судьбе, способствуя тем самым его маргинализации в обществе. Хотя публичное поведение известных

Таблица 4

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГРУПП ОТНОСИТЕЛЬНО ЯЗЫКА ОБЩЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ИХ ДЕТЕЙ И ОПРЕДЕЛЕННЫХ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

	Все респонденты				Возраст до 45 лет				Возраст свыше 45 лет			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Общение детей	1.83	1.92*	1.91	1.91	2.09	1.89*	1.90	1.91	1.76	1.95***	1.92	1.91
Обучение детей	1.84	1.90	1.90	1.90	2.17	1.90**	1.88	1.88	1.76	1.90**	1.93	1.92
Объем использования укр. языка	1.71	1.74	1.67*	1.70	1.75	1.74	1.64*	1.69	1.70	1.75	1.73	1.71
Объем использования рус. языка	2.12	2.03	2.06	2.05	2.12	2.02	2.10	2.05	2.12	2.03	2.00	2.05
Ситуация в будущем	1.58	1.60	1.58	1.61	1.66	1.60	1.56	1.62	1.56	1.59	1.62	1.60
Статусы двух языков	3.14	3.30	3.10**	3.28*	3.33	3.35	3.08**	3.31* (*)	3.09	3.25	3.15	3.25

бизнесменов во многом отвечает этому представлению, следует иметь в виду, что маленькую группу очень богатых людей вряд ли можно статистически анализировать при помощи общенациональной репрезентативной выборки. В то же время о практиках и представлениях намного большего количества обеспеченных людей и их отличии от более бедных известно мало. Активную поддержку средним классом Оранжевой революции можно было бы считать свидетельством поддержки курса лидера революции Виктора Ющенко на повышение общественной роли украинского языка, однако не ясно, насколько важен был для электората Ющенко языковой аспект его программы по сравнению с предполагаемой приверженностью демократии и европейской интеграции.

Очевидно, что материальное благосостояние может влиять на языковые практики и представления посредством изменения социального положения и связанных с ним интересов, но различия между богатыми и бедными могут быть обусловлены также разными практиками и представлениями тех демографических групп, к которым эти люди принадлежат. Например, можно предположить, что богатые люди, подобно образованным, живут преимущественно в городах, а не в селах. Чтобы выявить такие «перекося», я провел кросс-табуляцию частот релевантных в языковом отношении демографических переменных с четырехзначной мерой материального положения, основанной на собственных оценках респондентов, что их семья может себе позволить: 1 — «еле сводим концы с концами, денег не хватает даже на необходимые продукты», 2 — «хватает на питание и на приобретение необходимых недорогих вещей», 3 — «в целом на жизнь хватает, но приобретение вещей долгосрочного использования, таких как ме-

бель, холодильник, телевизор, вызывает трудности», 4 — «живем обеспеченно, но сделать некоторые покупки (купить квартиру, автомобиль) пока не можем». При этом очень маленькая и посему непригодная для статистического анализа группа тех, кто выбрал вариант «мы можем позволить себе приобрести практически все, что хотим», была добавлена к категории 4. Кросс-табуляция подтвердила, что среди жителей больших городов и людей моложе 30 лет непропорционально много самых обеспеченных респондентов, а среди жителей сел и людей старше 60 — самых бедных. Есть также некоторые региональные различия, но не столь большие, а кроме того, это различия не между востоком и западом, но между западом и центром, которые не очень отличаются языковыми практиками и представлениями. Итак, кроме выборки в целом, следует проанализировать с точки зрения различий между богатыми и бедными также отдельные поселенческие и возрастные группы.

Как показывает табл. 5, главное различие в языковых предпочтениях имеет место между тремя нижними категориями и высшей, члены которой используют русский язык намного больше во всех практиках, хотя не все различия значимы. Значения для остальных трех категорий статистически неразличимы. На первый взгляд, эти результаты подтверждают представление о том, что богатые люди более других предпочитают русский язык, однако отдельные распределения для младших и старших поколений корректируют это соображение. В то время как среди респондентов старше 45 лет разница между самыми обеспеченными и остальными еще больше, чем для выборки в целом, для младших когорт языковые практики людей с разным материальным положением почти

Таблица 5

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК И УРОВНЕЙ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКАМИ ДЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ ЧЕТЫРЕХ КАТЕГОРИЙ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

	Все респонденты				Возраст до 45 лет				Возраст свыше 45 лет			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Общение на работе/ учебе	2.05	2.04	2.06	2.16	1.99	2.05	2.12	2.07	2.07	2.04	1.97	2.37***
Общение с друзьями				2.19**								
Общение в семье	1.99	2.03	2.06	(*)	2.08	2.09	2.12	2.13	1.96	1.98	1.95	2.36***
Просмотр телепередач	2.06	2.03	2.05	2.22**	2.15	2.06	2.08	2.13	2.04	2.01	1.98	2.43***
Владение укр. языком	2.08	2.12	2.06	2.14	2.08	2.17	2.10	2.09	2.08	2.08	2.01	2.25***
Владение рус. языком				2.14				2.03**				2.41*
	2.30	2.36	2.22***	(***)	2.28	2.29	2.23	(*)	2.31	2.40	2.20***	(**)
				1.88***				1.88*				1.87**
	2.15	2.21	2.06***	(***)	2.10	2.15	2.00**	(***)	2.16	2.26	2.14*	(**)

одинаковы. Отдельный анализ для поселенческих групп подтверждает, что более активное использование обеспеченными людьми русского языка связано с их преимущественным проживанием в больших городах. Среди жителей определенного типа населенных пунктов обеспеченные люди неотличимы от остальных или даже чуть менее русскоязычны, особенно в больших городах.

В то же время различия в языковой практике только отчасти обусловлены различиями в уровне владения языками. Наиболее обеспеченные люди действительно лучше остальных знают русский, однако, и украинский тоже. Это верно не только для всей выборки, но и для отдельных поселенческих групп, поэтому разницу уровней владения нельзя объяснить лишь преимущественным проживанием обеспеченных людей в городах. Более того, такая же разница между самыми обеспеченными и остальными имеет место среди людей моложе 45 лет, для которых лучшее знание языков, вероятно, связано с большей образованностью (она, как отмечалось выше, все еще включает и украинский, и русский). Только среди старших поколений наиболее обеспеченные люди знают русский лучше, а украинский – хуже остальных, так что для них значительная разница между уровнями владения двумя языками действительно влияет на выбор языка общения. Что же касается молодых поколений, то обеспеченные люди больше говорят по-русски, чем по-украински, не потому, что не могут иначе, а потому, что (хоть и не без влияния внешних факторов) хотят действовать именно так. Впрочем, как показано выше, это можно сказать о молодом поколении в целом.

Предпочтения респондентов относительно языковой ситуации и политики меньше зависят от материального положения, но это означает, что, подобно молодежи, наиболее обеспеченные люди, сами говоря на русском языке, в то же время хотели бы, чтобы государство поддерживало украинский. Предвидя этот эффект, я представлю в табл. 6 значения для разных категорий материального положения во всей выборке и в отдельных языковых группах, а при обсуждении результатов упомяну также примечательные черты распределений для отдельных возрастных и поселенческих групп. Предпочтения респондентов относительно языка общения их детей оказались ближе к их собственным практикам, чем к их пожеланиям относительно языковой ситуации в обществе. Значимых различий между более и менее обеспеченными немного, и они неоднозначны. Что же касается обучения детей, то лишь среди старших поколений самые обеспеченные хотят больше русского языка, чем остальные, тогда как во всей выборке и в отдельных языковых и поселенческих группах эти люди не меньше других готовы дать своим детям образование на украинском. Таким образом, не горя желанием украинизировать *всю языковую практику* детей, обеспеченные люди осознают необходимость *обучения* на государственном языке для их последующего карьерного успеха.

Предпочтения относительно ситуации в обществе и политики государства демонстрируют осознание обеспеченными людьми важности украинского языка, а в этом случае – для укрепления украинского государства, которое многие, вероятно, считают предпосылкой собственного успеха. Хотя во всей выборке эти

Таблица 6

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ ЧЕТЫРЕХ КАТЕГОРИЙ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЯЗЫКА ОБЩЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ИХ ДЕТЕЙ И ОПРЕДЕЛЕННЫХ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

	Все респонденты				Украиноязычные				Русскоязычные			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Общение детей	1.93	1.91	1.87	1.96*	1.39	1.36	1.32	1.40	2.50	2.43	2.40	2.31
Обучение детей	1.93	1.90	1.87	1.94	1.40	1.33	1.25*	1.28 (**)	2.53	2.46	2.43	2.34
Объем использования укр. языка	1.79	1.70	1.72	1.66	1.50	1.37*	1.30	1.24 (**)	2.31	2.05**	2.13	1.92***
Объем использования рус. языка	2.00	2.02	2.09	2.06 (**)	2.39	2.44	2.49	2.64* (*)	1.62	1.71	1.72	1.79
Ситуация в будущем	1.59	1.62	1.60	1.55	1.23	1.18	1.16	1.08	1.96	1.97	1.96	1.79*** (*)
Статусы двух языков	3.33	3.21	3.22	3.22	2.81	2.58	2.23***	2.16 (***)	3.82	3.75	4.16**	3.87** (***)

люди почти не отличаются от остальных, в отдельных языковых и особенно поселенческих группах различия могут быть довольно большими. Среди русскоязычных респондентов более обеспеченные сильнее поддерживают увеличение объема использования украинского языка, а среди украиноязычных и жителей всех типов населенных пунктов они более склонны выступать за ограниченное использование русского. В обеих языковых группах и среди жителей городов наиболее обеспеченные люди также сильнее поддерживают господствующее положение титульного языка в будущем, хотя в вопросе о статусах языков эти люди отличаются более сильной украинизационной ориентацией только в украиноязычной части выборки.

Таким образом, из всех рассмотренных демографических категорий наиболее обеспеченные люди оказываются самыми твердыми сторонниками распространения и государственной поддержки титульного языка. Этот результат опровергает стереотип о враждебности или безразличии богатых людей к украинскому языку, точнее, показывает его неприменимость к довольно большому социальному слою обеспеченных людей, которых скорее следует рассматривать как средний класс. Продемонстрированная поддержка этим слоем украинского языка также показывает, что языковой вопрос не был незначимым в их выборе в пользу Ющенко, особенно если учесть ответы на вопросы о поддержке языковой политики двух главных соперников на выборах 2004 года. Даже в декабре 2006-го, в конце второго года явно неэффективного президентства Ющенко и в период наибольшего влияния Януковича как премьер-министра, наиболее обеспеченные респонденты значительно сильнее, чем их более бедные соотечественники, предпочитали украинизационную ориентацию первого попыткам второго добиться повышения статуса русского языка. Однако поддержка обеспеченными людьми украинизационной политики государства всего лишь компенсирует большую, чем у менее обеспеченных, русскоязычность их собственного общения, делая предпочтения разных по материальному положению групп статистически неразличимыми.

Заключение. Проведенный анализ продемонстрировал многогранное и довольно неоднозначное влияние трех демографических характеристик украинских респондентов на их языковые практики и на предпочтения относительно языковой ситуации и политики. Он подтвердил одни распространенные представ-

ления, опроверг другие и существенно откорректировал третьи. Пожалуй, для недостаточно информированного о ситуации в Украине российского читателя есть смысл обратить внимание на то, что очевидно для любого непредвзятого украинского: приведенные данные об использовании языков ясно показывают, что в Украине нет насильственной украинизации и пока что очень мало добровольной. С одной стороны, на работе или учебе члены всех языковых, поселенческих и других групп используют практически столько же русского языка, как в семье или с друзьями, то есть, по крайней мере в устном общении они в большинстве случаев могут общаться на том языке, который преобладает в данной местности вообще и их окружении в частности. С другой стороны, молодежь говорит по-русски никак не меньше, чем старшие поколения, то есть языковая практика всего общества смещается скорее в сторону русского языка, чем украинского — в том числе и вследствие отсутствия (сильного) давления со стороны государства.

Однако более интересным результатом исследования является обнаруженное противоречие между влиянием определенных характеристик на языковые практики самих респондентов, с одной стороны, и на их пожелания относительно языковой ситуации и политики, с другой. Это противоречие проявляется прежде всего в том, что некоторые категории респондентов — жители городов, молодежь и, особенно, обеспеченные люди — больше других используют русский язык сами и в то же время сильнее поддерживают использование украинского языка в обществе и заботу государства о его развитии. Впрочем, эта поддержка всего лишь компенсирует большую русскоязычность их собственного общения, так что их предпочтения относительно языковой ситуации и политики оказываются приблизительно такими же, как у остальных респондентов. Иначе говоря, преимущественное общение этих людей на русском языке не побуждает их выступать за повышение роли этого языка в обществе, но они не очень поддерживают и политику, призванную сделать украинский основным языком всех сфер общественной жизни. Кроме разве что наиболее обеспеченных людей, ни одну из указанных групп нельзя считать сторонниками украинизации.

Может показаться, что в результате такого взаимоуничтожения противоположных тенденций нынешние предпочтения всего украинского населения в обозримом будущем останутся

неизменными. Однако тот факт, что среди молодых поколений, в отличие от старших, наиболее образованные и наиболее обеспеченные люди не отличаются своей языковой практикой от остальных респондентов, корректирует это представление. Он показывает, что образование и обеспеченность уже не связаны с использованием русского языка, хотя носители этих характеристик все еще говорят преимущественно на нем. Поэтому со сменой поколений эти люди станут подобны по языку общения своим менее образованным и менее обеспеченным соотечественникам (во всем населении, а не только среди молодежи), а ввиду их склонности поддерживать украинский несмотря на использование русского, это будет означать значимое отличие этих категорий от остальных по уровню поддержки украинизации. Принимая во внимание социальное и политическое значение образованных и, тем более, обеспеченных людей, можно предположить, что этот эффект

существенно повлияет на языковые предпочтения всего общества и языковую политику государства. Впрочем, это возможно только в случае сохранения нынешней мягкой украинизационной политики, побуждающей (несмотря на все колебания) образованных и обеспеченных людей считать украинский язык одним из факторов, содействующих достижению успеха. Определенное ужесточение требований относительно использования украинского языка в государственном секторе и активизация мер, направленных на повышение его привлекательности среди населения, особенно молодого, повысило бы роль этого фактора. В то же время отказ от нынешней политики в пользу той или иной формы признания русского языка как официального сделал бы этот язык более важным для достижения успеха, чем украинский, а значит, подтолкнул бы предпочтения наиболее активных слоев общества в противоположном направлении.

Сергей НИКОЛЮК

Беларусь: между кризисом и катастрофой

О переменах, происходящих в белорусской экономике в 2011 г., можно судить по изменению официальной риторики. Если в первой половине года белорусов убеждали в том, что «кризиса в стране нет», то во второй половине речь уже идет об отсутствии в стране катастрофы. Склонность к негативной адаптации проявляется в Беларуси не только общество, но и власть. В 2006 г., на пике российских дотаций, в качестве основной задачи на ближайшую пятилетку Лукашенко видел повышение качества жизни граждан «до уровня сравнимого с западноевропейским». Предвыборная программа образца 2010 г. разрабатывалась уже в иных условиях. Тем не менее, тезис о европейском уровне жизни в ней сохранился, правда, в не столь категоричной редакции: «К 2015 году уровень жизни в Беларуси приблизится к европейскому». О том, насколько удалось продвинуться в данном направлении за первый год четвертой пятилетки можно судить по сентябрьскому высказыванию главы белорусского государства: «Главное, чтобы был покой, чтобы было что поесть и во что одеться»¹.

Но сможет ли власть справиться с очередной главной задачей? Ответ на этот вопрос сегодня не очевиден. Согласно октябрьскому прогнозу Министерства экономики, потребительская инфляция по итогам года составит около 100% (на 20 сентября — 69.7%). Столь аномальный рост цен нуждается в пояснении. Последний вариант официальной версии Лукашенко озвучил 7 октября на традиционной ежегодной встрече с российскими журналистами. У белорусской инфляции оказались внешние источники. Во-первых, «за единое экономическое пространство мы очень дорого заплатили»² (повышение с 1 июля 2011 г. ввозных пошлин на автомобили до российского уровня привело к дополнительному оттоку валюты из страны в связи с ажиотажным спросом на иномарки); во-вторых, пятикратный рост цен на российские энергоносители за последнюю пятилетку. Не обошлось и без субъективного фактора: «Нам «помогли» очень сильно, в том числе и российские СМИ,

и чиновники, которых уже нет (*экс-министр финансов РФ А. Кудрин — С.Н.*), которые создавали ажиотаж своими заявлениями».

Разумеется, существуют и альтернативные точки зрения. В качестве примера приведу фрагмент сообщения для прессы Международного валютного фонда от 13 сентября: «Белоруссия переживает экономический кризис. После окончания срока действия договоренности о кредите «стэнд-бай» в марте 2010 года произошло существенное смягчение экономической политики. В результате этого вырос дефицит счета текущих операций, и усилилось давление на резервы. После значительной потери резервов в начале 2011 года резко понизилось доверие к белорусскому рублю, что вызвало валютный кризис и вынудило центральный банк прекратить интервенции»³.

В переводе с языка экспертов фонда на язык политологии «существенное смягчение экономической политики» означает начало избирательной кампании в Беларуси. Нуждаясь во внешних кредитах, Лукашенко, тем не менее, отказался от продолжения сотрудничества с МВФ в 2010 г. Пролонгацию своих президентских полномочий на президентских выборах он традиционно обеспечивает за счет покупки голосов избирателей. А под такие мероприятия фонд денег не дает.

Но выборы закончились. Казалось бы, от смягчения экономической политики самое время переходить к ее ужесточению, что в нынешних условиях означает снижение реальной зарплаты минимум в два раза. На такой шаг четырежды «всенародно избранный» решиться не в состоянии. Зарплату и пенсии, оказывается, проще повысить, чем снизить. Понятно, что большинство государственных предприятий поддерживать декабрьский уровень зарплат в долларовом эквиваленте не в состоянии. Но это только сторонними наблюдателями «белорусская экономическая модель» может восприниматься как рыночная, в основе же ее лежит хорошо знакомое по советским временам директивное перераспределение ресурсов.

¹ www.belta.by/ru/pda?id=575532&page=8

² <http://www.interfax.by/news/belarus/99644>

³ <http://www.regnum.ru/news/1445064.html>

Когда ресурсов не хватает, то их одалживают или прибегают к помощи печатного станка. За январь-август 2011 г. государственный долг увеличился на 96.6%, вплотную приблизившись к отметке в 50% ВВП, а денежная база в широком определении — на 42.2% (в России за тот же период она сократилась на 9%). Сегодня ни одно выступление Лукашенко не обходится без указаний прекратить денежную эмиссию. Но печатный станок продолжает работать. Уровень инфляции — это показатель «силы» государства, его способности собирать налоги и ограничивать аппетиты многочисленных групп лоббистов, среди которых электорат занимает далеко не последнее место.

Рейтинговый вакуум. К сожалению, формируя анкету для сентябрьского опроса, социологи НИСЭПИ не учли, что отсутствие в стране кризиса сменилось отсутствием катастрофы и не сформулировали соответствующих вопросов. Что касается кризиса, то его наличие признало 88% респондентов (в июне — 82%). Доля счастливых, кризис не заметивших, за три месяца не изменилась — 8%.

Несмотря на набирающую обороты инфляцию, дальнейшего падения индекса материального положения не произошло (табл. 1). Его июньское значение сохранило за собой право на исторический минимум. Привыкнуть можно ко всему, в том числе и к снижению доходов. Основной фактор, влияющий на способность адаптироваться, — образование, точнее его отсутствие. Среди респондентов с начальным образованием доля тех, чье материальное положение за последние три месяца не изменилось, составила 34%, среди обладателей университетских дипломов — 17% (доля респондентов, отметивших улучшение своего материального положения слишком мала для разложения на социально-демографические составляющие).

Таблица 1
КАК ИЗМЕНИЛОСЬ ВАШЕ ЛИЧНОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	Сент. 2010	Дек. 2010	Март 2011	Июнь 2011	Сент. 2011
Улучшилось	19	25	17	2	5
Не изменилась	57	58	55	23	20
Ухудшилось	24	16	27	73	74
ИМП*	-5	9	-10	-71	-69

* Индекс материального положения (разность положительных и отрицательных ответов)

В такой зависимости есть своя логика: среди людей с начальным образованием преобладают пожилые женщины, живущие в сельской местности. Существенную часть своего дохода они получают «с огорода». Рост цен на импортные товары и коммунальные услуги их задевает в меньшей степени, чем горожан, а о существовании проблемы с конвертацией белорусского рубля большинство из них и не подозревает.

С точки зрения экономической теории, инфляция — это налог на бедных (на периферийные социальные группы). Из представителей данных групп и состоит в основном электорат белорусского батки. Но «человек экономический», с моделью которого привыкли работать экономисты, далеко не идентичен «человеку социологическому» и «человеку политическому». От опроса к опросу сторонники власти в Беларуси демонстрируют более низкую чувствительность к экономическим неурядицам, по сравнению с оппозиционно настроенными к власти гражданами. По всей видимости, осознание, что власть «своя», укрепляет чувство защищенности. Сентябрьский опрос в этом смысле не стал исключением. Среди противников власти, а таковых в сентябре оказалось 28%, к группе, чье материальное положение не изменилось, отнесло себя 12%, а среди лояльных к власти белорусов (56% от числа опрошенных) — 24%.

Индекс ожиданий также прекратил расти по причине, отмеченной выше. Надежда, как известно, умирает последней. И если доля тех, кто все еще верит в улучшение социально-экономической ситуации в Беларуси, по сравнению с июнем практически не изменилась, то в полку верящих в стабильность («Не изменится») произошло заметное пополнение. Как не сложно догадаться, среди оптимистов преобладают сторонники власти: 20% vs. 2%. В 10 раз!

Таблица 2
КАК ИЗМЕНИТСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	Сент. 2010	Дек. 2010	Март 2011	Июнь 2011	Сент. 2011
Улучшится	26	31	29	12	13
Не изменится	44	41	42	20	24
Ухудшится	20	17	23	56	53
ИО**	6	14	6	-44	-40

** Индекс ожиданий

Из трех социальных индексов за третий квартал снизился только индекс правильности курса (табл. 3), причем до исторического мини-

му. Предыдущий был зафиксирован в марте 2003 г. — минус 42. Таким образом, процесс адаптации к жизни в условиях гиперинфляции не остановил роста негативного отношения к курсу, которым движется страна, и, как будет показано ниже, негативного отношения к власти и ее персонификатору. Отметим, что в марте 2009 г. на пике мирового финансового кризиса ИПК оставался положительным.

Сегодня складывается принципиально иная ситуация. В чем-то она подобна ситуации в СССР накануне перестройки, когда картинка в телевизоре полностью разошлась с реальностью. В стране в соответствии с заявлениями главы государства нет кризиса-катастрофы, валовой внутренний продукт на зависть остальному миру прирастает на 10% в год, до рекордных высот поднялся экспорт, а потому все у нас будет хорошо, и все у нас получится.

Таблица 3
НА ВАШ ВЗГЛЯД, В ЦЕЛОМ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ РАЗВИВАЕТСЯ В ПРАВИЛЬНОМ ИЛИ НЕПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	Сент. 2010	Дек. 2010	Март 2011	Июнь 2011	Сент. 2011
В правильном	51	54	45	26	17
В неправильном	32	33	40	62	69
ЗО/НО	17	13	15	12	15
ИПК***	19	22	5	-36	-52

*** Индекс правильности курса

Табл. 4 позволяет оценить влияние кризиса на восприятие белорусами политической ситуации в республике. В первой колонке приведены ответы, полученные на пике экономического кризиса 2009 г. Они практически ничем не отличаются от ответов, зафиксированных за три месяца до президентских выборов. Т.е. кризис, воспринимаемый как мировой, на изменение

Таблица 4
В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ РАЗВИВАЕТСЯ СЕЙЧАС ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В БЕЛАРУСИ? (в процентах к группам по вертикали)

Вариант ответа	Март 2009	Сент. 2010	Сент. 2011	Вы в оппозиции к власти?	
				Да	Нет
Развитие демократии	24	26	11	2	18
Восстановление прежних советских порядков	20	20	18	9	22
Становление авторитаризма, диктатуры	33	29	34	51	27
Нарастание хаоса, анархии, угрозы государственного переворота	7	7	23	35	16
ЗО/НО	16	19	14	3	17

оценок политической ситуации не повлиял. Нынешние результаты принципиально иные. Доля респондентов, выбравших вариант ответа «Развитие демократии» сократилась в 2.1 раза, а вариант «Нарастание хаоса, анархии, угрозы государственного переворота» — увеличилась в 3.3 раза.

Естественно, оценки противников и сторонников власти существенно различаются между собой. Но и среди сторонников власти 27% полагают, что в стране происходит становление авторитаризма и диктатуры, а 16% согласны с тем, что нарастает хаос и анархия. Следует обратить внимание на значительное различие в долях респондентов, затруднившихся с ответом. Сторонники власти оказались в сложном положении: признать, что в стране продолжается развитие демократии, многим из них уже достаточно сложно, но и согласиться с нарастанием хаоса они еще не готовы. Отсюда столь высокая доля затруднившихся с ответами.

Табл. 4 иллюстрирует разрушение одного из базовых мифов государственной идеологии — стабильности, и происходит его разрушение в полном соответствии с принципом, провозглашенным Лукашенко в марте 2006 г. на третьем Всебелорусском народном собрании: «Я всегда считал, и практика государственного строительства в Беларуси это подтвердила, что основа стабильности и динамичного развития страны — это сильная социальная политика»¹. При годовой инфляции в 100% и снижении зарплаты и пенсий в долларовом эквиваленте более чем вдвое за неполный год о сильной социальной политике говорить не приходится.

Падение ИПК, рост апокалиптических настроений ставит на повестку дня классический вопрос «Кто виноват?» При ответе на этот вопрос большинство белорусов не испытывает сегодня затруднения, да и как его испытывать, если с главной трибуны страны им постоянно объясняли, что «Согласно Конституции основой политической системы нашей страны

¹ <http://www.intelros.org/lib/doklady/likashenko2.htm>

является президентская власть как гарантия стабильности и успешной реализации любых преобразований. Это главная особенность белорусской модели развития страны в переходный период»¹.

Важным отличием белорусского варианта «человека советского» от варианта российского является отсутствие имперской составляющей в списке его базовых характеристик, что существенно снижает возможность власти использовать образ врага для укрепления своей легитимности. В качестве компенсации белорусская власть вынуждена уделять дополнительное внимание «сильной социальной политике». Но патернализм требует концентрации промышленных активов в руках государства. Вот почему за три президентских срока белорусского батяки большая приватизация в республике так и не началась.

В белорусской социально-экономической модели ее основателю отведена роль велосипедиста. Он вынужден постоянно крутить педали социальных выплат для удержания своего рейтинга от падения. На границе 2002-2003 гг., когда скорость вращения педалей замедлилась, электоральный рейтинг Лукашенко пошел вниз. Одновременно доля желающих интегрироваться с Евросоюзом поднялась до 53%, а с Россией – до 58%. Всплеск взаимоисключающих интеграционных устремлений – это надежда обрести новую «крышу» в условиях, когда под своей начались перебои с подвозом продуктов. Если продолжить аналогию с велосипедом, то для понимания нынешней ситуации следует представить велосипед с соскочившей цепью. Он еще движется, но по инерции, при этом велосипедист продолжает все так же активно крутить педали, но предотвратить падение своего рейтинга уже не в состоянии, что и зафиксировал сентябрьский опрос 2011 года.

По сравнению с июнем электоральный рейтинг Лукашенко потерял еще 8 пунктов (табл. 5), а по сравнению с декабрьским максимумом – 32! Такой результат не устроил ни противников власти, о чем они, не стесняясь в выражениях, высказались на интернет-форумах, ни саму власть. 6 октября в ходе пресс-конференции для российских журналистов Лукашенко огласил результаты альтернативного соцопроса, проведенного Информационно-аналитическим центром при Администрации президента (ИАЦ): «По данным соцопроса, 70% высказали доверие главе государства. Уже не 80%, а 70%. 70% считают, что деятельность президента отвечает их

интересам. 60% респондентов позитивно воспринимают жизненную ситуацию, а было больше 80%». При этом он подчеркнул, что «нигде нет 20%», имея в виду данные последнего социологического исследования НИСЭПИ².

Для обоснования надежности результатов, полученных подконтрольной ему социологической службой, Лукашенко перешел на личности: «Манаев (*основатель НИСЭПИ – С.Н.*) – это выкормыш Запада. Живет он в Вильнюсе. Я помню его рейтинги. Манаевские исследования накануне президентских выборов давали крах президенту Беларуси. Четко была выстроена стратегия. Манаеву заплатили, он четко выстроил так называемые социологические исследования, где рейтинг Лукашенко снижается. У него было, что меньше половины населения меня поддерживает. Западу нужно было это. Манаеву заплатили, и он выстроил такую тенденцию. На самом деле, белорусского президента поддержали 79.9% официально. Реально – больше 80%. Это было честно».

Табл. 5 составлена на основании данных, позаимствованных на сайте НИСЭПИ (iiseps.org). Нетрудно заметить, что в декабре 2010 г. рейтинг Лукашенко достиг максимума. Но рейтинги определяются от числа опрошенных, а результаты голосования – от явки. За Лукашенко в декабре по данным НИСЭПИ проголосовало 58% избирателей от числа принявших участие в голосовании, т.е. большинство, о чем и сообщила своим читателям 21 января 2011 г. газета «Советская Белоруссия» в статье под заголовком «НИСЭПИ: Уверенная и однозначная победа». Тут следует пояснить российским читателям, что учредителем газеты является Администрация президента Республики Беларусь.

Таблица 5
ДИНАМИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО РЕЙТИНГА ПРЕЗИДЕНТА А. ЛУКАШЕНКО, %

Март 2010	Июнь 2010	Сент. 2010	Дек. 2010	Март 2011	Июнь 2011	Сент. 2011
43	46	39	53	43	29	21

На фоне столь благоприятного для оппозиции события рейтинги основных конкурентов Лукашенко на четвертых президентских выборах подросли: у Владимира Некляева с 7% в декабре 2010 г. до 9%, у Андрея Санникова с 3 до 9%. Это новое явление. После выборов 2006 г. подобного не наблюдалось. Но рост рейтингов оппозиционных политиков не компенсировал падения рейтинга Лукашенко, что хорошо за-

¹ А. Лукашенко, Послание-2011. sb.by/print/post/115773/

² http://naviny.by/rubrics/politic/2011/10/07/ic_news_112_377996/

метно по увеличению доли затруднившихся с ответом респондентов на открытый вопрос «Если бы завтра снова состоялись выборы президента Беларуси, за кого бы Вы проголосовали?» В декабре 2010-го затруднились с ответом 24%, в сентябре 2011-го – 43%. Таким образом, в республике начинает формироваться своеобразный рейтинговый вакуум.

В июне текущего года в шорт-листе, сформированном из ответов на вопрос «На Ваш взгляд, кто виноват в валютном кризисе в Беларуси в марте-мае 2011 года?», Лукашенко впервые опередил правительство. Причем сразу на 8 пунктов: 45% vs. 37%. В сентябре лидерство главы государства над правительством составило уже 20 пунктов: 61% vs. 41% (табл. 6). Все прочие виновные в белорусском кризисе, на которых регулярно ссылается в своих выступлениях Лукашенко, оказались далеко позади. Это означает, что государственная пропаганда теряет влияние на белорусское общество.

Список потенциальных виновных при проведении опроса впервые пополнил народ. Сделано это было ввиду многократных обвинений со стороны Лукашенко в адрес единственного суверена страны (согласно Конституции). С виновностью народа согласилось 10% опрошенных – как противники власти, так и ее сторонники в равной мере. Но это формальное равенство не означает, что выделенные нами группы одинаково трактуют природу народной вины. Среди белорусов с начальным образованием вину народа разглядело 6%, а с высшим – 15%. Скорее всего, первые соглашались с официальной точкой зрения, тогда как вторые видели вину народа в поддержке власти, «организовавшей» нынешний экономический кризис.

Виновность первого лица просматривается и в ответе на вопрос: «Недавно ушел со своего

поста председатель Национального банка Пётр Прокопович. Как Вы оцениваете степень его вины в валютном кризисе, который произошел в Беларуси в этом году?» Единоличную вину главного банкира страны признало только 8% (3% противников власти и 11% сторонников власти). В лидерах оказались варианты ответов: «Он виноват, но значительная доля вины лежит на других представителях власти» – 40%; «Он виноват, но больше него – объективные обстоятельства» – 26% и «Он не виноват» – 16%. Затруднились с ответом – 10%.

Как показывают многолетние наблюдения, формула «царь – хороший, бояре – плохие» справедлива в Беларуси лишь на этапе роста доходов населения. Но в условиях кризиса переложить ответственность за происходящее на «бояр» шансов у «царя» немного уже в силу того, что бояре не персонифицированы. Электоральные рейтинги высших белорусских чиновников практически никогда не превышали статистической погрешности. В сентябре при ответе на открытый вопрос: «Знаете ли Вы, кто сейчас возглавляет правительство?» назвали Михаила Мясниковича только 34% респондентов, 9% сторонников власти полагали, что батяка по совместительству возглавляет и правительство (учитывая полную несамостоятельность правительства в выработке стратегических решений, такой ответ следует признать правильным).

Одновременно с электоральным рейтингом в том же темпе падал и рейтинг доверия главы государства: декабрь – 55%, март – 48%, июнь – 36%, сентябрь – 25%. Параллельно шло снижение рейтингов доверия правительству и государственным СМИ (табл. 7). Но соответствующей компенсации за счет роста доверия к негосударственным СМИ и оппозиционным партиям за последние три месяца не произошло.

Таблица 6

КТО ВИНОВАТ В НЫНЕШНЕМ КРИЗИСЕ В БЕЛАРУСИ? (в процентах к группам по вертикали)

Вариант ответа	Все опрошенные	Вы в оппозиции к власти?	
		Да	Нет
Виноват президент	61	93	46
Виновато правительство	41	49	35
Виноваты США	16	1	26
Виновата Европа	12	3	17
Виноват парламент	12	16	8
Виноват народ	10	9	10
Виновата Россия	7	3	11
Виновата оппозиция	5	1	8
30	13	1	18

*(возможно более одного ответа)

Более того, доверие к последним также заметно снизилось. Это новая ситуация. За второй квартал рейтинг доверия негосударственным СМИ не изменился, а оппозиционным партиям увеличился с 16 до 20%. Такая динамика позволяет нам в очередной раз говорить о формировании в Беларуси рейтингового вакуума.

Таблица 7

ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ СЛЕДУЮЩИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ? (в процентах от числа опрошенных)

	Доверяют		Не доверяют	
	Июнь 2011	Сент. 2011	Июнь 2011	Сент. 2011
Негосударственные СМИ	46	33	40	52
Государственные СМИ	39	26	53	62
Президент	36	25	54	62
Правительство	34	17	55	68
Оппозиционные политические партии	20	12	53	60

Национальные особенности диалога. Падение уровня жизни не привело к росту протестных настроений (табл. 8). Разумеется, речь идет не о реальной, а лишь о декларативной готовности протестовать, что в очередной раз подтвердила акция оппозиции «Народный сход», собравшая в Минске 8 октября не более 1000 человек. Между тем, о своей готовности принять участие в «Народном сходе» заявило 14% респондентов, т.е. ровно столько же, сколько в митингах и пикетах. 13% очередную инициативу оппозиции не одобрило, 21% отнеслось к ней безразлично, одобрило, но не проявило желания принять в ней участия 47% (!) и затруднились с ответом 4%. Если мы сложим доли тех, кто готов поддержать инициативу и кто готов принять в ней участие, то получим результат, практически совпадающий с рейтингом недоверия Лукашенко (62%).

Падение доверия к оппозиционным политическим партиям с 20% в июне до 12% в сентябре произошло на фоне роста оппозиционных настроений в обществе (табл. 9). Доля граждан, считающих себя в оппозиции к власти, на протяжении многих лет примерно в два раза ниже

Таблица 9

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ В ОППОЗИЦИИ К НЫНЕШНЕЙ ВЛАСТИ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	Сент. 2005	Апр. 2006	Май 2007	Июнь 2008	Окт. 2010	Дек. 2010	Июнь 2011	Сент. 2011
Да	17	19	17	19	15	19	26	28
Нет	70	73	72	68	72	72	60	56
30/НО	13	8	11	13	13	9	14	16

доли не доверяющих Лукашенко. Не в последнюю очередь это следствие пропаганды, представляющей партийную оппозицию в качестве «отморозков» и «врагов народа», поэтому не доверять главе государства и не поддерживать его на выборах еще не означает для многих белорусов причислять себя к оппозиции.

Таблица 8

ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ГОТОВНОСТИ УЧАСТВОВАТЬ В ПУБЛИЧНЫХ АКЦИЯХ ПРОТЕСТА (в процентах от числа опрошенных)

	Авг. 2001	Апр. 2006	Дек. 2010	Июнь 2011	Сент. 2011
Митинги, пикеты	17	15	12	16	14
Забастовки	13	13	9	14	14
Вооруженная борьба	3	5	4	5	5
Голодовки	4	6	4	7	6

В табл. 10 представлен социально-демографический портрет оппозиционной и лояльно настроенной к власти части белорусского общества. Среди оппозиционеров преобладают мужчины, причем с редким для опросов преимуществом. Зависимость от возраста и образования — стандартная. С аналогичной зависимостью мы регулярно сталкивались при составлении портрета доверяющих и не доверяющих Лукашенко белорусов. Но есть один нюанс. Уровень оппозиционности среди респондентов с высшим образованием ниже, чем среди респондентов со среднеспециальным образованием, и среди них аномально высока доля неопределившихся. Вероятно, это связано с тем, что среди данной группы высока доля работников бюджетных организаций (учителя, врачи), т.е. работников, чье материальное благополучие полностью зависит от государственных щедрот. Следует обратить внимание и на две последние строки таблицы: 8% белорусов, подтвердивших в сентябре свое голосование за Лукашенко на декабрьских выборах, «переквалифицировались» в оппозиционеров.

29 августа на совещании педагогического актива Лукашенко неожиданно выступил с политической инициативой: «Как Глава государства я предлагал и предлагаю всем здравомыслящим

Таблица 10

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ ВЛАСТИ* (в процентах от числа опрошенных)

	Противники власти	Сторонники власти	Неопределившиеся
Пол:			
Мужской	37	48	15
Женский	21	63	16
Возраст:			
18-29 лет	38	49	13
30-39 лет	36	46	18
40-49 лет	34	49	17
50-59 лет	25	59	17
60 лет и выше	11	75	14
Образование:			
Начальное	4	84	12
Неполное среднее	12	75	13
Среднее общее	26	59	15
Среднее специальное	37	49	14
Высшее	33	45	22
Участие в президентских выборах 2010 г.:			
Голосовал за А. Лукашенко	8	80	12
Голосовал за других кандидатов или не принимал участия в голосовании	42	40	18

*таблица читается по горизонтали

и любящим свою страну людям, к какому бы политическому лагерю они ни принадлежали, садиться за стол. Круглый... Квадратный стол... Посмотреть друг другу в глаза и реально оценить, кто чего стоит и что может сделать для эффективного улучшения ситуации в стране, а не топтать и кричать на площадях»¹. В качестве арбитров будущих переговоров глава государства предложил ЕС и России направить своих представителей для участия в «круглом столе».

Причина столь неожиданной политической инициативы стала понятна 19 сентября, когда в интернете был размещен текст письма главы МИД Болгарии Николая Младенова, адресованное Верховному представителю ЕС Кэтрин Эштон (26 августа в Минске состоялась встреча Младенова с Лукашенко). В ходе встречи было достигнуто ряд договоренностей. Приведу фрагмент письма, имеющего непосредственное отношение к теме «диалога»: «В начале следующей недели Лукашенко должен выступить на национальной конференции учителей, на которой он призовет к национальному «круглому столу» между властями, гражданским обществом и оппозицией. «Круглый стол» должен обеспечить настоящий диалог, направленный на согласование политического будущего и де-

мократизации Беларуси. Он должен основываться на принципах сохранения территориальной целостности и независимости Беларуси и развития многопартийной демократии»².

Белорусская оппозиция активно отреагировала на приглашение «вести диалог» и приступила к обсуждению формата своего в нем участия. Однако их надеждам не суждено было сбыться. Оппозиция явно выдала желаемое за действительное, причислив себя к «здравомыслящим и любящим свою страну людям», вырвав приведенную цитату из контекста выступления «последнего диктатора Европы». Основная же идея выступления заключается в необходимости сплочения нации перед лицом внешней угрозы. Сплочение возможно исключительно на базе белорусской государственной идеологии, наличие которой не предусмотрено белорусской конституцией, но которая тем не менее открыто претендует на монополию. Неслучайно очередные призывы, направленные на сплочение нации, Лукашенко адресовал педагогам накануне начала нового учебного года. В центре доклада — борьба за умы молодежи, которая «держит в своих руках будущее».

Естественно, никаких реальных шагов для начала диалога с оппозицией не последовало, но

¹ <http://president.gov.by/press126998.html>

² <http://pda.regnum.ru/news/fd-abroad/1446891.html>

это не означает, что заявляя о своей готовности приступить к диалогу, Лукашенко лукавил. Нет, он искренний сторонник диалога, но только в том случае, если диалог служит укреплению его личной власти. В этой связи интересен комментарий председателя правления ЗАО «Второй национальный телеканал» Григория Киселя: «Наверняка президент, озвучивая свою идею, имел в виду следующее: собирайтесь левые, правые, непримиримые, сторонники, вырабатывайте предложения даже без участия власти и вносите их. Если предложение стоящее, то ни одна нормальная власть, которая ощущает проблемы в экономике или финансах, не может его игнорировать, поскольку для власти оно выгодно»¹. Короче, пишите письма, как говорил в подобных случаях незабвенный Остап Бендер.

Что касается западных дипломатов, то за годы общения с белорусским батенькой им пора бы уже привыкнуть, что в условиях расколота общества ни одно из принятых властью решений не может быть последовательно реализовано. Субъективный фактор, на который обычно ссылаются, тут не при чем. Перед белорусской политической элитой стоят взаимоисключающие задачи. Она, безусловно, заинтересована в повышении эффективности экономики, но не может допустить массового формирования свободных граждан, т.е. субъектов эффективности. Поэтому метания между либерализацией и усилением административного контроля будут продолжаться, как будут продолжаться и метания во внешнеполитическом курсе.

Раскол белорусского общества иллюстрирует табл. 11. По мнению большинства белорусов, оппозиции следует сосредоточить свои усилия на двух взаимоисключающих действиях: диалоге с президентом и требовании его отставки. Отметим, что белорусы, чьи личные интересы заиклены главным образом на вопросах выживания, являются решительными противниками экономических санкций. Доля сторонников введения санкций составила всего 7%.

Раскол белорусского общества по линии сторонников и противников власти прослеживается и на отношении белорусов к аресту правозащитника Алеся Беляцкого, обвиненного в неуплате налогов с денежных средств, полученных на правозащитную деятельность из-за границы: «Это преследование за политические убеждения, за деятельность, которая не нравится властям» — 35%, «Это обычное уголовное преследование за сокрытие доходов и неуплату налогов» — 40% и затруднились ответить — 25%.

¹ <http://charter97.eu/ru/news/2011/9/5/42250/>

Таблица 11.

ЧТО ДОЛЖНА, НА ВАШ ВЗГЛЯД ДЕЛАТЬ ОППОЗИЦИЯ?*
(в процентах от числа опрошенных)

Предложить диалог правительству	36
Добиваться отставки президента	33
Добиваться отмены экономических санкций против Беларуси	19
Добиваться отставки правительства	15
Бойкотировать все инициативы правительства	8
Добиваться отставки парламента	7
Добиваться введения экономических санкций против Беларуси	7
Организовать вооруженное восстание или революцию	3
30	20

* возможно более одного ответа

Надежды партийных активистов на «горячую осень» в очередной раз не оправдались. Кризис не вывел белорусов на улицы. Даже на уровне деклараций рост протестных настроений пока не отмечается. Наиболее популярное объяснение столь парадоксальной пассивности (на фоне греков, итальянцев, египтян и т.д.) — страх. Почему же тогда заполнялись площади белорусских городов в начале 90-х годов прошлого века? В качестве одного из возможных вариантов ответа выскажу парадоксальную гипотезу: 20 лет назад белорусы вышли на площади не потому что сумели преодолеть страх, а, напротив, в силу того, что были охвачены страхом. Этот страх был вызван распадом государства.

Для пояснения процитирую фрагмент стенограммы семинара «Человек советский или современный? Политическая культура и ценности россиян»: «Вторая характеристика («человека советского», — С.Н.) — это человек государственный, сложившийся в условиях закрытой тоталитарной тотальной системы институтов, и не знающий ничего кроме государственных отношений»² (Лев Гудков). А теперь представьте себе состояние человека, не знающего ничего «кроме государственных отношений», в условиях распада государства. Такой человек способен на протест, но это протест направляется не против власти (власть в этот момент «валяется в грязи», как заметил в свое время Лукашенко), это протест направляется против безвластия. Безусловно, материальные тяготы склонность к подобному протесту усиливают, но они вторичны.

Что касается ситуации в Беларуси, то судя по слаженной совместной работе силовиков и судебной системы, о распаде государства говорить еще рано.

² <http://www.levada.ru/stenogramma-pyatogo-otkrytogo-seminara-proekta-demokratiya-v-rossii-chelovek-sovetskii-ili-sovremenn>

Леонид АШКИНАЗИ
Алла КУЗНЕЦОВА

Декларация о чтении как самопрезентация

По материалам Интернета

Предъявляя себя миру, человек демонстрирует то, что он считает наиболее важным в конкретной ситуации. При размещении анкеты на сайте знакомств пользователь приписывает себе умеренно реальные характеристики, поскольку, как он понимает, все это в любом случае выявится в ходе переписки или реального знакомства. При этом имеет место некоторое приукрашивание, сдвиг в сторону предполагаемой привлекательности, в значительной мере очевидный, обычно легко расшифровываемый и почти общепринятый, но в основном в вопросе о возрасте, работе и для женщин — о весе. Приукрашивание имеет три формы — простое сокрытие информации, умеренное ее искажение и игривое уклонение от ответа («талия есть», «все при мне», «пышное тело», «работа хорошая», «работа нужная» и т.п.).

Одним из способов самопрезентации, принятых в межлическом общении и, соответственно, реализованных на серьезных сайтах знакомств, являются так называемые «досуговые интересы». Смысл здесь двояк и очевиден: во-первых, они более содержательно характеризуют человека, как выбираемые им более свободно, нежели иные жизненные обстоятельства, и в более широком диапазоне. Во-вторых, прямое и непосредственное знание — куда мы пойдем вечером, милый, и вместе ли? Или ты опять по пиву?

Поэтому анализ «досуговых интересов» через сайты знакомств может предоставить интересную информацию о распределении этих интересов в обществе (за исключением разве что самых экзотических, дабы не напугать людей при первом знакомстве). При этом группа, выкладывающая свои анкеты на сайтах знакомств, отличается от населения в целом — как в силу психологических особенностей и жизненных обстоятельств, роль которых трудно оценить, так и за счет неравномерности интернетизации. Население Москвы и С-Петербурга составляет 10% и 3,2% населения РФ, а на сайте dating.ru они занимают 29% и 9,8% соответственно. Таким образом, все приведенные ниже данные имеют «столичный сдвиг». Для городов

с меньшим населением его нет — из городов-миллионников только для Новосибирска, Екатеринбурга и Казани доля пользователей этого сайта отчетливо больше доли в населении (1,3%—1,4%—1,0% против 1%—1%—0,7% соответственно). Заметим, что этот фактор вообще важен для исследований российского общества посредством Интернета. И хотя интернетизация ширится, но в основном это происходит за счет Интернета через сотовый телефон (мобильный Интернет), а этот доступ качественно отличается от «большого» и используется прежде всего для электронной почты, наведения всяких справок, получения деловой информации.

Приведенные данные, там, где они не разделены по возрастным группам, имеют также «возрастной сдвиг», поскольку на сайтах знакомств юные респонденты представлены лучше. А именно, в населении РФ возрастные подгруппы 20—30 и 30—40 лет составляют соответственно 24% и 20% от группы 20—80 лет, на сайте же они составляют 54% и 29%.

Один из видов досуговых интересов — чтение (чтение как профессия возможно, но это весьма редкая ситуация). В принципе, презентация себя как человека читающего может выражаться по-разному, вот несколько вариантов:

1. «Чтение» упоминается в перечне «досуговых интересов» в соответствующем разделе анкеты, то есть при наличии подсказки.
2. Чтение упоминается в свободной части анкеты, без подсказки.
3. Называется имя конкретного писателя.
4. Называются имена нескольких писателей или заглавия произведений.

Понятно, что возможность разделения вариантов 1 и 2 зависит от структуры анкеты, граница между вариантами 3 и 4 нечетка, и, главное, свободный выбор человеком варианта 2, 3 или 4 значительно зависит от его индивидуальных особенностей (например, степени открытости или, напротив, зажатости). А может быть — от установки на охват возможно более широкого круга интересантов (на месте, мол, разберемся) или, напротив, от желания указанием на свою особость сузить круг претендентов и сберечь

время. Поэтому на данном этапе работы попытка разделить эти варианты не предпринималась.

Источником приводимых и рассматриваемых ниже данных был сайт **dating.ru**, база которого содержит около 2 млн. анкет. Это один из трех крупных сайтов знакомств. По количеству анкет, официально заявленному на сайте, он меньше, чем **mamba.ru** (11 млн. пользователей, 6 млн. анкет) и **loveplanet.ru** (17 млн. пользователей), но на **dating.ru** имеется поиск по словам, употребленным в анкете, что и было использовано в этом исследовании. Отметим, что официально заявляемое количество анкет

может отличаться от реального — за счет наличия «клонов», а также от реально присутствующих — за счет заброшенных аккаунтов. Есть и другие причины, по которым сопоставление количества анкет на сайтах знакомств является не вполне тривиальной задачей. Вообще же, изучение этих сайтов — интересная и актуальная задача для социолога.

Доля упоминаний, явно связанных именно с чтением (правый столбец), меньше 1 по следующим трем причинам:

1) слово, относящееся к литературе, использовано вообще вне изучаемого нами здесь контекста: «пишу стихи», «я не писатель», «в сексе

Таблица 1

СТАТИСТИКА ПРИ ЗАПРОСЕ «ВОЗРАСТ 18-80 ЛЕТ, ЛЮБОЙ ГОРОД»

	парень ищет девушку	девушка ищет парня	доля упоминаний, явно связанных именно с чтением, среди всех упоминаний (см. ниже)
ОБЩИЕ ТЕРМИНЫ (первые семь пунктов далее объединены в «сумму упоминаний книг и чтения»)			
Читать	2862	1841	0,7
Книги	1997	1263	0,75
Читаю	1920	1238	0,7
Чтение	815	419	0,75
Книга	239	180	0,65
Литература	230	265	1
Писатель	89	275	0,2
Журналы	137	75	0,3
Газеты	51	82	0,1
Периодика	0	0	1
ЖАНРЫ			
Классика	2060	1047	0
Стихи	1713	1707	0
Приключения	593	543	0
История	495	1075	0 инт. (см. ниже)
Философия	427	717	0 инт.
Психология	423	518	0 инт.
Эзотерика	273	289	0 инт.
Изотерика	22	22	0 инт.
Поэзия	188	157	0 инт.
Религия	118	212	0 инт.
Мистика	88	79	0 инт.
Детективы	87	38	0,5 инт.
Фантастика	71	158	0,3 инт.
Фэнтези	54	72	0,8 инт.
Ужасы	49	46	0 инт.
Проза	37	46	0,4
Триллеры	31	21	0,2 инт.
Боевики	21	36	0 инт.
Биографии	21	26	0
Мемуары	15	36	0
Беллетристика	0	0	0

предпочитаю классику», «не стремлюсь к приключениям», «этот блок я не заполняю», «Памелла Андерсен» (так в анкетах), «группа Агата Кристи», «люблю Лондон» и другое;

2) автора называют при цитировании, причем последнее может говорить не о реальном его чтении, а о попытке придать вес собственной мысли, скорее же всего - о неумении сформулировать, поскольку некоторые цитаты массово кочуют из анкеты в анкету. (Как в девичьих рукописных альбомах «Умри, но не давай поцелуя без любви» и т. п.);

3) даже в тех случаях, когда жанр в основном называется в разделе «интересы» (обозначено «инт.»), неясно, связано ли указание именно с чтением или, например, с получением информации из рекламы, кино, телевизора, разговоров в Интернете или вживую.

4) эта «доля упоминаний, явно связанных с чтением» для первых семи строк таблицы, объединенных ниже в «сумму упоминаний книг и чтения», составляет 0,75; данные ниже приведены без учета этого коэффициента.

С учетом этих ситуаций уверенно связать с чтением из раздела «жанры» можно только «детективы», которые женщины, по нашим данным, читают вдвое чаще, чем мужчины, и фан-

тастику с фэнтези, которые мужчины, по тем же данным, читают вдвое чаще, чем женщины. На первый взгляд это кажется удивительным. Но если вспомнить «женский», то есть иронический детектив и «крутую мужскую фантастику» – про грядущие войны, унижение США и проч. – то ситуация становится понятнее (кроме того, наша аудитория «сдвинута» в сторону более молодых групп, фантастика же и фэнтези – приоритетные интересы молодежи). Никаких более глубоких выводов ввиду малой статистики сделать нельзя.

Что касается упоминания отдельных писателей, то были проанализированы упоминания 75 авторов. Оказалось, что подавляющее их большинство упоминается при цитировании. Причем цитирование, как уже говорилось, не обязательно свидетельствует о реальном чтении автора, поскольку во многих анкетах повторяются одна-две цитаты, скорее всего, переносимые из анкеты в анкету. Лишь у двух авторов количество названий в ситуации, явно означающей чтение, превысило десять – это Булгаков (10 раз женщины, 10 раз мужчины) и Стругацкие (6 раз женщины, 14 раз мужчины). Разумеется, это не говорит о том, что не читают других, но самопрезентация – это не только

сумма упоминаний книг и чтения		парень ищет девушку	девушка ищет парня
РФ	Всего	701883	1316536
	сумма чтения	8063	5481
	сумма чтения / всего	1,1 %	0,42 %
Москва	Всего	246081	414999
	сумма чтения	3380	2300
	сумма чтения / всего	1,4%	0,55%
С-Петербург	Всего	88251	118746
	сумма чтения	1131	592
	сумма чтения / всего	1,3%	0,50%
остальная РФ	Всего	367551	782791
	сумма чтения	3553	2589
	сумма чтения / всего	0,97%	0,33%
16–24	Всего	237809	369925
	сумма чтения	2032	1223
	сумма чтения / всего	0,85 %	0,33 %
25–39	Всего	349089	759373
	сумма чтения	3829	2817
	сумма чтения / всего	1,1 %	0,37 %
40–54	Всего	102174	170351
	сумма чтения	1896	968
	сумма чтения / всего	1,9 %	0,57 %
55–80	Всего	14547	18616
	сумма чтения	343	192
	сумма чтения / всего	2,4 %	1,0 %

чтение, а еще и попытка использования знаков книжной культуры в качестве кода, «пальца, указывающего на» авторитетную позицию.

Поскольку в анкете из объективных характеристик приводятся не только пол, но и возраст и регион, то рассмотрим региональное и возрастное распределение.

Итак, столицы «читают» в 1,5 раза больше остальной РФ, женщины в 2,5 раза больше мужчин, пожилые в 3 раза больше молодых. Казалось бы, проценты или даже доли процентов тех, кто читают и считают чтение достаточно важным, чтобы это указать, — это очень мало. Но досуговые интересы вообще декларируются не слишком часто. Вот сопоставление с некоторыми иными досуговыми интересами ближнего и дальнего плана (в скобках указан ранг).

	парень ищет девушку	девушка ищет парня
СОПОСТАВЛЕНИЕ С ДОСУГОВЫМИ ИНТЕРЕСАМИ БЛИЖНЕГО ПЛАНА		
сумма упоминаний книг и чтения	8063 (1)	5481 (2)
Музыка	6521 (2)	7468 (1)
Кино	6139 (3)	4044 (3)
Театр	3059 (4)	1176 (5)
Песни	1347 (5)	1993 (4)
Фильмы	952	880
Искусство	710	685
Психология	423	516
Музей	221	224
Наука	176	270
Химия	61	61
Математика	40	69
Физика	30	91
Социология	26	33
Биология	17	23
СОПОСТАВЛЕНИЕ С ДОСУГОВЫМИ ИНТЕРЕСАМИ ДАЛЬНЕГО ПЛАНА		
Спорт	8123 (1)	13786 (1)
Сумма упоминаний книг и чтения	8063 (2)	5481 (2)
Природа	5753 (3)	4214 (3)
Путешествия	5749 (4)	2389 (4)
Гости	2787 (5)	1526 (5)
Ресторан	364	389
Животные	241	202
Наука	177	263
Мода	170	130

Поскольку в анкете, кроме параметров «пол», «возраст» и «регион», приводятся также

параметры или группы параметров «цель знакомства», «увлечения» (2 подгруппы), «семейное положение» (2 подгруппы), «типаж» (5 подгрупп), «вредные привычки» (3 подгруппы), «материальное положение» и «сексуальные предпочтения» (5 подгрупп), то возможен поиск корреляций с любым из всех этих параметров. Для примера мы рассмотрели корреляцию чтения с материальным положением. Прежде всего, обратим внимание на представляющую и самостоятельный интерес связь материального положения с возрастом (сумма по строке — 100%), например, для Москвы (для уменьшения региональных различий). Различия между мужчинами и женщинами, превышающие 10 пп, выделены.

Поскольку мы хотим обнаружить связь чтения с материальным положением, а не с возрастом, для анализа возьмем группы возрастов 16–24 и 25–39, для которых различия в чтении невелики — 20% для женщин и 10% для мужчин, и опять же для уменьшения региональных различий — только для Москвы.

Как видим, чтение не коррелирует с декларируемым доходом.

Итак, через сайт знакомств можно получать содержательную информацию о чтении. Собственно, любое «место» в Интернете — да и просто весь Интернет — это представительство какой-то части общества, которая оставляет в нем свой след. Отсюда видны и огромные плюсы, и минусы этого метода исследования. Минусы — не всегда ясно, какая это часть и как именно, из каких соображений она «оставляет след». Плюсы же — относительная дешевизна, отсутствие «возмущающего» влияния на респондента, возможность многократного получения данных на одном и том же поле.

Особенности «места», влекущие за собой особенность выборки, могут использоваться и сознательно, как это сделала в недавней публикации Любовь Борусяк¹. Она применила для выделения групп два приема — использование естественного места концентрации определенного половозрастного слоя (женщины средних лет, озабоченные воспитанием ребенка) и некий аналог «снежного кома» — «друзей» в социальной сети «В Контакте».

Из каких соображений оставляет человек свой след в Интернете — вопрос одновременно и социологический, и психологический. В социологии эта ситуация не нова: процесс ответа

¹ Борусяк Л. Чтение как ценность в среде молодых российских интеллектуалов // Вестник общественного мнения, 2010, № 3, с. 53–65.

парень ищет девушку	непостоянные заработки	постоянный небольшой доход	стабильный средний доход	хорошо зарабатываю, обеспечен
16–24	22	21	43	14
25–39	3	14	69	14
40–54	2	21	70	7
55–80	3	36	55	6

девушка ищет парня	непостоянные заработки	постоянный небольшой доход	стабильный средний доход	хорошо зарабатываю, обеспечена
16–24	23	20	43	14
25–39	4	10	61	25
40–54	3	11	59	27
55–80	5	23	53	19

парень ищет девушку	Непостоянные заработки	постоянный небольшой доход	стабильный средний доход	хорошо зарабатываю, обеспечен
16–39	2,0	1,8	1,4	2,0

девушка ищет парня	Непостоянные заработки	постоянный небольшой доход	стабильный средний доход	хорошо зарабатываю, обеспечена
16–39	1,1	1,0	1,0	1,0

респондента интервьюеру – это процесс межличностный. Но в Интернете он принципиально легче поддается объективации, поскольку, читая материалы социологического опроса, мы не знаем, какое выражение на лице было у интервьюера, а какая атмосфера на данном сайте

или форуме – знаем. В этой фиксированности материала и его доступности для многократного анализа – огромное преимущество Интернета как материала для исследования, и недаром его использование сейчас расширяется.

Борис ДУБИН

Архив и высказывание. К социологии музея в современной России

Моя задача в данном случае — показать, как проблемы музея видятся глазу социолога. Поскольку социология отличается не предметом, а точкой зрения, *оптика* социолога способна, быть может, заинтересовать историков искусства и работников музеев, оказаться им в чем-то полезной. Что это за оптика? Социолог видит в музее не собрание произведений (экспонатов), а коммуникативную структуру, свернутый проект взаимодействия. И меня интересуют вопросы: как эта структура строится, кто и кому ее адресует?

1. В сложившейся *постоянной экспозиции* художественное наследие (а это — основополагающее понятие для музея как продукта современности, «модерной» эпохи¹) представлено разделенным на страны, эпохи, течения, работы отдельных мастеров. Что здесь репрезентировано? Постоянную экспозицию я бы предложил понимать как фонд или свод символов всего наиболее значимого для данного сообщества — прежде всего сообщества национального, регионального, городского, то есть тех новых, уже «современных» типов сообществ, форм солидарности, которые объединены «культурой», практикой самокультивации индивида, а затем, по его образцу, и народа². По уже привычному для нас теперь содержанию, «классическая» экспозиция — это архив сообщества, в котором каждый его элемент, экспонат подразумевает целое и получает значимость от этого целого; данное воображаемое или подразумеваемое целое я собственно и называю архивом. По форме же экспозиция имеет аллегорическую структуру дидактического пособия, учебника (реликты и следы идеологии Просвещения). Образцы здесь представлены вместе с интерпретациями и выстроены в заданной последовательности разворачивания, так что иерархия значимого записана с помощью мер времени и простран-

ства — через организацию доступности/доступа, близости/отдаленности и т.п. «Нормальный» или «образцовый» куратор (критик) выступает при этом своего рода гидом (экскурсоводом), организующим для посетителей (читателей) смысловую инициацию в общее *высокое* прошлое, отделенное символической дистанцией. Разделение ролей художника и критика, критика и зрителя так же принципиальны для классического музея, как обстановка своего рода храма, мифология оригинала (уникума), запреты громко говорить, вступать во внешние коммуникации (пользоваться мобильным телефоном) и трогать экспонаты руками. Экспозиция развернута как панорама и задана как ретроспекция, при сохранении «алиби» зрителя и экскурсовода. Время шедевров — вечность, время их экспозиции — история. Стоит напомнить, что и «классика», и «история» в нынешнем смысле (то есть история как телеология, прогресс, развитие, изнанка которых — концепции вырождения, заката, краха, конца) — изобретения той же модерной эпохи и буржуазного общества³.

2. Конкуренты музея в этих его претензиях монополизировать символическое представление общества — национального сообщества — как смыслового целого возникают уже в середине и второй половине XIX в. Если национальные сообщества стран Запада, которые позднее стали называть развитыми, наследуют сословно-иерархическому социуму империй, единое пространство которых задано иерархией власти с монархом во главе, престижем аристократии, всеобщностью (прозрачностью) централизованных коммуникаций и единого языка, то конкуренция этому смысловому и символическому порядку возникает, можно сказать, с двух сторон: со стороны частного, особенного (группового, локального, в том числе — «низкого», «обыденного») и со стороны общего, универсального (рынок). Среди этих новых конкурентных форм репрезентации значимого целого — *выставка* (Всемирные выставки в Лондоне, 1851, Париже, 1855 и 1867, Вене, 1873, и т.д.,

¹ См.: *Guillaume M.* La politique du patrimoine. Paris, 1980; *Pomian K.* Musée, nation, musée national // *Le Débat*, 1991, №65 (mai-juin), p. 166–176.

² Ставшая классической просвещенческой формулировка И.К. Адельунга (1782); см.: *Adelung J.C.* Versuch einer Geschichte der Kultur des menschlichen Geschlechts. Königstein im Taunus, 1979.

³ См. об этом: *Дубин Б.* Коллективная амнезия как форма адаптации // *Вестник общественного мнения*, 2011, №2(108), с. 96–97.

на первую парижскую из которых не случайно откликнулся основоположник эстетики модерна Бодлер¹); *художественный салон* (ср. обзоры того же Бодлера 1840-50-х гг.)²; *супермаркет* (см. «Дамское счастье» Золя, 1883)³; *пассаж*, ставший позднее одержимым темой Вальтера Беньямина. Перед нами разные формы репрезентации значимого мира и, соответственно, разные конструкции обобщенного субъекта действия. Если в музее представлена единая и неизменная история уникального и обособленного в вечном времени культуры, то в супермаркете или на рынке — единовременная репрезентация разного, даже взаимоисключающего (в том числе, непривычного, еще никем не узаконенного, чужого, «дикого») в актуальном времени многостороннего сравнения и универсального обмена: устаревшее здесь уценивается или попросту снимается с продажи, иногда «возвращаясь» позднее в виде моды, «ретро» и т.п.

3. Ситуация постмодерна во второй половине XX века — вместе с глубокой трансформацией идей национального сообщества (государства) и, в определенной мере, национальной культуры — принципиально меняет понимание социальных функций и смыслового устройства музея⁴. Появление, вслед за фотографией, новых технических средств репрезентации и репродукции тех или иных смысловых целостностей — кино, телевидения, магнитофона и видеомангнитофона, наконец, персонального компьютера, а позднее смартфона и т.д. с подключением к глобальному Интернету — лишь «внешнее» выражение этих коренных изменений в характере *общества* и положении *субъекта* в нем. Для музея они подразумевают перенос центра тяжести с экспозиции (и каждого отдельного экспоната, и их заданной куратором

последовательности) на посетителя, с уникальных шедевров на массовые повседневные вещи и обиходные ситуации, переход от увековечения и репрезентации образцов — к социальному взаимодействию здесь и сейчас, от поучения к игре. Более адекватным общим понятием — контекстом для интерпретации тех или иных экспонатов музея, для процедур их смыслового связывания — вероятно, стоило бы считать теперь понятие «цивилизация» (а не «культура»). Одиночным, но характерным примером успешной музейной институции нового типа может быть, скажем, Музей цивилизации в Квебеке, строящий выставки в расчете на вполне определенную — прежде всего местную — аудиторию, с которой он постоянно и тесно связан, так что подразумевает ее активное участие и в подготовке экспозиции, и в интерактивном освоении представленного. Тем самым, фундаментальное для классического музея («музея культуры») разделение на художника и публику, созерцание и участие ослабляются или даже снимаются; точнее было бы сказать, ролевые границы, контуры идентичности, символической принадлежности проводятся здесь по-другому⁵.

4. Соответственно, в центр музейной работы выдвигается, на мой взгляд, проблема и задача разовой экспозиции. Я бы предложил понимать ее — в противоположность архиву — по модели высказывания или, еще уже, перформативного высказывания⁶. С одной стороны, этим, в противоположность вечности и телеологизму «классического» музея-архива, подчеркивается

¹ См.: *Greenhalgh P. Ephemeral Vistas: The Expositions Universelles, Great Exhibitions and World's Fairs, 1851-1939.* Manchester, 2000. Цитирую отклик Бодлера на Всемирную выставку 1855 г. в Париже: «Что сказал бы современный Винкельман [...] перед этим изделием из Китая, изделием непривычным, диковинным, вычурным по форме, кричащим по цвету и вместе с тем исчезающе тонким, как аромат? Тем не менее, перед нами образец всеобщей красоты, но для того, чтобы его понять, критику и зрителю придется пройти через особое, таинственное превращение...» — *Baudelaire Ch. Oeuvres complètes.* Paris, 1999, p. 722. Среди разновидностей описанного здесь экзотического — «колониальное», чрезвычайно значимое для империй, сроки которых в эпоху модерна как раз и подходят к концу.

² См.: *Monnier G. L'Art et ses institutions en France de la Révolution à nos jours.* Paris, 1995.

³ См.: *Miller M.B. The Bon Marché: Bourgeois Culture and the Department Store, 1869-1920.* Princeton, 1994.

⁴ См.: *Huyssen A. Escape from Amnesia: The Museum as Mass Medium // Idem. Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia.* New York; London, 1995, p. 13-35.

⁵ Экспозиция там ориентируется на местное сообщество (community, напомним ставшую популярной после Ф.Тенниса оппозицию community-society) и может вообще строиться вокруг обстоятельств и проблем социального существования определенного контингента жителей. Например, на выставке «Улица Внешности, дом 1» это были люди с физическими и психическими отклонениями, ставшие, в полном смысле слова, героями, а не зрителями представления. Данными сведениями и соображениями я обязан А.В. Морочник и ее дипломной работе, выполненной на факультете истории искусств РГГУ в 2003 г. В более общем плане см.: *Museums and Communities. The Politics of Public Culture / Karp I. a.o., eds.* Washington; London, 1992; *Museum Culture: Histories, Discourses, Spectacles / Sherman J., Rogoff I., eds.* London, 1994; *Walsh K. The Representation of the Past. Museums and Heritage in the Post-Modern World.* London; New York, 1995; *Museums and Their Communities / Watson S.E.R., ed.* London; New York, 2007; *Калугина Т. Художественный музей как феномен культуры.* СПб., 2008.

⁶ Это противопоставление архива, по М.Фуко, и высказывания, по Э.Бенвенисту, проведено в другом контексте и для других целей Джорджо Агамбеном. См.: *Agamben G. Quel che resta di Auschwitz.* Torino, 2002, p. 133-136. Проблему перформативности в связи с художественными институциями современной России подняла недавно Юлия Лидерман, см.: *Лидерман Ю. Почему концепция перформативного искусства не популярна в сегодняшней России? // Вестник общественного мнения, 2010, №3 (105), с. 37-45.*

принципиально временный, больше того — случайный, спорадический характер представленного, проявляющийся лишь во взаимодействии с реальной публикой. Значимость выставки-высказывания задается, как ни парадоксально, именно ее не-вечностью, конечностью во времени, временной границей. С другой стороны, подобная выставка не исходит из твердой и неизменной роли «Другого» как просвещаемого сверху зрителя, а проблематизирует его определения, в том числе — для него самого. Субъекту предлагается разыгрывать и переживать новое, непривычное для него, а значит — конструировать себя как нового, еще неизвестного. Коммуникативная ситуация задана обращением к индивиду, которому предстоит (предложено, если он пожелает) сделать это высказывание «своим». Тем самым выставка-высказывание выступает проективной формой организации потенциально-значимого сообщения, которое не претендует на целостность и разворачивается в актуальном времени, так что субъект задается как находящийся «внутри», а не «вне» — как актер, а не созерцатель. Интерактивность посетителя вмонтирована в конструкцию выставки; иной, в сравнении с «классическим» музейным, характер сообщения проявляет или предопределяет здесь иной характер сообщества — открытого, игрового, ситуативного. Разделение на высокое/низкое, а соответственно иерархия статусов гида/зрителя, при этом не работают, поскольку здесь провоцируется ситуация порождения смысла, а не транслируется готовый и чужой (внешний) смысл. Значение каждого отдельного экспоната — не в том, что он шедевр, а в том, что он значит для тебя. Так вот, задача музея здесь и сейчас, мне кажется, в том, чтобы с использованием различных медиальных технологий инсценировать такого рода экспозицию. Подчеркну, что представляется и разыгрывается при этом, вообще говоря, сама современность, «модерность» как многомерная и многослойная смысловая конструкция или организация — не собрание памятников, а способ субъективного связывания непредданного значимого мира, наделения мира значимостью. Соответственно меняется и функция куратора. Он (а вслед за ним — критик) выступают теперь провокаторами смысловой неопределенности и неожиданности, требующей ответной активности посетителя, собственно взаимодействия. Здесь берет начало принципиальный для постмодерна конфликт между продуктивными (провокативно-креативными) и репрезентативно-репродуктивными функ-

циями музея и музейного работника — задачами квалифицированной валоризации, отбора, сертификации наиболее значительных образцов.

5. Особенность музеев в России (в частности, национальных художественных хранилищ — Третьяковской галереи, Русского музея, региональных институций по их образу и подобию), как мне представляется, состоит в том, что и верховная коллективная идентичность общего «мы», и производная от нее, по российским порядкам, индивидуальная идентичность всегда подчиненного, неполноправного, частного «я» постоянно и неустранимо проблематичны. Это свойство — приходится сказать о нем совсем кратко — тех обществ, которые оказались эпигональными по отношению к «центрам модернизации»; добавлю, что применительно к ним социологи, беря за мысленный образец ту программу «культуры», которая исторически сложилась в европейских обществах модерна, говорят о «периферийных» или «гибридных» культурах¹. Учет данного обстоятельства понуждает задуматься о новой концепции музея и экспозиций в нем. В частности, особое значение приобретают в таких условиях конструкция и значение *прошлого, границы и чужого*; это последнее бриколажем проблематизирует «свое» как *особое*, особенное, отличное от других и для них закрытое. Инстанции и символы удостоверения «я/мы» в современной России — ограничусь сейчас тем, что знаю как социолог-эмпирик — вынесены исключительно в прошлое и вовне, за смысловой рубеж; отсюда целостный и гипертрофированный в его значимости образ Запада, связанная с ним концепция Востока, «евразийства» и проч. Многомерная оптика экспозиции в подобном социально-историческом контексте должна была бы так или иначе символически представлять *двойное сознание* — чувство зависимости от «другого» и попытки ускользания от него (неприсутствия, выпадения из ситуации); невозможность фиксации образа «я/мы» (поэтому «нас», говоря тютчевскими словами, «не понять» и «не измерить»), а потому неспособность принятия и невозможность вменения ответственности за окружающее (напомню конструкцию «алиби», о которой в ином смысле упоминалось выше); соединение пассивности и лукавства (отсюда

¹ В общесоциологическом плане см. об этом: *Hannerz U. Scenarios for Peripheral Cultures // Culture, Globalization and the World-System / King A.D., ed. Minneapolis, 1997, pp.107-128; Sarlo B. Una modernidad periférica: Buenos Aires 1920 — 1930. Buenos Aires, 1999; García Canclini N. Culturas híbridas: Estrategias para entrar y salir de la modernidad. México, 2009.*

значение всего бокового, «второго», потайного). Концепт цивилизации работает в российских условиях лучше понятия культуры еще и потому, что программы культуры и антропологии субъективности в России не было. Здесь частично (на манер “культы карго”, известного современным этнологам¹) усваивались наиболее броские символы Запада, особенно – всё, относящееся в широком смысле слова к “технике”. Но при этом они переозначивались и переосмысливались как культурные блага, а затем, соответственно, либо вводились в режим малодоступного, но этим и притягательного дефицита, либо, напротив, массовизировались, стандартизировались как всеобщие, обычные, ценностно не отмеченные.

6. Я хочу сказать, что проблемой для выставки и музея, как их предложено здесь понимать, становится сама роль зрителя в России (именно зрителя, а не участника) – рассеянного и, вместе с тем, неотрывного созерцателя политики, социальной жизни, истории, спорта, церковного ритуала и проч. С середины 1990-х, а особенно с начала 2000-х годов социологи стали все чаще говорить о России как “обществе зрителей”². Мне кажется, стоило бы попробовать смоделировать такого зрителя и работать с этим образом, точнее – семейством образов. В него вошли бы, допустим, “неуч”, который не знает и не помнит, аналог “затрудняющихся с ответом” при массовых социологических опросах; провинциал в столице, который хочет “приобщиться”; раздраженный русофилксенофоб; избалованный знаток; ненасытный модник; нувориш, которому нужна “старина”, “чтоб красиво”; турист-иностранец и т.д. Подобные задачи, на мой взгляд, не отменяют классического музея-архива (в культуре, видимо, вообще ничто не вычеркивается полностью и насовсем), а усложняют его функциональную

конструкцию. Он становится многосоставным и подвижным пространством, где над элементами постоянной исторической экспозиции условного целого надстраиваются по-другому организованные пространства локального и частного – иные визуальные среды, оптические устройства с иными экскурсионными стратегиями, иными режимами смотрения.

7. С другой стороны, проблемой и объектами репрезентации, ее определяющей смысловой конструкцией должны были бы стать сегодня такие феномены основополагающего для советской и постсоветской России тоталитарного опыта, как анонимное насилие и коллективная травма; периферийность (провинциальность, окраинность) и бедность; формы принудительной совместности (начиная с коммуналок и включая, по терминологии Ирвина Гофмана, “узилища”³), как и порожденное ими неприятие «другого», в том числе – этнических “других”; униженность и автовиктимизация; привычка и чрезвычайность как два взаимосвязанные измерения коллективной жизни; страх как смысловой горизонт общего существования; невозможность субъективного и интимного, умолчание и безъязычие (немота); историческая лакуна (пропуск, вымарка) и забвение; цивилизация как палимпсест; “работа траура” и “памятники отсутствию”. Отсюда – уже иная, в сравнении с упомянутым выше пассивно-адаптирующимся зрителем-созерцателем или зевакой, функциональная конструкция зрителя как (возможного) свидетеля⁴. Организованные в расчете на него музей и выставка очерчивали бы имеющиеся либо отсутствующие в сегодняшнем российском обществе возможности и границы свидетельствования, равно как и способности освоения (или практики отторжения) чужих свидетельств, самого взгляда «других».

¹ См.: Уорсли П. Когда вострубит труба. Исследование культов Карго в Меланезии. М., 1963.

² См., например: Левада Ю. Индикаторы и парадигмы культуры в общественном мнении // Мониторинг общественного мнения, 1998, №3, с. 7–12; Гудков Л., Дубин Б. Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов // Там же, 2001, №2, с. 31–45.

³ Goffman E. Asylums. New York, 1961.

⁴ Свидетель – центральная фигура (теоретический конструкт или даже «концептуальный персонаж») в упомянутой выше философской монографии Дж. Агамбена; подробнее см. об этом: Агамбен Дж. Что остается от Аушвица. Архив и свидетельство (реферат) // Отечественные записки, 2008, №43 (4), с. 58–68.

МАТЕРИАЛЫ ТЕКУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Лев ГУДКОВ

РОССИЯНЕ ОБ ИЗРАИЛЕ

С 15 по 18 апреля 2011 года Левада-Центр провел опрос по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных в этих исследованиях не превышает 3,4%.

Отношение к Израилю. Большинство россиян (65% в 2003 году, 56% — в 2008 г., 69% — в 2011 г.) позитивно относятся к Израилю, причем с течением времени, если сравнивать с опросами 20-летней давности, это отношение становится если не дружественным, то, по крайней мере, более спокойным и открытым¹. Неприязненные установки, сохраняющиеся с советских времен тогдашней политики государственного антисемитизма и антиссионистской пропаганды, присущи относительно меньшинству (соответственно, по годам: 17%, 24% и 15%). Они незначительно растут при усилении критики в российских СМИ израильской политики по отношению к палестинцам, но затем, как правило, всегда снижаются, поскольку образ Израиля в целом остается позитивным и, более того, с течением времени,

¹ См.: Гудков Л., Левинсон А. Евреи в России: свои — чужие // Одиссей. 1993. М., 1994, с. 85–106; Gudkov L., Levinson A. Attitudes Towards Jews in the Union Republics. // Sociological Research / Soviet Sociology. A Journal of Translations from Russian. 1992, November-December, p. 11–29; Attitudes Toward Jews in the Soviet Union: Public Opinion in Ten Republics // Working Papers on Contemporary Anti-semitism. Ed. by D. Singer. N.Y.: Institute of Human Relations; American Jewish Committee, 1993; Gudkov L., Levinson A. Attitudes Toward Jews in the Commonwealth of Independent States // Working Papers on Contemporary Anti-semitism / Ed. by D. Singer. N.Y.: Institute of Human Relations; American Jewish Committee, 1994.

по мере расширения знания о жизни в Израиле, становится все более привлекательным.

Особую роль здесь играют два содержательных момента, которые чрезвычайно высоко котируются в общественном мнении России. Первый момент — растущая убежденность в том, что Израиль создал эффективную и доступную для населения систему социальной защиты и обеспечения, в первую очередь — медицинского обслуживания населения, опирающуюся на развитую, высокотехнологичную экономику и демократические государственные институты. (Мнения о социальном обеспечении, как можно предполагать, распространяются среди российского населения по неформальным межличностным каналам). Такого рода сведения явно не поступают из официальных средств массовой информации, ТВ или контролируемой Кремлем печати, но так или иначе — через рассказы родственников в Израиле или посещающих Израиль — информация об этом создает благоприятный фон для Израиля.

Второй момент связан с впечатлением силы, производимой действиями Израиля по защите своей территории и граждан от нападений арабских террористов, эффективности его армии, поддерживаемой обществом, а также от состояния морального духа, коллективной ответственности и общей сплоченности граждан. В России традиционно уважают силу, и успехи израильского общества (несмотря на ощутимо недоброжелательный тон многих оппозиционных политиков — коммунистов, жириновцев и др. — по отношению к Израилю), действуют на воображение россиян, нейтрализуя следы прежней антиизраильской пропаганды.

Индифферентны, равнодушны и далеки от какого бы то ни было интереса по отношению к Израилю (и его окружению), главным

образом, пожилые и малообразованные люди, жители периферийных малых городов и сел с ограниченным информационным горизонтом и общественными запросами. Объем этих групп составляет от 16% до 20% от общего числа опрошенных.

Структура образа Израиля мало меняется на протяжении тех лет, когда проводились опросы общественного мнения в России.

КОГДА ВЫ ДУМАЕТЕ ОБ ИЗРАИЛЕ, ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРИХОДИТ ВАМ НА УМ?

	2008 май	2011 апрель
Евреи, еврейский народ, их качества	49	45
История, библейские мотивы, возникновение христианства	19	34
Напряженность на Ближнем Востоке, палестино-израильский конфликт	19	20
Развитая европейская страна, демократия	8	14
Соотечественники, выходцы из стран бывшего СССР	–	14
Иудаизм, еврейская культура, религия, традиции, праздники	12	11
Сильное государство, победы в войнах на Ближнем Востоке	6	11
Развитая экономика	8	10
Сионизм, политика создания еврейского государства	7	4
Мировой сионистский заговор	3	3
Другое	6	6
Затруднились ответить	16	12

ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ОБ ИЗРАИЛЕ?

Это...	%
1. еврейская страна	54
2. агрессивное националистическое государство	10
3. Это страна... с которой связано возникновение христианства	26
4. где находятся святые мировые религий	26
5. куда уезжают знакомые евреи	21
6. с быстро развивающейся экономикой	19
7. защищающая себя, свою независимость	16
8. где постоянно идет война, совершаются террористические акты	16
9. одна из демократических стран	10
10. где хорошие курорты, где хорошо отдыхать	10
11. имеющая одну из самых сильных спецслужб и разведку	7
12. не знаю, затрудняюсь ответить	7

Октябрь 1997 г., N=1500

Опросы, проведенные в последние годы, свидетельствуют о том, что соотношение тех, кто говорит, что у них в последнее время улучшилось отношение к Израилю, и тех, кто заявляет об ухудшении своего отношения к еврейскому государству, составляет 9:1. Хотя большая часть опрошенных (60%) говорит о том, что их отношение к Израилю не изменилось и продолжает оставаться спокойным, таким же, как к другим странам, в действительности это означает существенное изменение отношения к этой стране. Израиль в советское время — и следы этого отношения фиксировались исследованиями нашего Центра в 1990-1992 гг. — был одним из пяти главных потенциальных противников СССР; еще в начале 1990-х годов симпатии респондентов к палестинцам существенно перевешивали симпатии к израильтянам.

Особенно заметные сдвиги в отношении к Израилю произошли в группах, отличающихся социальной дееспособностью, активностью, компетентностью, информированностью, короче, большими ресурсами — у молодых, наиболее образованных, связанных с бизнесом или имеющих собственное дело, среди директорского корпуса и специалистов. (Оценки и представления этих групп оказывают с течением времени воздействие на общественное мнение и принимаются другими, более широкими слоями и группами.) Недоверием и подозрительностью в данном отношении отличаются как раз люди пожилого возраста, низко образованные, живущие на периферии, где сохраняется в большей степени инерция советского уклада жизни и соответствующие той эпохе идеологические клише. Важным обстоятельством изменения негативных установок является информация, идущая от уехавших, волнами распространяющаяся в среде, которая отличается повышенным интересом к Израилю и другим странам еврейской эмиграции. А это довольно значительная часть населения: 27-29% опрошенных имеет родственников и друзей среди эмигрантов, 5% респондентов, заявили, что в кругу их ближайших знакомых и родственников есть те, кто собирается уехать в самое ближайшее время. Об улучшившемся восприятии Израиля и смягчении прежнего недоброжелательства свидетельствует, пусть и косвенным образом, заметный рост числа тех, кто хотел бы съездить в эту страну с туристическими или гостевыми целями.

Так же позитивно воспринимаются и оцениваются межгосударственные отношения между Израилем и Россией. Поскольку это мнения

заданы общими информационными и идеологическими каналами, отражающими политические установки руководства страны на протяжении длительного периода времени, то колебания в разных социальных средах минимальны. В 1996 году отношения между Россией и Израилем оценивались следующим образом: «дружескими» их назвали 17%, «чисто партнерскими» — 46%, «неприятельскими и враждебными» — 4% (34% затруднились ответить).

В числе дружественных стран Израиль называют лишь 4% (в среднем за последние 5 лет), недружественно или враждебно настроенным по отношению к России его считают 3% (оба вопроса задаются в открытой форме).

Примерно так же (с учетом изменения формулировок анкеты) характеризуются они и в самые последние годы:

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ НЫНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИЗРАИЛЕМ?

	2008 май	2011 апрель
Дружественные	5	8
Хорошие, добрососедские	14	13
Нормальные, спокойные	48	54
Прохладные	15	10
Напряженные	4	2
Враждебные	0,6	0,6
Затруднились ответить	14	12
Соотношение позитивных и негативных мнений	3,4	5,7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЗИТИВНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОЦЕНОК ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИЗРАИЛЕМ И РОССИЕЙ В РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ

	Сумма положитель- ных мнений	Сумма отрицатель- ных мнений
В среднем	75	13
Предприниматель	75	18
Руководитель	74	15
Специалист с высшим образованием	76	12
Военнослужащий, сотрудник правоохранительных органов	78	16
Служащий (без высшего образования)	73	13
Рабочий	77	11
Учащийся, студент	79	11
Пенсионер	70	16
Домохозяйка	72	14
Безработный	75	8

Вместе с тем, интерес россиян к тому, что происходит в Израиле, нельзя назвать высоким или даже сколько-нибудь распространенным. Справедливости ради следует сказать, что интерес к тому, что происходит в мире, в других странах, в России вообще невелик.

Интерес к информации об Израиле

События в Израиле редко оказываются в поле внимания российских средств массовой информации (соответственно, россиян), и происходит это, главным образом, в связи с теми или иными обстоятельствами конфликтных отношений между евреями и арабами. Но значимость событий в Израиле или в этом регионе в целом для российской публики невелика. Интерес к ним ниже, чем интерес к США, к европейским странам или к Японии. 22% вообще не смогли ответить на вопрос, что их интересует или могло бы заинтересовать в Израиле. Ответы слабо дифференцированы в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов и среди них нет явно выделяемых сфер, привлекающих внимание и мотивирующих спрос на нужную информацию (в среднем каждый опрошенный называл лишь около двух тем, что немного).

Иными словами, состоянием медицины интересуются люди старшего возраста, более образованные респонденты, жители Москвы. Напротив, перспективы туристической поездки занимают молодых (но опять-таки — более образованных респондентов), более обеспеченных, в первую очередь — москвичей и жителей крупных городов. О своем интересе к проблемам иудаизма и религиозной жизни в Израиле заявили 10% опрошенных, преимущественно это образованные женщины, респонденты, живущие в Москве (20%) или крупных городах.

Посещение мест православного поклонения интересует образованных горожан, преимущественно женщин, жителей провинции.

Культура Израиля привлекает молодых образованных людей, чаще — женщин, жителей Москвы и крупных городов.

Израильская армия, методы борьбы с терроризмом или политическая система или общественно-политическая жизнь в Израиле волнует сравнительно немногочисленный слой образованных россиян, скорее молодых и образованных мужчин (в среднем 9–11%).

Наиболее перспективными областями взаимовыгодного сотрудничества России и Израиля, по мнению россиян, являются (в порядке убывания): медицина (50%), туризм (37%), обмен опытом в деле борьбы с терроризмом (29%), тор-

КАКОГО РОДА ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИЗРАИЛЕ ВАС ИНТЕРЕСУЕТ БОЛЕЕ ВСЕГО? (приводятся распределения по 5 наиболее часто даваемым ответам; жирным шрифтом выделены значимые отклонения от средних)

	Медицина и здравоохранение	Туризм	Христианские святыни	Культура, культурная жизнь в Израиле	Экономика и научно-технические достижения
В среднем	28	25	24	22	15
ПОЛ:					
мужчины	26	25	20	19	18
Женщины	29	25	28	24	12
ВОЗРАСТ:					
18-24 года	18	34	20	20	17
25-39 лет	26	31	24	26	16
40-54 года	29	24	27	23	15
55 лет и старше	32	17	24	17	12
ОБРАЗОВАНИЕ:					
Высшее	29	32	30	27	16
Среднее специальное	24	28	22	21	17
Среднее общее	28	27	24	22	15
Ниже среднего	29	18	23	19	12
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА:					
Москва	31	43	20	27	12
Большие города	21	30	20	23	14
Средние города	32	25	33	23	15
Малые	28	24	20	20	14
Село	27	17	26	19	16
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС:					
Предприниматель	20	26	12	8	8
Руководитель	38	36	23	30	17
Специалист с высш. обр.	26	31	27	29	20
Военнослужащий, сотрудник правоохранительных орга- нов	24	24	23	14	21
Служащий без высш. обр.	27	33	24	21	16
Рабочий	28	26	23	20	13
Учащийся, студент	15	28	28	26	20
Пенсионер	32	14	23	15	10
Домохозяйка	26	28	25	34	12
Безработный	23	26	21	23	19

говля (28%), научно-технические связи и обмен передовыми технологиями (25%, среди людей с высшим образованием, более молодых – 28%, среди москвичей – 33%), образование, обмен студентами (21%), культура, музейное дело – 19%.

Сельское хозяйство – явно недооцененная область израильских достижений и успехов (ее отметили лишь 14% опрошенных), что говорит о слабой информированности российского населения об этой стороне жизни и экономики Израиля (среди респондентов с высшим образованием таких – 19%, среди москвичей – 17, в селе – 16%).

Некоторые из опрошенных называли среди приоритетных направлений российско-израильского взаимовыгодного партнерства «военно-техническое сотрудничество» (в среднем – 6%, однако среди людей более продвинутых, образованных и компетентных процент подобных ответов существенно выше: у военных – 16%, руководителей фирм и организаций – 13%, специалистов с высшим образованием и предпринимателей – 8%).

Негативное отношение к более тесному сотрудничеству с израильскими партнерами или низкую оценку израильского опыта проявляют

менее 4% респондентов, что косвенным образом подтверждает признание особых достижений и успехов Израиля.

На вопрос: «Как вы относитесь к товарам, произведенным в Израиле?» — абсолютное большинство респондентов (66%) заявили, что они не выделяют израильские товары и продукты из общего ряда импортных товаров, полагая, что те не хуже, но и не лучше товаров из других стран (наиболее характерно такое мнение для предпринимателей, руководителей и специалистов). Положительно оценивают их или даже предпочитают их продукции других стран

в целом 15% населения (главным образом, это самые образованные и компетентные потребители — руководители и специалисты, среди которых преобладают женщины — 28% и 20%, соответственно). Людей, которые целенаправленно бы искали именно израильские товары потому, что они намного лучше или их привлекало бы особое соотношение «цены-качества», или по иным причинам, в опросе не обнаружено (соответствующий ответ дал лишь 1 человек из всей выборки). Негативные установки проявляют лишь незначительные по численности группы (в среднем о неодобрительном отноше-

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МНЕНИЙ О ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ИЗРАИЛЯ В РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУППАХ (приводятся первые четыре наиболее значимых варианта ответов*)

	Медицина	Туризм	Торговля	Технологии
В среднем	50	37	28	25
ПОЛ:				
мужчины	49	36	26	29
Женщины	51	38	29	22
ВОЗРАСТ:				
18–24 года	45	44	30	28
25–39 лет	51	42	29	26
40–54 года	52	36	24	27
55 лет и старше	49	31	29	22
ОБРАЗОВАНИЕ:				
Высшее	60	46	34	28
Среднее специальное	46	35	27	26
Среднее общее	49	41	29	27
Ниже среднего	47	31	24	22
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА:				
Москва	54	51	27	33
Большие города	50	44	39	23
Средние города	60	42	27	26
Малые	48	34	21	26
Село	42	27	27	24
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС:				
Предприниматель	36	28	31	24
Руководитель	61	44	30	31
Специалист с высшим образованием	57	46	30	31
Военнослужащий, сотрудник правоохранительных органов	45	36	27	22
Служащий без высшего образования	52	33	26	28
Рабочий	48	37	25	24
Учащийся, студент	46	44	29	29
Пенсионер	49	28	27	21
Домохозяйка	44	46	28	22
Безработный	40	35	34	31

* Кроме «борьбы с терроризмом», названной 29%; этот вариант ответа сильнейшим образом обусловлен пропагандой, навязывающей населению представления о фатальной обусловленности и всеобщности угрозы терактов, поэтому не обнаруживается значимых расхождений в мнениях респондентов из различных социальных групп.

нии к израильским товарам и продуктам заявили лишь 3% опрошенных, в которых ощутимо присутствие антисемитских настроений (более высок удельный вес таких установок среди военнослужащих – 10%, учащихся, пенсионеров и домохозяек – по 5–6%, жителей южных регионов, где сильнее проявляются следы традиционного антисемитизма).

Проблема израильско-палестинских отношений

Российское общественное мнение (россияне в своем абсолютном большинстве – 82%) дистанцируется от обеих сторон палестино-израильского конфликта. Сочувствуют израильтянам 12% россиян. Преимущественно это москвичи (30%), более молодые, образованные и занимающие более высокие социальные позиции россияне – руководители, специалисты, а также военнослужащие (эта группа в выборке, правда, очень невелика). На стороне палестинцев – симпатии 6% (чаще это жители провинциальных городов – 7–9%). Значительная часть опрошенных не в состоянии дать какой-нибудь содержательный ответ на вопрос о причинах или истории, обстоятельствах возникновения и протекания израильско-палестинского конфликта (таких 35%, столько же респондентов не в состоянии занять определенную позицию по отношению к участникам этой длительной борьбы и противостояния).

В несколько ином варианте ответов распределение ответов сохраняет тот же характер и смысл.

16% в настоящее время полагают, что Израиль защищает себя от палестинских тер-

рористов (так чаще отвечают люди молодые и образованные, среди москвичей эту версию разделяет относительное большинство – 40% и здесь же минимум затруднившихся в ответах). 13% склоняются к мнению, что Израиль ведет агрессию против народа Палестины (это мнение чаще разделяют жители провинциальных городов, где в большей степени сохраняются старые шаблоны государственного антисемитизма). Но разница между этими группами невелика и часто, под влиянием тех или иных событий (палестинских терактов или, напротив, силовых действий израильской армии) мнения могут незначительно меняться в ту или иную сторону, как это было год назад во время высадки десанта на нарушившие блокаду корабли с грузами для сектора Газы. Но, если проследить соотношение мнений не всех респондентов, а лишь тех, у кого фиксируется вполне определенное и устойчивое отношение к этим событиям, то следует отметить, что оно практически не меняется на протяжении почти 10 лет. А это значит, что соотношение каналов информации или структура авторитетных интерпретаций очень устойчивы и здесь не появляется ничего нового.

Большинство россиян полагают, что России не следует вмешиваться в этот конфликт, надо оставаться в стороне (так считают 39%) и приложить все силы для мирного урегулирования давних противоречий (44%). Произраильскую позицию занимают всего около 4–7% (опять-таки, ее чаще занимают москвичи – 10%), проарабскую – от 1% до 4%.

ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ РОССИЯН В ИЗРАИЛЬСКО-ПАЛЕСТИНСКОМ КОНФЛИКТЕ

На чьей стороны ваши симпатии...	Палестинцев	Израильтян	И на той, и на другой стороне	Ни на той, ни на другой	Затруднились ответить
1992, март	19	5	7	29	40
2001 январь	9	9	31	30	21
2002 апрель	12	7	31	31	19
2006 февраль	9	6	33	33	19

НА ЧЬЕЙ СТОРОНЫ ВАШИ СИМПАТИИ...

На стороне ...	Палестинцев	Израильтян	Ни на той, ни на другой стороне	Затруднились ответить
1997, октябрь	10	13	53	24
2007, июнь	10	10	57	23
2008, май	9	12	61	18
2009 январь	12	10	57	21
2010, июнь	13	9	64	14
2011, апрель	6	12	71	11

ВОПРОС: ОДНИ ГОВОРЯТ, ЧТО ИЗРАИЛЬ СЕЙЧАС ЗАЩИЩАЕТ СЕБЯ ОТ ПАЛЕСТИНСКИХ ТЕРРОРИСТОВ, ДРУГИЕ – ЧТО ОН ОСУЩЕСТВЛЯЕТ АГРЕССИЮ ПРОТИВ НАРОДА ПАЛЕСТИНЫ. КАКАЯ ИЗ ЭТИХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ БОЛЕЕ ВЕРНА?

	2002 апрель	2004 апрель	2011 апрель
1. Израиль защищает себя от палестинских террористов	22	26	16
2. Израиль ведет агрессию против народа Палестины	19	21	13
3. Верно и то, и другое	25	22	35
4. Затруднились ответить	34	31	36
Соотношение произраильских и пропалестинских ответов (долей ответов вариант 1 и 2)	1,2	1,2	1,2

КАКУЮ ПОЗИЦИЮ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СЛЕДУЕТ ЗАНЯТЬ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА?

	2006 Июль	2006 август	2009 январь	2011 апрель
Поддержать палестинцев	4	4	4	1
Поддержать Израиль	5	4	6	7
Приложить все силы для мирного урегулирования конфликта	48	47	38	44
Оставаться в стороне, не вмешиваясь в этот конфликт	28	35	35	39
Затруднились ответить	14	10	17	9

Материал подготовил *Лев Гудков*

АВТОРЫ НОМЕРА

АШКИНАЗИ Леонид Александрович (МИЭМ)

БОРУСЯК Любовь Фридриховна (НИУ ВШЭ)

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Аналитический центр Юрия Левады)

ДУБИН Борис Владимирович (Аналитический центр Юрия Левады)

КУЗНЕЦОВА Алла Владимировна (независимый исследователь)

КУЛЫК Володымыр (Институт политических и этнонациональных исследований НАН Украины)

ЛЕВИНСОН Алексей Георгиевич (Аналитический центр Юрия Левады)

ЛЁЗИНА Евгения Владимировна (Международное общество «Мемориал»)

НИКОЛЮК Сергей Александрович (политолог, Минск)

SUMMARY

The Section «**Caucasian Barometer**» written on the findings of the survey that had been carried out late in 2010 in Georgia, Armenia and Azerbaijan by Caucasian Center of Research Resources presents the data on the attitude of the respondents towards various ethnic groups, on the level of trust to social and political institutions.

The Sources of Change in Official Collective Memory (Lessons from the Postwar West German Experience) (by Evgenia Lezina). The article is based on the postwar West German experience of «working through» the Nazi past. The decades following the end of World War II West German collective memory of the Third Reich has undergone a significant change marked by the reevaluation of the meaning of victimhood, the reinvention of the Holocaust remembrances and placing them in the center of West German identity. The major sources of change in the cultural situation of the Federal Republic of Germany were, first, diversification of memory narratives and appearance of 'alternative remembering' that challenged and contested the official memory narrative. Second, change in the official narratives of the German repressive past was due to the transformation of social values and the basis of collective identification that manifested in the introduction and sustaining of new symbols (such as the Holocaust survivor, the concentration camp, the figure of the Nazi executioner). Finally, the cultural change was brought about and further sustained through institutionalization of the new collective memory discourses in such institutions of cultural transmission as schools and universities, mass media, museums, national libraries, national holidays and remembrance days, commemorations, as well as the veneration of places (graveyards, war monuments, concentration camps sites, etc.). The experience of postwar West Germany has proved that change in official memory narratives is determined by the realization of the principle of pluralism and competition, as well as a certain degree of freedom in the political sphere. Neither identity nor memory in pluralistic societies are monolithic; they both

can vary in accordance with real social dynamics, produced as a result of the ongoing process of public approval of the various positions and interests, crystallized in the process of social interaction, and ultimately determining what Hannah Arendt called «the human condition of plurality.» By contrast, the absence of a public sphere, the deliberate marginalization or absence of the groups able to create and transmit alternative meanings blocks the possibility of retaining and reproducing any collective memory version that may be different from the official one.

Education: Possibility of Reforms and Impact of Corruption (by Lubov Borusyak). The paper deals with discussions that take place in the forums of Runet on the problems of parents, children and education the participants of which are urbanized, well-educated, well-to-do Russians, mainly women (mothers of school students or applicants). The author points out high level of dissatisfaction with the present situation in the Russian educational system, on the one hand, and equally high level of distrust to all officials who proclaim or start bringing about changes in this system, on the other hand. This is accompanied by active efforts at tactical solving their own (their family, their child) particular problems connected with attempts of innovations both in school and higher education or even with the rumors of them: Unified National Exam, taking into account participation in school Olympiads and pupils' portfolios. Idealization of the Soviet educational system and nostalgia for it is one of manifestations of the discussants' passive resistance to educational reforms. Another variety of resistance is suspicions in total corruption of teachers and educational institutions, the entire high and higher schools (along with high level of the majority of discussants' readiness to participate in corruptive deals for their own reasons). One more form of opposition of the more prepared part of population to the planned or potential reforms is active discussing recently the problems of migration from the country «for the sake of children and their

future». Most often this isn't followed by actual preparations for departure but shows alienation of «advanced» groups from the present Russian authorities and educational system officials, they being ready to adapt in this or that way to established circumstances.

Institutional Frames of Aging and Old Age in Russia (Alexei Levinson). Russian population shares with that of some other post-industrial countries the problems of low birth rate. Its population is getting older as elsewhere but the enormously high mortality rate of the males in young age due to excessive alcohol intake is aggravating the problem. The above situation is not reflected yet by mass consciousness and the value of the particular life/existence is still low like in the societies that are in the beginning but not in the end of the S-like demographic evolution. Old age in traditional agrarian societies (like old Russian) was the preparation of the aged person's passage to another world. In present day Russia retirement is treated as both the launch of this passage and suspension of its termination. 'Young old' and 'Fourth age' phenomena of functional transformations of the old age are in the agenda of transformations of the institutional frames of the old age in Russia.

Language Practices and Attitudes of Ukrainian Citizens: the Socio-Demographic Aspect (Volodymyr Kulyk). The article examines the impact of three important socio-demographic characteristics of Ukrainian citizens, namely age, education and economic well-being on their own language practices and their preferences regarding the language situation in society. Using the data of a nationwide representative survey, it compares the mean values of different groups' declared patterns of language use, proficiencies in the Ukrainian and Russian languages and preferences regarding various aspects of the language situation and language policy. The comparison shows, on the one hand, that the use and knowledge of Russian still exceed those of Ukrainian and the younger people rely on Russian not less but more than older ones, meaning that there is neither forcible nor voluntary Ukrainianization, notwithstanding assertions to the contrary by many domestic and foreign critics of the Ukrainian language policy. On the other hand, while among older respondents the most educated and best-off people are also the most Russian-speaking, for the young generation education and economic well-being are no longer related to the predominant use of Russian. Perhaps most interesting, members

of some categories – urban, young, well-educated and, most of all, well-off people – tend to support the spread of the Ukrainian language, even though they hardly speak it themselves.

Belarus: Between Crisis and Catastrophe (by Sergey Nikolyuk). Relying on the data of sociological surveys carried out by Independent Institute of Socio-economical and Political Studies during recent months the author describes the trends in public opinion in the Republic at present. He points out extreme worsening of population's evaluations of their material well-being, of prospects for economic situation in the country, of the course adopted by the authorities. While in December 2010 the President's rating made up 53%, in September 2011 it was already 21%. A. Lukashenko is considered by the majority of population (61%) to be the main person to blame for deterioration of the situation, currency crisis in March-May 2011 in particular. A high level of respondents' distrust both to the authorities and official mass media and to oppositional parties and non-governmental mass media is revealed. The opponents of the present power make up 28% of the population, the younger and more educated citizens prevailing among them. Twice as much of the respondents demonstrate their loyalty to the authorities. On the whole distrust, passivity and fear dominate the society.

Declaration of Reading as Self Presentation (by Leonid Ashkinazi and Alla Kuznetsova). The authors use an unusual source of data on mass reading: they consider mentioning books and reading (love for this occupation, writers' names, titles of works) as a sort of visiting cards for users of internet sit «dating.ru» (about 2 mln. questionnaires who wish to get acquainted). The most often mentioned genres of literature are detective stories, science fiction and fantasy, M. Bulgakov and Strugatsky brothers being the most popular authors. The capital inhabitants mention reading 1,5 times more often than representatives of other regions; women do it 2,5 times more often than men; and the elder users of the site 3 times more often than the younger. According to the authors' observations there is no connection of mentioning reading with the amount of income declared.

Archive and Utterance: Towards the Sociology of Museum in Contemporary Russia (by Boris Dubin). Arrangement and function of a museum in modern societies and in today's Russia are scrutinized in the paper. The author suggests to separate analytically

permanent exposition aimed at representing some semantic whole (national, regional, etc.) in the form of a set of the best patterns and temporal exhibition addressed to certain audience and playing with them as with a generalized figure, a family of figures, to be exact, from «a foreign tourist» to «a provincial in the capital». The author connects the significance of a museum spectator figure and necessity of taking it into account by museums with the features of modern Russian society as «a society of spectators» and not of participants. The themes suggested for exhibitions-utterances are such phenomena of fundamental for the Soviet and post-Soviet Russia post-totalitarian experience as anonymous violence and collective trauma; belonging to periphery and poverty; the forms of enforced common coexistence and mass xenophobia; humiliatedness and auto-victimization; a habit and emergency as two interconnected measures of collective life; fear as a semantic horizon of existence; impossibility of the subjective, the intimate and alongside absence in the society of common language of values and norms, ideas and symbols, excluding the symbols of the great but lost Power and the «specific way» of Russia. The author sees the alternative to the figure of an idle spectator in the image of a witness meaningful for the themes mentioned (or in practice of evading and refusing from evidence).

The Russians about Israel (summed up by Lev Gudkov). The Section «Findings of Current Research» presents an account by Lev Gudkov on the research of Levada Center in April 2011 dealing with the Russian population attitude to Israel; the data of this research are compared with those of the previous Levada Center surveys. On the whole the image of Israel in the Russians' consciousness remains positive and as time passes with increasing knowledge about life in Israel becomes more and more attractive. Two factors are particularly important here: the first one is growing conviction that Israel has established an effective system of social protection and welfare of population (information about it is spread mainly through interpersonal communication); the second is connected with the impression of force from Israel actions on protection of its territory and citizens from attacks of Arabian terrorists, Israeli army effectiveness and from morale and overall cohesion of citizens. The least interest to Israel is manifested mainly by elderly, less educated inhabitants of small towns and rural communities. In contrast, the most significant shifts to positive attitude to Israel have taken place in socially active, competent, well-informed groups, i.e. young, most educated Russians connected with business or having their own business, top managers and specialists with higher education.

ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2011 год

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 240 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

Редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

direct@levada.ru

ORDER FORM

for 2011

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10